

Бюджетное учреждение культуры Орловской области
«Орловская детская библиотека
им. М. М. Пришвина»

12+

Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного
профессионального образования
«Институт развития образования»

ТВОРЧЕСТВО ЖИЗНИ

*Сборник материалов
VI литературно-педагогических
Пришвинских чтений*

Орёл, 6, 7, 8 февраля 2018 года

г. Орёл, 2018

**Бюджетное учреждение культуры Орловской области
«Орловская детская библиотека
им. М. М. Пришвина» 12+**

**Бюджетное учреждение Орловской области дополнительного профессионального
образования
«Институт развития образования»**

ТВОРЧЕСТВО ЖИЗНИ

*Сборник материалов
VI литературно-педагогических
Пришивинских чтений*

Орёл, 6, 7, 8 февраля 2018 года

**ББК 83.3 (2Рос=Рус)6
Т28**

Составители: Т. Н. Чупахина, Г. Н. Петрова

Рисунок Ю. В. Жеребцова

Ответственный за выпуск: И. А. Никашкина

Творчество жизни : VI литературно-педагогические Пришвинские чтения : сб. материалов, г. Орёл, 6, 7, 8 февраля 2018 г. / БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина» ; БУОО ДПО «Институт развития образования» / [сост. Т. Н. Чупахина, Г. Н. Петрова]. – Орёл, 2018. – 82 с.

Сборник «Творчество жизни», обобщая материалы конференции, представляет своеобразное собрание «сочинений» людей, трепетно относящихся к самым главным проблемам жизни: духовной наполненности существования человека, сложности взаимоотношений между людьми разных воззрений, необходимости передачи культурных накоплений «в руки» равнодушных наследников. Материалы сборника адресованы педагогам и филологам, работникам библиотек, краоведам и всем, кто интересуется вопросами развития образования и культуры.

ББК 83.3 (2Рос=РУС)6

© БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина», 2018

© Ю. В. Жеребцов, эмблема литературно-педагогических Пришвинских чтений

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
МИРСКАЯ ЧАША ЖИЗНИ	8
Старченко Н. Н. Приветственное слово	8
Кульчицкая Н. Н. Капля жизни в мирской чаше (по произведениям М. М. Пришвина и И. С. Тургенева)	9
Меркурьева Н. А. Пасхальный пафос «Записок охотника» И. С. Тургенева	11
Домарацкая Л. Р. Всего и надо, что взглядеться...	13
Кондратенко А. И. Я хотел бы... как птица, быть совершенно свободным... (Взгляды М. М. Пришвина на нравственно-этические проблемы в дневниках конца 1930-х-начала 1940-х гг.)	14
ЖИЗНЬ И ЕЁ ТВОРЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ	18
Беднарская Л. Д. Рождение лирической прозы в цикле И. С. Тургенева «Записки охотника»	18
Абинякина Т. В. В поисках «Невидимого града»: духовные искания В. Д. Пришвиной	23
Голубева С. С. Жизнь и творчество русского орловского прозаика Е. А. Зиборова	28
Кулешова К. Г. Фактологическая база Тургеневского цикла стихотворений Антона Бушунова	34
Чучмина О. А. Образ Петербурга в автобиографическом очерке М. М. Пришвина «Город света»	41
ЛЮБИМОЕ ДЕЛО: ИСКАТЬ И ОТКРЫВАТЬ...	
ПРЕКРАСНЫЕ СТОРОНЫ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА	43
Смоголь Н. Н. И. С. Тургенев - автор водевиля без музыки	43
Помыткина Т., Хобова А., Калинина В., Орешина В., Чебан Е., Новикова Е., Тищенко В. (научный руководитель – Н. Н. Смоголь) Взгляд человека на мир в «Стихотворениях в прозе» И. С. Тургенева: научно-творческий коллаж	45
Зезека Е. М. Очеловечение образов природы в творчестве М. М. Пришвина	47
Барина И. Л. Интеллект–галерея журнала «Муравейник» как инновационная форма продвижения творчества писателей-натуралистов	50
Шмотова А. П. Образ Русского Севера в книге очерков М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц»	52
Колаева И. В. Добро пожаловать в мир Михаила Пришвина! (из опыта работы Центральной городской детской библиотеки им. М. М. Пришвина)	54
Дорожкина В. Т. Родственное восприятие природы: М. М. Пришвин и С. Н. Сергеев-Ценский	57
Трошина И. В. Особым детям – особые книги	60
Петрова Г. Н., Чупахина Т. Н. Почитаем вместе книги М. М. Пришвина о природе России (итоги Межрегиональной акции по продвижению чтения)	61
Мялкина Т. В. Бесконечная радость постоянных открытий: развитие нравственно-эстетических чувств детей на основе прочтения произведений М. М. Пришвина	63

Корнеева С. Н. «...Михаил Пришвин, из Ельца»: несколько страниц из биографии писателя-земляка	64
Пугина М. Г. Музыка в жизни и творчестве И. С. Тургенева	67
Александрова М. А. Формирование ключевых компетенций на уроках литературы средствами стиховедения и стихосложения	70
ПЕДСОВЕТ – СВОБОДНЫЙ ОПЫТ	76
Аничкина Е. М. Организация пространства: проба – осмысление – опыт – прогнозирование	76
Кульчицкая Н. Н. Духовно-нравственное образование: аспекты, методы, средства	78
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	81

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лучшие писатели (классики и современники, отечественные и зарубежные) в своём творчестве ставят вопросы формирования нравственности человека (ребёнка или взрослого) через его отношение к природе и к миру в целом. В этой плеяде особое место принадлежит Михаилу Михайловичу Пришвину.

Знаменитый писатель-натуралист по праву носит поэтическое звание певца природы. Его увлекательные произведения помогают людям любить природу, учат познавать её тайны, видеть необыкновенное в обыденном. Сам писатель считал, что величайшее достижение человеческих усилий – ребёнок, воспитанный в убеждении, что он всегда должен быть на стороне природы, защищать и оберегать её.

В своём творчестве Пришвин обращается не только непосредственно к ребёнку, но и к ребёнку, сохранившемуся в душе каждого взрослого – поэтому его произведения о природе захватывают чувства и детей, и взрослых.

Творчество писателя о человеке как части природы настолько многогранно, что не включить его в сферу профессиональных интересов педагога или библиотекаря попросту невозможно: его произведения представляют собой благодатный материал для формирования личности, развития читательских способностей.

Организация Литературно-педагогических Пришвинских чтений – это реализация библиотекой им. М. М. Пришвина своих профессиональных устремлений в деле воспитания высоконравственной личности. С 2008 года специалисты Пришвинки в сотрудничестве со своими партнёрами-единомышленниками (библиотекарями, педагогами, писателями, учёными-филологами не только из Орла, но и других регионов России) обсуждают на своей площадке проблемы продвижения детской книги как инструмента формирования личности; проблемы, связанные с осознанием места русского языка и русской словесности в современной жизни; проблемы, связанные с изучением творчества не только М. М. Пришвина, но и других писателей, определивших лицо русской литературы для российской и мировой общественности. Так, например, на Пришвинских чтениях в 2018 году очень уместным и логичным оказалось обсуждение вопросов, связанных с творческими и биографическими сближениями М. М. Пришвина и И. С. Тургенева.

Специалисты Пришвинки уверены, что и в 2020 году, на VII-х Пришвинских чтениях, для участников откроются новые грани творчества нашего знаменитого писателя-земляка, и это также даст новый импульс для совершенствования профессиональной деятельности, направленной на становление и развитие размышляющей, думающей, рефлексирющей личности.

«Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку», – так лаконично и в то же время ёмко характеризует суть пришвинского писательского мировоззрения Константин Паустовский. Эту искреннюю любовь писателя ко всему живому многим читателям ещё только предстоит почувствовать, а почувствовав, выразить себя сначала в читательском творчестве, а затем и в «творчестве жизни».

Приветственное слово

Отрадно сознавать, что ровно десять лет назад, в 2008-м, всероссийский детский журнал о природе для семейного чтения «Муравейник» был одним из зачинателей этого благого просветительского дела.

В своё время я приехал на Орловщину после окончания факультета журналистики Ленинградского университета, прежде всего, потому, что здесь родились, жили, создавали свои прекрасные произведения мои любимые писатели – Иван Тургенев, Иван Бунин, Михаил Пришвин. Я был готов пешком ходить по орловской земле, – мне казалось, что здесь люди, сам строй их мыслей и чувств, какой-то совсем особый. И ходил, и ездил по Орловской губернии в её исторических границах самозабвенно более семи лет, но так и не смог насытиться этим редкостным краем. Не забыть, как у меня всё дрожало внутри, когда я вошёл в здание гимназии в Ельце, где когда-то учились Бунин и Пришвин – мне представилось, что и сама чугунная старинная лестница на второй этаж помнит их быструю поступь... Тогда же, в 1982 году, побывал и в запустелом Хрущёво, где родился Михаил Пришвин, и где в соседнем селе Пальна-Михайловка, в местной школе располагался очень скромный Пришвинский уголок.

Потом я побывал и на Смоленщине, в селе Алексино Дорогобужского района, где в годы Гражданской войны и разрухи приютился с семьёй писатель. Навестил и подмосковные пришвинские места – Кимры, Сергиев Посад и, разумеется, деревню Дунино на Москве-реке. Узнав, что когда-то в этой маленькой усадьбе, в еловой аллее, жил муравейник, у которого любил посидеть с записной книжкой Михаил Михайлович, мы с Василием Михайловичем Песковым в 2008-м организовали с помощью лесников подселение сюда молодого муравейника. Прошёл я и тропой «За волшебным колобком» по берегу Белого моря, увидел в 2015 году до сих пор сохранившийся поморский дом, где провёл несколько дней Пришвин, которого приняли за депутата Государственной Думы и попросили рыбаки «поделить море по справедливости». Довелось оказаться и на берегу живописного озера Имандра, об окрестностях которого и о своём душевном состоянии ярко написал молодой писатель Михаил Пришвин: «Иду всё вперёд и вперёд. Тишина леса, и беснования реки Нивы, и ожидание взлёта птиц, похожих на лапландских чародеев, – всё это придумано для меня. От всего этого во мне будто натягивается струна, выше и выше, и вот уже нет звуков: ноги и тело, вероятно, идут, но сам я где-то порхаю. Каждую частицу себя ощущаю, но сам не знаю – где. Поймать бы, уловить, описать это разбросанное в лесу существо человека. Но это невозможно».

Нет, это оказалось для него потом возможным. Все, кто прочитал его последующие произведения и недавно вышедшие 18 томов дневников, наверняка осознают, что выдающемуся писателю как раз удалось «поймать, уловить, описать это разбросанное существо человека», и не только, конечно, в лесу, но и в самом огромном человеческом мире.

Пример уникального, многогранного творчества Пришвина, который однажды о себе выразился так: «Я охотник за своей душой», – отчётливо показывает, что новые талантливые произведения могут создаваться, прежде всего, силою высоких идей и новыми ответами на непростые, порой трагические вопросы бытия, которые встают сегодня перед нами и перед самой матерью-природой.

Успехов и новых открытий в ходе VI литературно-педагогических Пришвинских чтений!

Сердечно

Николай Старченко

Капля жизни в мирской чаше (по произведениям М. М. Пришвина и И. С. Тургенева)

Повесть М. М. Пришвина «Мирская чаша», посвящённая трагическому развороту событий российской истории в начале 20 века, начинается описанием болота, Чистика.

«Чистик – славное наше моховое болото, мать великой русской реки (речь идёт об истоке Днепра). Не одно это болото питает реку, но все питающие мхи называются чистики», – такое природоведческое начало повести, в том числе и само слово *чистик*, настраивает на мирный лад расслабления и отдохновения на лоне природы после тяжёлых трудов человека.

«Как пробьёшься из этих зарослей в чистик – чистое место, благодатное, весной каждая кочка – букет цветов, летом после комара, как подсохнет, найдёшь себе кочку величиною со стол, и в неё как в постель, только руками поводишь, гребёшь в рот клюкву, чернику, бруснику – кум королю!» – читаешь и радуешься, что есть же выход из трудностей и безысходности современной цивилизации – возвращение к природе, к её первозданной красоте и богатству. Очевидно, рождается естественный вопрос: как бы побыстрее это сделать, помягче для людей и природы и чтобы все сразу поняли, как надо хорошо и правильно жить?

Казалось бы, М. М. Пришвин и даёт рецепт: **«Такой чистик нужно бы сделать заповедником, и топор, и огонь чтобы не касались лесов, окружающих болото-исток, мать славного водного пути из варяг в греки, иначе река иссякнет и страна обратится в пустыню».**

Только читать и воспринимать этот текст как рецепт очень сложно.

Путь из варяг в греки – древняя история, как её связать с географическими понятиями реки и пустыни, тем более страны, которая может превратиться в пустыню? Эти же слова, понятые как метафора: и путь, и исток, и река, и пустыня – могут нас очень далеко увести от реальной жизни, а Пришвин писал о конкретном времени, конкретной стране. О той стране, в которой сейчас живём мы, и значит, нам надо понять, как пробиться из «зарослей в чистик», как сохранить страну, чтобы она не превратилась в пустыню.

По сути, вся повесть посвящена описанию того времени, когда люди, собравшись или оказавшись под знаменем, обозначенным словом *свобода*, борются за новую жизнь, пытаются её устроить. Автор, как древний летописец, записывает по следам событий: «В год-два леса были так исковерканы, завалены сучьями, макушками, что трава и цветы не выросли, и за грибами, за ягодой стало невозможно пройти, озёра опустели, всю рыбу повыловили и заглушили солдаты бомбами, птицы куда-то разлетелись, или их поели лисицы? Да, только хищники, лисицы, волки, ястреба заполонили все вырубki, заваленные сучьями. Лес, земля, вода – вся риза земная втоптана в грязь, и только небо, общее всем и недоступное, по-прежнему сияет над этой гадостью».

Мы понимаем, что все природные богатства, включая деревья, птиц, ягоды, травы и хищников, в контексте слов *свобода*, *ризy земные* и *небо* предполагают человека. Где же он? Неужели то, над чем сияет небо, это и есть человек с его волей, силами и стремлениями? Что делать нам со знанием своей истории – неужели только обвинять и спорить? **«Или это не так? Но верно, что Россия была как пустыня с оазисами; срубили оазисы, источники иссякли, и пустыня стала непроходимой».**

Насколько наша история – это наше прошлое? Неужели Россия **«это лишь чувство прошлого? Но какое же у нас прошлое – народ русский в быту своём неизменный; история власти над русским народом и войн? – размышляет Пришвин. – Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет; история страдания сознательной личности, или это есть история России? Да, это есть, но когда же кончится, наконец, такая ужасная история, и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось побыть».**

Власть, война, страдания сознательной личности – такими словами обозначаются ключевые понятия истории России, но тут же обозначается возможный (а скорее, необходимый) контекст размышления о прошлом – чаша Иисуса Христа и «ему даже хотелось *побыть*», чаша как знак Его внимания к нашей земной жизни.

Вступление к повести заканчивается молитвой: **«В день грядущий, просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом всё, что было прежде хорошего, леса наши заповедные,**

истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу».

События повести, написанной в 1922 году, позволяют нам встретиться с различными людьми, которые то ли живут, то ли выживают, то ли строят новую жизнь, то ли создают лестницу, чтобы соединить чашу нашей жизни как реальность, не исчезающую в прошлом, а длящуюся до сего дня, с сияющим небом. И судя по содержанию повести и, главным образом, по языку, постоянно переводящему нас с уровня на уровень, небо – это единственное не закрытое для нас пространство. И только слова молитвы – честное отношение к себе, к своим поступкам и своим желаниям, соединённым со знанием адресата – могут, достигнув небесных пределов, рассказать нам самим о нас правду.

Последние стоки всей повести – последний абзац – погружение в чашу (или в котёл, чан???). Что за время, что за география, куда смотреть: под ноги или вперёд, вниз или вверх? На что ориентироваться в пургу, которая закрыла всю землю?

«В позёмке исчез скоро Иван Петрович, как несчастный эллин, затерявшийся в Скифии, потерялся амфирный дворец и парк с павильонами, но наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнце было распято. Всё сыпалось, всё двигалось вниз, виднелась только верхняя половина лошади, а ноги совсем исчезали, и в поле далеко что-то показывалось и пряталось в позёмке, какие-то серые тени с ушами, лошадь храпнула, и стало понятно, что волки. И ещё чёрный ворон пересёк диск распятого солнца, летел из Скифии клевать грудь Прометея, держал путь на Кавказ».

Эллин и Скифия, амфирный дворец, путь чёрного ворона на Кавказ к Прометею – что за сказка, миф!? Но в контексте с распятым Солнцем ясно ощущается время – современность, наше время, наше беспокойное время, когда так важно знать, что же делать, что же думать!

Думать и делать! Это и есть главное наше дело, связанное с желанием освободиться от зверей, населяющих душу человека. Ответ на вопрос – как? – искать надо не в рецептах психологов, и не только в исследованиях и размышлениях философов и историков. Мифы и сказки – метафорический взлёт над пространством и временем – дадут нам нужный ракурс, точку зрения на историю, географию и суть человека, для которого и предназначена наша земля!

И тургеневская сказка «Капля жизни» именно и есть подсказка о том, как преодолеть земные трудности и при этом вырасти в полноценного человека.

Сказка о бедном мальчике – заболели отец и мать, не знал, как помочь, сокрушался. Узнал о пещере, полной страшных отвратительных гадов – **ежегодно в известный день на своде появляется капля чудодейственной живой воды, и кто эту каплю проглотит, тот сможет исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи.**

От страха пришёл в ужас! Но нечего делать, стал ждать, ждать, ждать.... Справился с ужасом.

Потянулся кверху – о чудо! – капля живой воды упала ему прямо в раскрытый рот.

Мальчик недаром проглотил эту каплю – он стал знать всё, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, – стал могуществен, богат, и слава о нём пошла далеко по свету.

Итак, капля жизни и мирская чаша!

Сказка о капле, исцеляющей человека и повесть о чаше, от которой нельзя отказаться.

Метафоры чаши и капли, на наш взгляд, объединяются обращённостью к небу, к солнцу, к необходимости преодолеть страх. Сущность человека – единство его устремлённости, цельность тела, души и духа – целостность. В капле жизни – жизнь.

Чтобы исцелиться, исцелить родителей, прошлое своей страны, тоже нужно «потянуться кверху» и не пугаться реальной жизни, жизни мирской, но не забывать тянуться из всех сил.

Тянуться и понимать, куда и зачем! Мирская жизнь – жизнь в миру, жизнь, полная хозяйственных забот, семейных, романтических и др. Мирская жизнь – не монастырь. Но чаша жизни – вся жизнь человека, не одного человека, а Человека. И жизнь такого Человека – чаша, то, что ему предназначено, предназначено всем его предкам, его потомкам, то, о чём он должен помнить и нести в себе, помня цену, которая заплачена за возможность жить, и обращаясь к Тому, Кто смог не отказаться от Чаши.

Пасхальный пафос «Записок охотника» И. С. Тургенева

В русской литературе тема смерти – предмет болезненной рефлексии, опосредованной её пониманием, переживанием, отношением к ней.

Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой именно переживают отсутствие героя как событие жизни другого, причем, обоим близка танатология православия, Ветхого и Нового Заветов, приятие или отталкивание от неё. И. С. Тургенев в «Записках охотника» глазами своих героев хочет взглянуть на себя, свою смерть, обладающую некой «мерой завершённости» (Красильников Р. Л.). Здесь акцентируется сам момент смерти, происходит сознательный отказ от анализа ситуации. Писатель предпочитает рассматривать смерть как текст, как факт, естественную точку. Именно естественную – от старости, болезни, несчастного случая. Потому тургеневская танатологическая парадигма в «Записках охотника» совершенно не схожа с той, что предлагают его гениальные современники. Воспользуемся интересным рассуждением Р. Л. Красильникова на тему: «В ней (в естественной смерти; мы проецируем выводы исследователя на ситуацию «Записок охотника» – М. Н.) не заложено активное действие со стороны человека, а если окружающие спрашивают о более глубокой, онтологической причине кончины, то таковым считаются природа или Бог. Насильственная смерть предполагает активность человека, причиной смерти служит он сам» [Красильников Р. Л., с. 11]. Изображение естественной смерти с позиции наблюдателя, «соглядатая» (В. Набоков) предельно семантически минимизировано.

Одной из основных черт русского национального самосознания исследователи всегда называли «природную ориентированность». Это качество демонстрируют не только и не столько земледельцы, но чаще как раз «вольные художники» из тех, что «не сеют и не жнут». Калиныч, Касьян, Ермолай, Степушка... – не просто природно ориентированы, они даже не встроены в природу, ибо из неё не выделялись.

Именно природность позволяет героям «Записок охотника» не только органично жить, но и органично умирать. И. С. Тургенев исследует тему в рассказах «Смерть», «Живые мощи», «Стучит!». О смерти рассуждают мальчики из «Бежина луга» и Касьян. Природа рождает человека и полагает конец его земному пределу. Потому так смиренно и даже как будто безучастно принимается героями болезнь. Мельничиха Арина («Ермолай и мельничиха»), как и прочие простые тургеневские люди, лишена всякого желания (или способности) рефлексировать. Она не задаётся вопросами, принимая и разлуку с любимым, и тяжёлое замужество, и хворь (видимо, чахотку, которая вот-вот сведёт её в могилу) со стоическим равнодушием. «Худое и бледное» лицо замечательно красивой женщины спокойно и просто. И только «большие и грустные» глаза – свидетельство тайной немочи, духовной и физической. И глаза Арины, и её поза, которая подчёркивается автором, – выражение грусти, но никак не заглядывание в бездну. «Она оперла локти на колени, положила лицо на руки» [Тургенев И. С., т.3, с.24], – поза, занятая для самого обычного разговора о коровах и свиньях. Походя – о болезни, ни слова – о смерти. Смерть как инобытие, как небытие здесь И. С. Тургеневым не рассматривается.

Картины физического искажения, тления, умирания одна за другой следуют в «Записках охотника». Беспощадна к Радилову («Мой сосед Радилов») смерть, являющаяся в отвратительном образе мухи, которая «ходила» по глазу его умершей жены. Духовную пытку выдерживает лекарь Трифон, вынужденный наблюдать, как умирает, истаивает юная Александра Андреевна, которой он не в силах помочь («Уездный лекарь»). Апофеоза в развитии темы достигает И. С. Тургенев в рассказе «Смерть», где в экспозиции разворачивается ужасающая картина гибели дубовой рощи, уничтоженной бесснежной зимой 40-го года. Предельно очеловеченные, «друзья» рассказчика – дубы и ясени – «покрытые чахоточной зеленью», «печально высятся», «с упреком и отчаянием» поднимая к небу «свои безжизненные, обломанные ветви». Апокалиптическая панорама расширяется, усиливая мысль о всеторжестве смерти: «...у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной по-прежнему, торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, вовсе повалились и гнили, словно трупы на земле» [Тургенев И. С., т. 3, с. 198]. Описанию этого кладбища деревьев предшествует ретроспективная картинка, изображающая торжествующую хоровую жизнь, звучащую сотнями голосов. Огромные дубы и трепетные рябины, ястребы и «пестрые дятлы», беляк и «красно-бурая белка», папоротники, фиалки,

ландыши, мухоморы, земляника... – всё это шуршащее, свистящее, переливающееся великолепие, тёплое и живое, мгновенно убивает мороз. Голос смерти вторгается диссонансом в общий согласный хор.

Смерть дворянских гнёзд не менее безобразна и трагична, при этом всё также естественна и звучит метафорой смерти человека. В «Малиновой воде» поэзия живого «малинового» источника перебивается историей ухода большого села Шумихино, где «некогда красовались обширные господские хоромы, окруженные разными пристройками, службами, мастерскими... В этих хорах жили богатые помещики, и все у них шло своим порядком, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла» [Тургенев И. С., т. 3, с. 31]. Скелет господского дома в Троицком тоже когда-то был вполне телесен. Улыбающийся приветливый барин – обитатель этого богатого двухэтажного дома – ушел в небытие так же стремительно, как и роскошный особняк.

Умирают, часто внезапно, рощи, васильки («Свидание»), усадьбы... Однако, думается, что дальнейшее развитие тургеневского нарратива (рассказ «Смерть»), в контексте которого центральным событием становится смерть человека, от противного ведёт писателя к утверждению вечной гармонии, где смерть – естественный исход, лишённый признаков диссонанса. То, что кажется автору в смерти Максима, обгоревшего мужика, надорвавшегося мельника странным равнодушием и холодностью, представляется смиренным приятием замысла. Не случайно в сцене смерти мужика Максима появляется малозаметный герой – молодая липа, «легкая тень» которой «тихо» скользит по лицу страдальца. Нежное прикосновение этой тени трудно принять за издёвку существа, продолжающего жить. Скорее, это ласковый намек на бесконечность и слитность всего сущего. Ту бесконечность и слитность, что станет смыслом для Лукерьи («Живые мощи»), куда поведет героиню светлый небесный Гость.

Лёгкие тени, скользящие в солнечных лучах, – фиксация запечатлённости. Господь посылает человеку лучезарное сияние, кладёт лучи, подчёркивая важность перехода в состояние начала, смерти. Начало рождения вводит человека в мир, жизнь отдаляет друг от друга, смерть снова соединяет независимо от материального положения или социального статуса (человек снова становится частью хора). Удостаивается света накануне смерти и Авенир Сорокоумов (тот же рассказ «Смерть»). «Светлое осеннее небо» «весело» синее; лепечут «ярко-золотые листья»; «Косые румяные лучи» бьют по «бледной траве». «Рада-радехонька» встрече со смертью Лукерья. Во сне страдальца видит женщину-смерть с удивительными глазами: жёлтыми, «как у сокола» (читаем: «солнечными»), «большими» и «светлыми-пресветлыми».

Внутри хоровой жизни, где каждое предыдущее звено становится удобрением для последующего, заметно движение через смерть к жизни. Это движение пока не есть однозначный путь к воскресению, однако И. С. Тургенев очевидно демонстрирует духовное восхождение от идеи природного круговорота к постижению христианской истины бессмертия.

Оптимистическая тональность прорывается чувством светлой радости и надежды, которая вопреки всему звучит в завершающем тургеневский цикл рассказе «Лес и степь». «Свет так и хлынет потоком; сердце в вас вострепнется, как птица, – с восторгом восклицает рассказчик. – Свежо, весело, любо! (...) Как вольно дышит грудь, как бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханием весны!» [Тургенев И. С., т. 3, с. 355]. Символом никогда не преходящей природы становится всё тот же лес, радостный или притихший, обнажённый или весело лепечущий, но всегда живой. И в этом согласном природном хоре человек уже не выкидыш, но счастливый участник.

Ю. М. Лотман говорит об отсутствии мотива возрождения в тургеневских произведениях, его, по мнению исследователя, заменяет мотив абсолютного конца. Но образом Лукерьи («Живые мощи») И. С. Тургенев очевидно делает выход к пасхальному пафосу воскресения. Смерть героини – исход христианской «антитанатологии» писателя, важнейшее, показывающее всю человеческую состоятельность Лукерьи, но не последнее событие, очевидно звучащее в контексте евангельского «смертию смерть поправ».

Список литературы

1. Красильников, Р. В. Танатологические мотивы в художественной литературе : введение в литературоведческую танатологию [Электронный ресурс] / Р. В. Красильников // ЛИТМИР. Электронная библиотека. – [Б.и., б.г.]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=595645&p=3> (дата обращения: 12.01.2018).

2. Лотман, Ю. М. В школе поэтического слова : Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – Москва : Просвещение, 1988. – С. 726.
3. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев. – Москва : Наука, 1979. – Т. 3. Записки охотника, 1847-1874. – 526 с.

Домарацкая Л. Р.

Всего и надо, что взглядеться...

Можно ли научить видеть красоту, или Что такое пейзаж? (Слова М. М. Пришвина, а порядок слов выстраивается в глубине общения человека с человеком и с миром) - *тезисы выступления*

Фотосъёмка в библиотеке им. М. М. Пришвина по проекту «Времена года» на специализации «Фотовидеотворчество» шла весь год. Проект предполагал создание четырёх выставок (зима, весна, лето, осень). Источником вдохновения на каждый месяц была проза М. М. Пришвина «Времена года».

Красота избегает тех, кто за ней гоняется: человек любит свое что-нибудь, трудится, и из-за любви, бывает, появится красота.

...любит свое что-нибудь, трудится... ...трудится ...

...и из-за любви, бывает... ...бывает...

...появится красота. ...красота.

Эта цитата из «Дороги к другу» в плакатах 4 экспозиций - как путь создания каждой фотографии и каждой выставки тоже, допускающей включение не только пейзажей, но и других жанров, включающих «сердечную мысль».

ПЕЙЗАЖЕМ называется совокупность животных, растений, камней и всяких других составных частей природы, отнесенных к личности человека.

Когда спрашиваешь ребят о том, что их ведёт в пейзаже: музыка, поэзия, ассоциации - ответы всегда интересны: кто открылся-доверился, кто только приоткрылся-не доверяет, таится.

- нахожу в каждом месяце что-то особенное, мелочь, которая будет его отражать...

- весенние пейзажи... нравятся своей тоскливостью, ни в каком времени года нет такой прекрасной тоски, как в весне, особенно в её середине...

- октябрь с его хмурой погодой и бесконечными падающими листочками...

- чаще снимаю тот пейзаж, который когда-то уже видела...

- лучший результат получается спонтанно, когда меня удивило и задело то, что я увидела...

- февраль – такой месяц, когда уже хочется весну, дни устали от холода, ходишь-ищешь появление весны, как начинает всё таять...

Хороши вдруг бывают просто описания увиденного – как преддверие встречи. **Да, так и можно сказать, что всякое истинное творчество есть замаскированная встреча близких людей.**

И, наконец,

- Пейзаж: не знаю, как получается (может, и не получается).

В природе всё прекрасно, а я только фиксирую. Прекрасное в природе видит каждый, кто не спешит...

Вот оно!

Внимание - есть основная сила творчества.

И снова встреча.

Пейзаж - это сказка, в которую ты погружаешься. Сказка может возникнуть как в городе, так и на природе.

Лишь миг души, любви, света и ритма.

В этот миг ты берёшь технику в руки, пытаешься фиксировать.

Этот момент не должен быть испорчен мыслями, лишь чувства и дыхание Бога...

Какой чудесный вопрос художнику: видели ли вы в своей жизни красоту, и сколько раз, и при каких обстоятельствах?

Я хотел бы... как птица, быть совершенно свободным... (Взгляды М. М. Пришвина на нравственно-этические проблемы в дневниках конца 1930-х-начала 1940-х гг.)

Конец 1930-х-начало 1940-х годов – очень насыщенный, сложный период в биографии М. М. Пришвина. Уже более двух десятилетий насчитывала история большевистской власти – на обломках Российской империи так или иначе сложилось новое общество со своими ценностями и устоями. После шквала репрессий наступало относительное затишье, писатель, перешагнувший 60-летний рубеж, куда меньше внимание обращал на то, что могло угрожать лично ему. А вот мир в целом был ввергнут в пучину мировой войны. Почему-то именно в это время начинаются идеологические гонения на Пришвина, и тогда же он встречает главную любовь в своей жизни. Удивительное стечение обстоятельств – и личных, и общемировых – нашло богатейшее отражение в дневнике писателя.

В центре его внимания – взаимоотношения общества и власти. Мыслитель и пророк, он был весьма категоричен. Вот строки из записей конца 1930-х годов: «В этом государственном коммунизме нет и зерна человеческого. Если спекуляция торговая осуждена, то политическая? Там: не обманешь – не продашь. Здесь: не отравишь, не убьёшь – и не возьмёшь» (9 марта 1938 г.); «Четверть века пропаганды зла (каиновой зависти) под предлогом необходимости сознания права всех на достойную жизнь на земле [...]» (28 сентября 1941 г.); «Раньше человек, делая частное своё дело, совестился этим, и небогатый отмаливал грехи в церкви, богач жертвовал на строительство нового храма. Теперь совесть у людей чиста: все делают общее дело, храм не нужен. Частный интерес, устранённый от общего дела, стал просто мелкой корыстью...» (16 июля 1939 г.), «Социализм в затее своей есть попытка перебросить общество по ту сторону греха в утопический мир безгрешной, так называемой языческой природы» (2 октября 1941 г.).

Политика неограниченного диктата и жесточайших репрессий была чужда многовековой русской традиции. Пришвин пишет: «Вооружённое восстание офицеров и Николай I: 5 человек повесили, и Пушкин чуть с ума не сошёл от гнева («Пророк»): что же было делать Николаю? [...] особенно странно это сочувствие поэту в наши дни, когда врагов государства убивают непрерывно и сотнями тысяч отдают в рабы. Где же правда, где же сон?» (8 апреля 1938 года). Однако даже не жестокость вызывала неприятие писателя в первую очередь (в мировой войне ежедневно гибли тысячи людей). Куда более пагубной угрозой обществу он считал официально насаждаемое двоедушие. В исторический день 3 июля 1941 г. пишет: «Речь Сталина вызвала большой подъём патриотизма, но сказать, действительный это патриотизм или тончайшая подделка его, по совести не могу, хочу, но не могу. Причина этому – утрата общественной искренности в советское время, вследствие чего полный разлад личного и общественного сознания».

Но как страна и общество пришли к такому состоянию? Пришвин не снимает вины с интеллигенции: «Если бы возможно было каждому, получая свободу, как было в 17 году, забыть свою собственную личную в ней заинтересованность и отдавать, хотя бы на то время, себя для свободы, то не вернулось бы назад опять принуждение. Но каждый, получая свободу, сейчас же ей пользовался лично для себя и за то должен был с течением времени за это ответить. [...] Интеллигенция русская революционная в существе своём была с Богом, но ей пришлось поднять меч, и должна была умереть по закону: взявший меч от меча и погибнет. Тех, кто вовремя успел умереть, того прославили, а кто опоздал умереть – того умертвили с позором» (26 июня 1938 г.).

Логически размышляя, писатель указывает на пагубность идей мировой революции для развития человечества: «Есть в каждой семье довольно чего-то такого, что со стороны покажется полной глупостью: нечто существующее исключительно в черте этой семьи. Так точно и в каждом народе очень много всего, не имеющего никакого смысла в условиях интернационала» (28 марта 1938 г.).

Пришвин предсказывал, что России предстоит идти в будущее по своему особому, национальному пути, и, даже если большевистская власть рухнет, то её влияние будет сказываться ещё многие и многие годы. Он пишет: «В наше время на глазах наших сердец происходит созидание

¹ Здесь и далее цитаты приводятся по тексту, размещённому на сайте «Пришвин Михаил Михайлович» <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/index.htm>

Невидимого града и духовных образований, которые называются тайнами. Рушится до конца иллюзия прямого вывода совести, имеющего какое-то обязательное значение для общества. Самый факт, например, появления бесчисленных техников, экономистов и учетчиков нужно понимать, как отрицание необходимости для общества считаться с личной совестью каждого. И оттого каждый уходит в себя, в свой Невидимый град и оттуда начинает царствовать над миром техников, экономистов и учетчиков. Так вот и разделяется всё на мир видимый и невидимый, заключаемый в тайны. Впрочем, так жил мир человеческий во все времена, и только смесительная распушенность нашей революции на время создала иллюзию полного и объективного раскрытия личности в социализме. Путаница кончается, и всё становится ясно» (1 марта 1942 г.); «Большевизм показал нам очертания необходимого для нас внешнего двора нашего храма, всеобщую грамотность, индустриализацию, быть может, даже парламентаризм с его внешней стороны. Дальнейший процесс – это внутренняя переработка поставленных извне задач. Так возвращение к православию неминуемо, потому что в православии у нас всё» (23 сентября 1941 г.).

Удивительно глубоки размышления писателя о влиянии войны на обыденное сознание. Приведу несколько отрывков: «Перед великими событиями истории: государственным переворотом, войной, революцией логика оставляет людей, и логически вывести войну из фактов никто не может. Так и перед концом своим человек бросает логику» (14 марта 1938 г.); «Время такое, что любви и внимания спрашивать нельзя ни с какого человека: время как быстрый поток, и каждый переходит поток по своему камешку, на котором может стать только одна его нога, по жердочке, по бревну. Идёт, держится, качается, прыгает, и кто свалится, о том не помнят и не хотят помнить, всё подошло так, чтобы хоть как-нибудь самому перейти» (23 июня 1938 г.). Но не только отрицательное, негативное он видит в войне, есть и то, что обнадеживает: «Появляются со всех сторон признаки уважения за правдивость, честность, прямоту» (15 февраля 1939 г.); «Сентябрь. Машин заметно меньше в Москве, и кажется (может быть, только от этого), что и людей тоже меньше, а люди стали серьезней и лучше. У всех огромная внутренняя работа, у всех и у каждого. Но ещё почти никто не смеет говорить незнакомому вслух о своих догадках, сомнениях, все прошли суровую школу» (20 сентября 1939 г.); «Проехал красный семафор, и милиционер меня не остановил: смотрел на небо. Может быть, некоторых людей война вообще впервые заставила интересоваться небом» (25 июля 1941 г.). И как обобщение всего этого и предыдущего процессов: «С русским человеком произошло то же самое чудесное воскресение, как в секте Щетинина: все члены общины вдруг почувствовали, что плен кончен и мучитель Щетинин им больше не нужен. Так и тут, кончается сектантское воспитание, необходимая государственная школа, и начинается народная жизнь, и каждый, раскланиваясь, благодарит воспитавшего» (5 июля 1941 г.). При всём неприятии войны Пришвин смиренно признаёт, что существование вселенной и человечества невозможно без постоянной борьбы: «В красоте таится вечная революция, вечное движение к новому и жестокое преодоление стареющего» (24 августа 1941 г.); «Наша жизнь есть искание вечности и борьба за неё, а не мир: не может быть на земле мира, и гармонические образы жизни создаются как свидетельство веры в то, что вечная жизнь существует где-то» (2 сентября 1941 г.).

Ещё одна магистральная тема дневниковых записей тех лет – вопросы творчества в соотношении с проблемой личной свободы художника и свободы тех, кому адресовано его творчество. Невозможно процитировать даже часть мыслей об этом – так много их на заветных страницах. Поэтому ограничусь лишь некоторыми отрывками: «”Железный прут” революционера и “свобода языка” поэта: одной свободой обладает поэт – свободой языка, а революционер – заговорщик, и этим нет: он должен молчать. Но зато у него есть железный прут, который при случае – прут власти. Вот откуда у меня ненависть к общественной работе: там «они», а тут я и мы: мой личный труд, я есть в творчестве своем «мы», и это опережение процесса превращения насильственного «они» в «мы» и есть трагедия писателя. Правительству мало налога, ему хочется души» (8 апреля 1938 г.); «В состав моей свободы входит способность служить: я служу своей свободе, а не потребляю её, и моя служба есть накопление моей свободы. И так точно жил скупой рыцарь <приписка: только у него золото, а у меня золотые слова>» (2 мая 1938 г.); «Искусство как

явление свободного Духа невозможно при контроле секретаря» (31 августа 1938 г.); «Сама фигура человека, как и явление всякой формы, есть действие силы свободы. И накопленные культурные ценности все были делом свободы. Можно ли так все на свете перевернуть, чтобы искусство, наука и религия стали делом неволи? Никогда! И если пирамиды и наши каналы делались невольниками, то каждый из этих невольников старался делать по-своему и тем самым обретал себе свободу: работая, глубже и глубже сознавал он необходимость работать и тем освобождался. Творчество свойственно не только писателям, едущим в творческую командировку, но решительно всем: творчество есть путь свободы» (8 октября 1939 г.).

Однако было бы ошибкой сводить понятие «свобода» только к взаимоотношениям художника и власти. Дневники Пришвина показывают, что писатель остро чувствовал, как на творческого человека воздействуют не только идеологи, политики и чиновники, но и масса житейских обстоятельств, весь уклад жизни. Сестрой творчества, например, у него выступает красота: «Красота избегает тех, кто за нею гоняется: человек любит свое что-нибудь, трудится, и эта любовь и труд... и из-за любви, бывает, в то время и появится красота. Она вырастает даром, как рожь и как счастье. Мы не можем сделать красоту, а посеять и удобрить землю для этого мы можем» (2 июня 1939 г.). Пришвин советует молодому собеседнику: «Есть такой час в жизни каждого человека, когда можно самому себе по своей шее выбрать хомут необходимости. Надо уметь воспользоваться человеку, самому надеть этот хомут, наденет – будет свободен, пропустит – на вас его наденут. Свобода – это если хомут по шее, а необходимость – когда он шею натирает» (16 августа 1939 г.).

Признавая «космическое беззаконное состояние творчества» (11 декабря 1941 г.), Пришвин высказывает абсолютную убежденность в том, что искреннее слово не погибнет в потоке времени. Он пишет: «Человек, который замечает свои поступки и про себя их обсуждает, – это не всякий человек. А человек, который живет и все за собою записывает, – это редкость, это писатель. Так жить, чтобы оставаться нормальным и быть с виду как все и в то же время все за собой замечать и записывать, – до крайности трудно, гораздо труднее, чем высоко над землей ходить по канату. Вот почему труд настоящего писателя рано или поздно, иногда и после смерти, находит высокое признание, и это последнее вызывает на соревнование множество людей, претендентов на это высшее положение. К сожалению, новое очень трудно писать, и потому симулянты, легкие писатели, всякого рода забавники прежде всего получают признание» (10 ноября 1939 г.).

Характерно, что мысли о высшем (предназначение человека творческого) в записях Пришвина постоянно соседствуют с меткими характеристиками, что называется, простых людей, с размышлениями об их сущности, о житейских качествах самого себя как одного из представителей, увы, несовершенного социума. Он пишет: «Я могу с большой пользой для себя и для всех жить, как Гамлет, как Фауст, как всякий центростремительный тип, пока хранится во мне достаточный запас Дон Кихота. Печорин, нигилист и всякий такого рода пораженец в своем отечестве возникают, когда иссяк родник Дон Кихота. Во мне ещё такой огромный запас устремленности в далекое лучшее...» (2 января 1938 г.); «Старухи идут и присматриваются к раковым шейкам у торговца: вот хотят же и они жить. Скрипят, а живут, живут. И все так: завтра, быть может, всем конец, а сегодня поживем, и нет, кажется, на свете ничего сильнее этого: хоть день, да мой» (5 марта 1938 г.); «огромное большинство людей находится в безвыходном положении, и собственно выход – это есть удел немногих, гениев (личностей) или шпаны. И те политики, сидящие на скамьях подсудимых, этим самым чувством живут» (25 марта 1938 г.).

Его раздражает засилье мещанской этики: «Бывают гордые люди, которые борются со своими подхалимскими чувствами и побеждают их тайный шепот и уговоры, но оно есть и у гордых независимых людей, это подхалимское чувство» (14 апреля 1938 г.); «Свояк заполнил Москву... Свояк бескорыстен, самоотвержен в отношении свояка, но он безжалостен, дик, страшен в отношении к чужаку. Интеллигент ему всегда был чужаком» (18 октября 1938 г.).

Но это раздражение не имеет агрессивной, разрушительной составляющей. Пришвин, как большой писатель, понимает, что мещанские и иные простонародные нравы – следствие глубинных причин, быть может, следствие того, что и составляет основу национального характера русских.

Именно война обострила внимание автора дневника к вопросу о сущности русской ментальности, о том, как на неё ранее действовало революционное время, как скажется всё это в будущем, после новых испытаний огнём, смертью и разрушением.

В самом начале мировой войны, 8 сентября 1939 г., Пришвин пишет: «Лучшее в русской традиции – скромность при тайном сознании силы [...]. Эта скромность закрылась истерическим криком о наших достижениях и появлением дикторов». 4 сентября 1941 г.: «Характер духовности народа связан с консервативностью и косностью, неверием, что каким-либо внешним материальным устройством можно существенно улучшить жизнь человека». Развитие трагических военных событий обостряет зрение писателя, он замечает: «С детства мы говорим «народ», как что-то священное, и много перевидели подвижников и мучеников за народное дело, за его землю и волю. Только теперь начинаю понимать, что этот народ не есть какой-то видимый народ, а сокровенный в нас самих подземный, закрытый тяжелыми пластами земли огонь, и что это не только мужики и рабочие, и даже не только русские люди, как Пушкин, Достоевский, Толстой, а общий всему человеку на земле огонь, свидетельствующий о человеке, продолжающем начатое без него творчество мира. Только чувствуя и зная в себе самом этот огонь, можно теперь жить и надеяться» (9 марта 1942 г.).

Война, столкновение наций заставили задуматься не столько о том, какая из них превосходит другую, а вообще об отношении русских к людям иных национальностей. Пришвин признаётся: «Я, как русский, когда вижу представителей другой народности, чувствую превосходство их перед русскими, пусть то будет англичанин или татарин, или удмурт: чувствую, что те все обходятся без какой-то нашей непонятной единственной в мире и сокровенной гадости. И в то же время это искреннейшее чувство гадливости к себе самому определяет границу чего-то такого ценнейшего, чего нет ни в одном народе» (18 февраля 1942 г.). И далее: «А что если в этом запрете русскому человеку думать и говорить о себе хорошее и есть превосходство его перед всеми народами мира. Что если в этом восторге перед другими народами и умолчании о себе таится путь морального переустройства всего мира? В самом деле, если каждый народ будет о другом народе думать лучше, чем о своем, разве это не станет возрождением мира? [...] я начинаю думать, не пора ли пересмотреть это завещанное нам дедами и прадедами чувство смирения русского человека перед иностранцами» (5 апреля 1942 г.).

Дневники Пришвина – отражение исключительно насыщенной, противоречивой, многогранной и глубокой духовной жизни русского интеллигента первой половины XX века. Боясь показать недружелюбному миру свои мысли, он вынужден был в одиночку ставить и решать сложнейшие вопросы идеологии, творчества, веры, нравственности. По сути, это был не только крестный путь одинокого по духу талантливого человека, это был подвиг самоотречения, самопожертвования ради того, чтобы на Русской земле не угас огонь свободной мысли и свободного творчества. Душевной болью, извечным сомнением и надеждой пронизаны его сокровенные строки, датированные 12 марта 1944 г.: «Прекрасней нет ничего на свете дерева, но и на нём есть грех, а то почему бы оно стоит и почему на нём птица, самое вольное в мире существо в своём движении: птица и дерево, может быть, когда-нибудь были в одном существе. Я хотел бы, как дерево, стоять неизменно на одном месте и, как птица быть совершенно свободным в движении».

Как Прометей, прикованный к скале бытия в своей трагической эпохе, Пришвин стремился обрести и обрёл истинную свободу в русском слове и в сердечной думе о русском человеке, в той думе, которая теперь уже не подвластна времени.

Рождение лирической прозы в цикле И. С. Тургенева «Записки охотника»

За 170 лет «Записки охотника» нисколько не устарели, более того, тургеньевский текст ощущается мистически заряженным благотворной животворящей энергией. Сочетание лёгкой естественности повествования и виртуозная прозрачность языка, не отягощаемая, а украшаемая местными словечками, завораживает, язык рассказов струится, как живая ключевая вода. Неповторимая индивидуальная мелодия языка соединяется с талантом искренне доброжелательного к людям, понимающего, а, главное, принимающего их рассказчика. Гармония, рождаемая его музыкой, в первой же книге создала неповторимый жанр лирической прозы, жанр, который сформировался в русской литературе гораздо позже. Лиризмом пронизаны рассказы, вошедшие в первую книгу «Записки охотника» – последний в своей жизни цикл И. С. Тургенев прямо назвал «Стихотворения в прозе».

Тургеневу удалось гармонично соотнести словесно выраженные и имплицитные уровни позиций реального автора и рассказчика внутри сюжета и персонажей, объединить два плана отражения мира – создания своей собственной вселенной – извне и изнутри. Наблюдения у него всегда окрашены авторским лирическим переживанием. Лирический голос автора и повествователя всегда присутствует в сюжете, особенно в самых важных местах. Лирический герой, выражающий стремление к гармонии мира, объединяет рассказы и придаёт смысловую цельность всему сборнику. Гармонию, утешающую душу, Тургенев связывает с жизнью русской природы. В основном он рисует картины русского лета, жаркого, лучезарного, с перепадающими тихими и тёплыми дождиками, со свежим бодрящим воздухом. Природная гармония питает душу лирического героя, но в социальной жизни, как выясняется, гармония невозможна. Это создаёт общую смысловую антитезу, внутренний энергетический заряд цикла, отражающий чисто русский, национальный, взгляд на мир: душа взыскует справедливости в несправедливом человеческом мире и не находит её. Лирический герой стремится уйти от гнетущей атмосферы родного дома, от конфликтов, неизбежных в человеческой жизни, он ищет гармонию в природе и находит её среди свободных людей, живущих вне социума. В каждом рассказе лирический герой отмечает те факты, которые нарушают и разрушают природную естественную гармонию. Его оценки даются не «впрямую», а через портреты, поступки, речь персонажей. Самое главное в цикле – изначально благожелательный, искренне заинтересованный взгляд рассказчика, который старается не давать прямых оценок, но нравственный заряд «Записок охотника» поразил современников. Это был нравственно-социальный прорыв – крепостные крестьяне изображались равными с баринами людьми, со своим глубоким оригинальным внутренним миром. Точка отсчёта в раскрытии образов лирическим героем не социальная, а личностная. Автор воспринимает окружающих людей не как крепостных и помещиков, а как добрых, мудрых и внутренне свободных, с одной стороны, и злых, глупых и зависимых – с другой. Другое дело, что чаще вторыми оказываются помещики. Впервые так ярко уважение и симпатия к человеку во всяком состоянии и звании сделались неотъемлемыми и определяющими признаками истинно художественного произведения.

Текст Тургенева синкретичен, объединяет черты лирики и прозы. Картина мира проникнута лирическим восприятием автора, душа которого открыта миру. Синкретизм пронизывает и сюжетную ткань, и синтаксис, и все художественные средства рассказов.

Особенность языка лирики обусловлена повышенным вниманием автора к форме выражения своей мысли. На структуру предложения, выбор всех языковых, и особенно синтаксических средств, влияют «силы поэтики»: ритм, метр, рифма и мелодика. Ю. М. Лотман, исследуя текстовую природу поэзии, отмечал: «На поэтический текст накладываются новые, дополнительные по отношению к языку, ограничения: требование соблюдать определённые метро-ритмические нормы, организованность на фонологическом, рифмовом, лексическом и идейно-комплексном уровнях. Всё это делает поэтический текст значительно более «несвободным», чем обычная разговорная речь».² Примерно половина рассказов представляет собой нераздельное слияние прозаического и

² Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – С. 45.

лирического начал: нарративу предшествует лирическое вступление, которые объединяются общей стихотворной ритмо-мелодикой. Приведём пример такого вступления в рассказе «Бежин луг». Можно выделить фрагменты трёхстопного анапеста, и хотя он перемежается с амфибрахией и дактилем, текст не теряет своего ритма. Выделенные слова показывают повышения интонации, обозначающие конец стиха, как в стихотворении. Ритмизованная проза легко приобретает графику стихотворения:

1) Был прекрасный июльский день, / 3
 один из тех **дней**, / 2
 которые случаются только **тогда**, / 3
 когда погода устанавливается надолго. // 3
 2) С самого раннего утра небо ясно; / 5
 утренняя заря не пылает пожаром: / 4
 она разливается кротким румянцем. // 3
 3) **Солнце** – не огнистое, не раскалённое, 3
 как во время знойной **засухи**, / 3
 не тускло багровое, как **перед бурей**, / 3
 но светлое и приветливо **лучезарное** – / 3
 мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, / 5
 свежо **просияет** / 2
 и погрузится в лиловый её туман. // 3
 4) Верхний тонкий край растянутого облачка 5
 засверкает змейками, / 2
 блеск их подобен блеску кованого серебра... // 5
 5) **Но** вот опять хлынули играющие **лучи**, – // 4
 и весело и величаво, / словно **взлетая**, / 3
 поднимается могучее светило. // 3
 6) **Около полудня** обыкновенно появляется 3
 множество круглых высоких **облаков**, / 4
 золотисто-серых, / с нежными белыми краями. // 5
 7) Подобно **островам**, / 2
 разбросанным по бесконечно разлившейся **реке**, / 4
 обтекающей их глубоко прозрачными 3
 рукавами ровной **синевы**, / 3
 они почти не трогаются с места; / 3
далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, / 4
 синевы между ними уже не видать; / 3
 но сами они так же **лазурны**, как небо: / 3
 они все насквозь проникнуты светом и теплотой. / 4
 8) Цвет **небосклона**, / лёгкий, бледно-лиловый, / 5
 не изменяется во весь день и кругом одинаков; / 4
 нигде не темнеет, не густеет гроза; / 4
 разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы; / 5
 то сеется едва заметный дождь. / 3
 9) **К вечеру** эти облака исчезают; / 3
 последние **из них**, / черноватые и неопределённые, **как дым**, / 5
 ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; / 5
 на месте, / где оно закатилось, / 3
 так же спокойно, как спокойно возишло **на небо**, / 5
 алое сияние стоит недолгое время над потемневшей землёй, / 6
 и, тихо **мигая**, как бережно несомая **свечка**, / 5
 затеплется на нём вечерняя звезда. // 4
 10) **В такие дни** краски все смягчены: / светлы, но неярки; // 5
 на всём лежит печать какой-то трогательной кротости. // 5
 11) **В такие дни** жар бывает иногда весьма силён, / 5
 иногда «парит» по скатам полей; / 4
 но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, / 5
 и **вихри-круговороты** – / несомненный признак постоянной погоды – / 6
 высокими белыми столбами 3
 гуляют по дорогам через пашню. // 3

12) *В сухом и чистом воздухе пахнет полынью,* 5
сжатой рожью, гречихой; / 3
даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. // 4
 13) *Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...//6*

Если посчитать ударные слоги в стихах, то можно увидеть ритмические закономерности, характерные для русского дольник. Постепенно стихи увеличивают количество слогов, но ритм не разрушается. Проклитики и энклитики (безударные слова, передающие свои ударения стоящим или перед ним, или за ним ударным) в форме производных предлогов, союзов и местоимений здесь употребляются гораздо чаще, чем в рифмованных стихах, большее количество безударных слогов подпадают под влияние слогов ударных. Эта проза напоминает дольник, ведущий своё происхождение от М. В. Ломоносова и В. К. Тредиаковского. Строгие силлабо-тонические метры были характерны для чуткой музыки русских поэтов XVIII века, обладавших обострённым чувством живого языка, стремящихся к естественному звучанию стихотворной речи, её они слышали в русском фольклоре, прежде всего в народной песне. Традицию эту восприняли и поэты XX века. В дольнике соблюдается разное количество как сильных позиций, так и слабых:

*Смуглый отрок бродил по аллеям,
 У озёрных грустил берегов,
 И столетие мы лелеем
 Еле слышный шелест шагов.*
 (А. Ахматова)

Трёхстопный анапест находим только в первых двух стихах, в третьем стихе он варьируется, в последнем стихе ещё одна вариация. Эти ритмы не подходят под силлабо-тонические метры – это дольник. Эта ритмическая традиция сохранялась до начала XX века:

*Вхожу я в тёмные храмы,
 Совершаю бедный обряд.
 Там жду я прекрасной Дамы
 В мерцаньи красных лампад.*
 (А. Блок)

Единственная закономерность такого стиха состоит в том, что в нём преимущественно содержатся три ударения, поэтому он называется трёхударным, но количество ударных слогов свободно колеблется. Внутри дольника наблюдается значительное количество ритмических вариаций, то упорядочивающих его, то сводящих к свободному нерифмованному «тактовику» былин, народных исторических песен и т.д.³ Можно говорить и о верлибре – свободном стихе, широко используемом поэтами XIX-XX веков:

*Она пришла с мороза,
 Раскрасневшаяся,
 Наполнила комнату
 Ароматом воздуха и духов,
 Звонким голосом
 И совсем неуважительной к занятиям
 Болтовнёй.
 Она немедленно уронила на пол
 Толстый том художественного журнала,
 И сейчас же стало казаться,
 Что в моей большой комнате
 Очень мало места.*
 (А. Блок)

В разных строках разные стихотворные размеры: в 1-й звучит ямб, в 3-ей – амфибрахий, в 6-й – хорей и т.д. В свободном стихе нет предсказуемости ритма.

Лирическая проза Тургенева гораздо более ритмически упорядочена. Она почти целиком подходит под определение дольника с его равным количеством ударных слогов в строках (в основном трёхударных слогов). Пяти- и шестударные строки распределяются гармонично.

Параллельная структура текста позволяет выстроить ряды объектов, описание каждого из которых опирается на идентичные синтаксические структуры, рождающие мелодику повышения/понижения тона, которая оформляется равномерной синусоидальной интонацией

3 См.: Энциклопедический словарь юного литературоведа / сост. В.И. Новиков. – М.: Педагогика, 1988. – С. 75-77.

перечисления. Это ряды сложных бессоюзных предложений, разных по семантике однородных членов, постпозитивных обособленных определений, тоже включающих однородные члены предложения, подхваты и повторы слов, в том числе релятивов, звуковые повторы, выравнивание слогов в синтагмах, анафоры и эпифоры.

Интересно, что почти все вступления имеют примерно одинаковый объём. Писатель интуитивно чувствует, где нужно остановиться. Мелодика повышения/понижения тона тоже распределяется гармонично. 1) рамочное предложение определяет хрональную точку отсчёта и содержит два повышения тона. В этом аспекте предложение 2) воспринимается как мелодическая антитеза, в нём только понижение тона в конце «стихов». Оба сложных предложения включают по три предикативных единицы; 3) простое осложнённое предложение содержит в своих границах фольклорный отрицательный параллелизм. В 4) предложении временной план меняется, здесь представлено будущее относительное, оживляющее описание. Энтимема *Но* 5) вмещает невысказанные эмоции лирического героя, предложение даёт толчок к изменению картины, и следующая часть описания до конца оформляется формами настоящего постоянного, включающего и глагольные и неглагольные формы с настоящим синтаксическим.

Особенности темпоральности вступления к рассказу содержат родовые черты лирики.⁴ Особенно это касается средств создания временной перспективы лирического стихотворения:

- противопоставление разных форм времени, определяющих различные темпоральные планы;
- оппозиция темпоральных прилагательных и наречий;
- использование слов с семантикой памяти;
- употребление сигналов повторяемости, в том числе анафор;
- использование приёмов коммуникативного остранения;
- темпоральные смещения.

Весь длинный июльский день, вечер, короткая ночь и ранний рассвет проходят перед нами. Само движение времени, связывающее прошлое, настоящее и будущее в субъективном восприятии лирического героя, формирует лирическую связность рассказа. Время замедляется и убыстряется, становится то обратимым, то длительным, то точечным в воспоминаниях лирического героя. Вневременность формирует таксисный план ирреальности, которая тоже относительна, так как создаётся формами изъяснительного наклонения. На многозначность форм времени в лирике влияет функция обобщения, «вечного», но проявляющегося в данное мгновение, поэтому темпоральный и таксисный планы могут интерпретироваться по-разному, рождать разные образы в восприятии читателя.

Модально-временная неопределённость, диффузность точки отсчёта описания рождает новые смыслы. Это не момент говорения, а момент лирического переживания-воспоминания. Настоящее указывает здесь не на момент речи, а «на остановившееся мгновение». Создаётся «образ момента восприятия и представления зримого мира».⁵ Затем идёт прозаический нарратив, на который распространяется влияние лирической экспозиции – это тоже образы, во многом поэтические, иногда таинственные. Все лирические фрагменты строятся как имитация непосредственного наблюдения, восприятия или речевой коммуникации: этот условно-речевой режим интерпретации времени противопоставлен нарративному. Лирическая экспрессия создаётся сменой хрональных ритмов: долгий жаркий день сменяется быстро наступающей ночью, возрастает эмоциональная напряжённость рассказчика, рождая реальный и фантастический планы. Впечатление нереальности поддерживается моментами «лирической концентрации», синхронностью изображаемой ситуации в её восприятии лирическим героем, выражаемыми в тексте эмоциями лирического героя по этому поводу – всё это создаёт условный план наблюдения/восприятия. Эта нереальность постепенно усиливается вместе с сюжетной линией – переходами от дня к вечеру и началу ночи, оформляется незаметно – таксисно.

Таксис – более «разреженный» уровень связности текста, в первую очередь, лирического. В прозаическом произведении таксисные зависимости организуют ретроспективу нарратива, соотнося основное и добавочные «действия», высвечивая «предысторию» ситуации, проектируя её будущее, конкретизируя темпоральные планы, обращённость к адресату и т.д. Иногда «добавочное» становится более значимым, чем «основное». Таксисные зависимости помогают выразить и

4 Николина Н.А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. – Т. 1. – М., 2006.

5 Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики // Проблема функциональной грамматики. Семантическая инвариантность/вариативность. – СПб., 2003. – С. 31.

акцентировать внимание на столкновениях различных точек зрения с помощью временной перспективы полупредикативных членов, вставных конструкций, прямой и несобственно-прямой речи, диалога, цитации разного вида, организующих «симфонию» «голосов» персонажей, включающих и голос образа автора.

Настоящее лирического героя (основа темпоральности и таксиса) и в прозаическом нарративе сменяется его взглядом в прошлое, выстраиваемое с помощью различных лексико-грамматических маркеров. Изменение чувств лирического героя совпадает с течением лирического времени. В лирическом тексте вступления временные планы постоянно взаимодействуют: настоящее и прошлое, прошлое и будущее переплетаются, отходя от точки временного отсчёта, с различными комментариями и перспективной информацией. Вступление, как и лирическое произведение, максимально характеризуется «перспективной динамичностью». В его текстовой структуре наблюдаются временные смещения, преобразования, переплетения, перетекания темпоральных и таксисных планов: лирическое «я» вмещает в себя внешний мир, с субъективной точки зрения, оценивая, принимая или не принимая его, выражая авторское отношение к создаваемым образам. Всё это проявления отражения субъективного времени. Функционирование форм времени максимально многозначно, диффузно, оно выражает самосозерцание, самопознание лирического героя. Сочетаются точки зрения «я – здесь – и сейчас» как точки отсчёта и тенденция к обобщённости, вневременности. Основной темпоральный фон – безграничные способы выражения соотношений «точечности» и «линейности», выражение отношений временной нелаколизированности (неопределённости, повторяемости, цикличности, вневременности). Здесь, как в лирическом стихотворении, временные отношения не передаются, а только стилизуются, они даны в восприятии и интерпретации лирического героя, тогда как в нарративе принципиально важен причинно-следственный детерминизм на объективно-хрональной основе. За каждым из выделенных типов субъективного времени закреплены определённые видо-временные формы. Формы прошедшего времени имеют сюжетообразующую функцию, в ядре нарратива – формы совершенного вида. Формы настоящего времени – важнейшее средство выражения субъективного времени.

Вступление напитано сложными перцептивными образами: зрительными, слуховыми, обонятельными и даже тактильными. Часто они переплетаются, создавая сложное восприятие читателем, помогают ему создать яркое представление об июльском дне. Тончайшие наблюдения за погодой, за малейшими изменениями в природе оформлены нежными метафорами: «*заря разливается кротким румянцем*», солнце «*не тускло-багровое*», а «*приветно лучезарное*». Лирический герой находит единственно возможные слова для характеристики облачков: они «*сверкают змейками*», «*блеск их подобен блеску кованого серебра*», они «*золотисто-серые, с нежными белыми краями*». В мировой литературе нет подобного описания тончайших неуловимых изменений на небесном своде:

Подобно островам, / разбросанным по бесконечно разлившейся реке, / обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, / они почти не трогаются с места; / далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, / синевы между ними уже не видать; / но сами они так же лазурны, как небо: /они все насквозь проникнуты светом и теплотой. // Цвет небосклона, / лёгкий, бледно-лиловый, / не изменяется во весь день и кругом одинаков...

К вечеру эти облака «*исчезают, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца*» до тех пор, «*тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на небе вечерняя звезда*».

Для лирического героя чрезвычайно важны запахи родной земли, ощущение свежести, когда дышит полной грудью, и нельзя надышаться чистым воздухом:

В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; / даже за час до ночи вы не чувствуете сырости.

Внешне незаметная работа пытливого и глубокого ума, эстетического и нравственного чувства предшествуют рождению неповторимой авторской фразы, а потом и текста. Именно нравственный уровень души и интеллекта, эстетические взгляды, симпатии и антипатии, ценностные ориентации определяют всё в художественном произведении, в том числе точный выбор слова-образа и синтаксической структуры. Нравственный выбор уже определяет авторскую позицию, мировоззрение, стиль и, конечно, доскональное знание предмета описания. Нарративная часть рассказов-очерков внешне эмоционально нейтральна, но за этим проявляется глубинная нравственная авторская оценка. Соотношение лирического вступления и нейтрального нарратива

создают антитезу как основу экспрессивного внутреннего натяжения, напитывают рассказы энергией, разноуровневыми смыслами.

Идиостиль Тургенева отличается неограниченной свободой субъективной оценки и самовыражения близких автору персонажей-рассказчиков. При этом никаких резких прямых оценок нет. Взгляд автора со стороны всегда мягок и доброжелателен изначально. Не выносит он только лицемерных угнетателей, наслаждающихся властью над другими людьми, причём ненавистны они ему не столько в социальном, сколько в личностном, нравственном аспекте. Изображение и приятного и неприятного рассказчику окрашено глубоким лиризмом, искренне переживается им. Любая деталь может стать объектом артистического лирического изображения, любая ситуация может стать поводом для лирического переживания и эмоциональной оценки; рассуждения-отвлечения, как правило, лиричны по своей природе: повествователь получает черты рассказчика, а рассказчик – черты полноправного автора. Границы и повествовательные типы взаимопроницаемы. Именно это позволяет рассказчику-автору во всю силу проявлять в сюжете лирическое начало. В «Записках охотника» мы видим зарождение неповторимого синкретичного лиро-эпического стиля, который в дальнейшем так ярко проявится в романах Тургенева и в его поздних «Стихотворениях в прозе».

Абинякина Т. В.

В поисках «Невидимого града»: духовные искания В. Д. Пришвиной

Осмысливая идейно-нравственный мир Михаила Михайловича Пришвина, неизбежно обращаешься к духовным исканиям самого близкого, «единомысленного» с ним человека – В. Д. Лиорко-Пришвиной. Именно к Валерии Дмитриевне, без сомнения, можно отнести слова писателя – «человек, живущий «в духе», редчайшее явление».¹

История их взаимоотношений – это не просто счастливая любовь, не просто дар судьбы или нечаянная радость. Это воплотившаяся давняя мечта писателя, которую Пришвин вынашивал и ждал так мужественно и так долго, что, когда, наконец, она воплотилась, душа его отозвалась с небывалой дотоле силой и страстью.

В. Д. Пришвиной было свойственно ощущение собственной жизни как пути, на котором каждое событие значимо и сразу осознаётся как имеющее или не имеющее отношение к этому пути, ведущему её к неведомой, но единственно возможной цели. При этом реальностью оказывается не столько сам жизненный факт, сколько его переживание, воспринятое с точки зрения духовной жизни.

На протяжении всей своей жизни Валерия Дмитриевна не могла преодолеть страх, что никто не поймёт её трагических метаний в поисках нравственного совершенства и абсолютной духовной полноты. Вот почему написать об этом было для неё и совершенно необходимо, и невероятно трудно. Так у В. Д. Пришвиной возник замысел автобиографического романа «Невидимый град», к работе над которым она обратилась во многом благодаря настоятельному совету М. М. Пришвина.

Книга В. Д. Пришвиной – это уникальная история женской души, которая пытается найти выход из вечного противоречия любви земной и любви небесной – противоречия, которое утверждалось всей культурной традицией XIX-начала XX вв.

Ляля, как называли Валерию Лиорко домашние, обладала глубочайшим и «естественным, как биология», по определению Пришвина, религиозным чувством, пробудившимся в ней с первых сознательных лет жизни. Уже при первом прочтении Евангелия ей запали в душу слова о совершенной любви, подобной солнцу: «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас». Так на самой заре жизни почувствовала она богатство любви как величайшую реальность бытия, его цель, как исчерпывающий смысл своего существования. Для этого стоило жить, ради этого было не страшно и умереть. Не об этом ли много позднее прочитала Валерия Дмитриевна у Пришвина: «Путешествие ценно не так тем, что оно обогащает человека новым знанием, как тем, что открывает глаза на

¹ Пришвин М. М. Дневники 1926-1927. – М.: Русская книга, 2003. С. 136.

близкое. И есть такое путешествие в такую отдаленную страну, возвращаясь откуда люди могут понимать даже любовь к ближнему и даже к врагу. Только надо очень далеко уехать: я там не бывал». – «А я там была однажды»², – могла бы откликнуться ему на эти строки Ляля, но тогда они ещё не знали о существовании друг друга.

В поисках нравственного совершенства, воскрешающей цельности и единства с Богом, Валерия Дмитриевна обращается впоследствии к религиозно-философской системе Владимира Соловьева и его книге «Оправдание добра», в которой она находит для себя много внутренне близкого и дорогого. Здесь девушку прежде всего восхитила триада: «стыд, жалость и благоговение». Вся нравственная жизнь для неё легко размещалась в этой триаде: стыд за всё, что ниже человеческого достоинства; жалость (или сострадание) к подобному себе; благоговение к высшему (к идеальному, к предмету духовных стремлений).

Большое духовное влияние на Валерию Дмитриевну в юности оказали сочинения подвижников древнего православия, так называемая святоотеческая литература, изданная к тому времени в пятитомном собрании с общим и весьма символическим названием «Добротолюбие». Ей посчастливилось стать ученицей и другом выдающегося русского философа И. А. Ильина, который, читая в Институте Слова курс «Миросозерцание и характер», знакомил слушателей именно с анализом духовной жизни человека, вылившимся у подвижников древнего христианства в чёткую систему, называемую аскетикой.

Сущность христианской аскетики, идеи которой захватили тогда Лялю, воспринималась ею как совершенствование своей души, как борьба за её просветление, движение к добру, очищению, высшей ступенью чего является, по мысли христианских подвижников, смиренномудрие. Именно через него человек достигает подлинной любви и познает Бога. Подвижники-аскеты рассказывали о своем практическом опыте приближения к истине путем перестройки своей собственной природы и указывали дверь в существующий, по их утверждению, рядом с нами иной, совершенный мир. «Смиренномудрие есть не имеющая имени благодать в душе, теми только именуемая, которые изведали ее опытом», – писал св. Иоанн Лествичник в VI в.

Разделяя идеи церковных аскетов об очищении и монашестве как врачебнице, восстанавливающей утраченную цельность человеческой личности, Валерия Дмитриевна в то же время решительно отвергает и умозрительность сугубо теоретических рассуждений участников религиозно-философских собраний интеллигенции начала XX в. Объединяя их всех под именем «гностиков», она пишет: «...в своих умственных конструкциях они были оторваны от исторической почвы, от жизни и души своего народа и его духовной культуры... Они казались мне чуждыми духу совестливости и нравственного самоотвержения, которыми отличается характер народной души и мысли русского человека... Теософия всех видов воспринималась мной как болезнь ума, поскольку была оторвана от нравственно обязывающей жизни сердца».³

Те же мысли возникают и у Пришвина под впечатлением встреч с декадентско-символическим кругом петербургской художественной среды, в котором он так и не нашел себе ни друга, ни духовного наставника. Вступив в религиозно-философское общество Д. С. Мережковского, он отмечает: «Мне кажется, у них много надуманности...»⁴ Размышляя об отношении столичных декадентов к издревле хранимым духовным ценностям и культуре русского народа, писатель противопоставляет их: «О богоискателях: они все были оторваны от органического целого, вместо кровной связи с целым пользовались символикой и в своих поступках не могли быть реальными». «Между тем историческое начало таило в себе сокровенную задачу единства сознания и веры, осуществляемой прямым действием...»⁵

В отличие от оторванных от природы и народной культуры декадентов, которых многообразие бытия ограничивало магией Слова вместо жизненного поступка, Пришвин всегда искал в «жизни видимой» соответствие невидимой жизни души человеческой, соединяя «дух» и «плоть» в едином потоке бытия.

Валерия Дмитриевна была христианка, послушная и дерзновенная (о равновесии этих внешне противоположных начал в душе верующего писал о. Сергей Булгаков: «...если смирение есть наша любовь к Богу, то дерзновение и ответственность есть наша любовь к миру и человеку... Дух подает

² Пришвина В. Д. Невидимый град. – М.: Молодая гвардия, 2003. С. 41.

³ Там же. С. 183.

⁴ Пришвин М. М. Собр. соч. в 8 т. Т. 8. – М.: Художественная литература, 1986. С. 39.

⁵ Пришвина В. Д. Путь к Словоу. – М.: Молодая гвардия, 1984. С. 185, 189.

христианину силу покаяния и мощь творчества»). Её никогда не покидала надежда на лучшее, на совершенную обновленную любовь и радость бытия. Эта глубокая вера в добро и нравственный идеал очень близка христианству. «Я не могу быть несчастна... Какие бы страдания меня ни ждали!... надежда – это тоже реальность, только с нею и стоит жить»,⁶ – сказала она однажды и повторяла эти слова ещё не раз на пороге отчаяния во время всех падений, под ударами судьбы: «Христос есть образ всех усилий в борьбе за идеал... Даже если б мне доказали, что Христа не было в истории, меня бы это ничуть не поколебало: важно лишь одно, что Он мыслится, этот Образ, и значит, существует. Когда заглянешь в себя по-настоящему, там остается одно чувство доверия ко Христу»⁷.

В дневнике Пришвина много лет спустя Валерия Дмитриевна обнаружит то же стремление понять духовный смысл радости и отстоять её: «Голгофа, по-моему, могла быть только раз, а после того явилось новое сознание «спасенного человека». Так что Голгофа принадлежит уже старой истории, а истинный последователь Христа, как спасенный, должен быть в жизни победителем и как-то по-иному, чем распятием и жертвой... Наш путь иной и, вероятно, состоит в утверждении (а это, может быть, не легче Голгофы) радостного духа»⁸.

Не случайно именно Пришвин стал впоследствии для Валерии Дмитриевны образцом истинно русского человека, который через всю жизнь пронес тайную веру в радость бытия и подвиг во имя нее.⁹ Ведь для Пришвина были органичны и естественны многие нравственные качества, которые имеют ключевое значение в опыте христиан, такие, как благодарность и умение быть счастливым. В своем дневнике он записал: «Благодарность – это радость о добре, пренебрежение злом. Благодарный – это человек, умеющий быть счастливым, а значит, верящий в смысл происходящего, это высшее качество души... И чувство гармонии в душе человека вышло из благодарности, и в этом открылся человеку Бог».¹⁰

Но в то же время в сознании Валерии Дмитриевны с самого начала присутствовало трагическое раздвоение простой и единственной жизни на «этот» мир, полный злых страстей, от которого надо бежать, и на «тот», желанный, но ею самой придуманный: «Я была создана для любви – иного не было у меня дарования. В мире людей любовь разделилась на тело и дух. И я стала, подобно многим, жертвой этого разделения...»,¹¹ – признаётся она.

Валерия Дмитриевна определяет свои тогдашние переживания как «гнушение браком»: «Я искала спасения от темной стихии, которую с детства мне дано было увидеть в человеческом мире, – она меня отвращала, но подчас манила мое воображение. Единственной защитой была неискоренимая ненависть к темному сладострастному миру, где чувство понималось как чувственность; где навстречу жажде любви предлагалась до конца удовлетворенная страсть».¹² Это отталкивание от обычных форм человеческой любви и жажду обретения в ней ещё неведомого совершенства можно объяснить, вероятно, той самой жадью, которая является основной движущей силой всякого искусства и мучает творческого человека, художника.

Анализируя идейные искания молодой женщины, Пришвин позднее запишет об этом как о «невозможности выйти к «обыкновенному» состоянию из своей «духовности», как о борьбе за совершенство в любви, за лучшую природу человека, которую он называет «физическим романтизмом»: «Ляля, не владея никаким искусством, стала делать любовь свою как искусство. Вот почему только художник мог понять ее, и только художника могла она полюбить».¹³

Именно поэтому одним из самых значимых событий в жизни Валерии Дмитриевны, по её собственному признанию, явилась встреча с Олегом Полем, философом и богословом, ставшим впоследствии монахом-пустынником. В личности Олега Поля она поначалу увидела то самое счастье духовной жизни и единство бытия, о котором мечтала с детства. Этот незаурядный человек впервые внёс в её сознание совершенно новое ощущение действительности, определяемое ею самой как ситуацию «мы с тобой»: «Все было тогда в единстве, и не было никакой внутренней борьбы, была

⁶ Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 121.

⁷ Там же. С. 132.

⁸ Там же. С. 50.

⁹ Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 194.

¹⁰ Пришвин М. М. Дневник. 7 августа 1947 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 208.

¹¹ Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 403.

¹² Там же. С. 213.

¹³ Пришвин М. М. Дневник. 16 августа 1942 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 45. См. также: Варламов А. Н. Пришвин. – М.: Молодая гвардия, 2003. С. 77.

простота, и это было однажды в моей жизни, и это было настоящим счастьем. Я вспоминаю об этих лучших в жизни нескольких годах как о приоткрывшемся мне ненадолго окне в мир свободы и неиссякаемой радости...»¹⁴

Основные идеи Олега Поля о современном, обновленном христианстве изложены в философско-богословской работе «Остров достоверности», написанной им в 1926 г. среди кавказских пустынножителей и обращенной к Валерии Дмитриевне. Там он впервые попытался совместить несовместимое – личную любовь и монашеское призвание. Современное монашество, по его мысли, это незаметная для людей обитель, сохраняющая предание о древнем подвижничестве и в то же время приобретающая новые формы, востребованные временем: «Мы мечтали, – вспоминает Валерия Дмитриевна, – не в том почитаемом нами монашестве, которое предполагает жизнь вне времени – только с Богом. Мы стремились к жизни аскетической, но отнюдь не одинокой... «Мы с тобой» – в эту формулу включалось все нам дорогое: с нами будут жить близкие, единомысленные люди».¹⁵

Древние иконы наводили на мысль о «царстве небесном как о радостном сосуществовании тварей, а не только как о совершенном устройстве человеческой души». На иконах Воскресения и Преображения читалась «вера святых отцов в то, что и растения, и животные, а не одни только люди, сохраняются для вечности в замысле о них Творца».¹⁶ Это было сознание современного христианина, разительно отличное от древнего и заключающее понимание того, что разделение на «плоть» и «дух» соответствует разделению на «тот» мир и «этот». По словам Пришвина, считавшего во многом О. Поля своим единомышленником, это была борьба с «темным аскетизмом, принципиально разделяющим плоть как зло от духа как блага».

«Последствием такого учения, – писал Пришвин, – есть разделение жизни на «в этом мире» и «там», – тогда как по нашей вере мир единится, и все люди становятся братьями, и животные постепенно приучаются человеком и входят с человеком в единство... и когда интеллигенция стала входить в церковь, тут-то и могли вырасти такие цветы, как Ляля и Олег. Я хотел бы, чтобы они стали цветами возрождения».¹⁷

Пришвин решительно против гнушения боготварной природой, он отстаивает свою любимую мысль о её спасении здесь и сейчас, и такой, уже спасённой, он и воспринимает её. Так он видел мир с того момента, как взялся за перо, когда понял необходимость целостной жизни на земле. Постигание жизни в простом единстве возможно для сознания как святого, так и ребёнка. Валерия Дмитриевна проникалась идеей о способности детского удивления как источнике познания и творчества. Пришвин всю жизнь задолго до знакомства с ней думает и пишет о том же: «Сохраненное в себе дитя – вот мировой капитал человечества. Гениальный поэт в существе своем ребенок... Удивление покидает мир... Человеку надо вернуть себе детство, и тогда ему вернется удивление».¹⁸

Здесь начинает развиваться до этого только предчувствуемая, только ожидаемая тема – возможен ли «художник любви». Тут появляется непостижимая нынешнему уху и сердцу тема девства, которую письмо за письмом и встречу за встречей отстаивал перед Валерией Дмитриевной О. Поля, а затем иеромонах Онисим, и которую она сама чувствовала как высшую правду и высшее творчество и оправдание любви.

Говоря о необходимости их с Лялей совместной жизни «для творчества», Олег отчётливо осознает свое избранничество, ощущает в себе призвание художника, который идёт своим труднейшим, неизведанным путем, и об этом же особом пути пишет в своем дневнике и Пришвин: «Художник стоит перед Богом и как бы мерится с ним силами: в этом трагедия его положения... Большое искусство – это одна из форм аскетизма. Художник – это монах, девственник [...] в душе. И вот именно поэтому, как все признают, семейная жизнь художника находится в противоречии с его призванием. Яркий пример этому – жизнь Олега».¹⁹

Но при этом любовь и бытие Олега Поля и Валерии Лиорко были пронизаны стремлением превратить реальность – в текст, подчинить жизнь смыслу. Свою любовь они пытались осуществить

¹⁴ Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 256.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ Там же. С. 256.

¹⁷ Пришвин М. М. Дневник. 24 февраля 1940 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 327.

¹⁸ Пришвин М. М. Незабудки. – М.: Художественная литература, 1969. С. 124-125. См. также: Пришвина В. Д. Путь к Слову. С. 194.

¹⁹ Пришвин М. М. Дневник. 9 июня 1943 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 329.

как совместное, чисто духовное творчество, напряжённое духовное делание, создание иного мира здесь, на земле, исходя из своих умозрительных построений: «Я не помышлял о человеческой любви и молил Господа дать силу вступить на путь, который наставники наши называли ангельским образом жития... Любовь земная страшится смерти, которая ставит ей преграду. Но царственно-человеческая любовь может завершиться только за воротами смерти... Залог грядущего воскресения – страсть бесстрастная. Нашу любовь я воспринимаю как послушание Христово»,²⁰ – пишет О. Поль.

Однако подобной, искусственно созданной, рационально-выверенной любви Ляле было уже недостаточно. Стремясь на голос своего призвания, она интуитивно искала в любви полноты не только духовного, но и земного чувства. Олег встретил всё это опасливым обдумыванием.

Пришвин, который выступал за многообразие жизни во всех её проявлениях, впоследствии критически оценивал догматизм воззрений Олега Поля на любовное чувство. «У всякого принципа нет лица и внимания к людям. Вот почему все принципиальное – безжалостно... Закон, обобщение, метод... соблазн «метода» – вот этого страшного искушения нет в Евангелии»,²¹ – записывает он, размышляя об Олеге.

Валерия Дмитриевна стремилась к абсолютной полноте в любви, не удовлетворяясь ни полнотой любви небесной, которую проповедовал Олег, ни полнотой любви земной, которую предлагал ей муж, Александр Васильевич Лебедев. Она искала такую любовную реальность, что ставит этот невозможный знак равенства между любовью и смыслом: «Внешне этот путь будет походить на утомительное блуждание среди не понимавших меня людей. Моим спасением... в далеком будущем явится встреча с Михаилом Пришвиным, единомысленным человеком, с которым мы будем жить воистину в одно дыхание... и это будет как печать на дело жизни, и моей, и его – свидетельство того, что любовь воистину ведет к воплощению идей, а иначе все идеи остались бы пустой мечтой, не заслуживающей внимания»,²² – пишет Валерия Дмитриевна.

Действительно, встреча с Пришвиным в 1940 г. осветила её жизненный путь, выявила смысл её поисков и ошибок, поместила этот субъективный опыт любви в контекст культуры: «Понять – значит найти в прошедшем смысл, и это делает рассказ о себе рассказом для всех». «...в мою загубленную жизнь пришел художник, понявший смысл этой жизни и страстно, убежденно пожелавший ее оправдать»,²³ – признаётся впоследствии Валерия Дмитриевна. «Наша любовь с Лялей дается нам в оправдание прошлого»,²⁴ – как бы отзывается на это Пришвин.

Писатель увидел в ней женщину, для которой любовь была встречей с миром другого, равного человека, признанием ценности и смысла собственной судьбы, и оценил её стремление преодолеть стереотипы в отношениях мужчины и женщины, разрушить искусственные границы физического и духовного общения, сделать свою любовь действенной и благотворной. «Ляля сказала, – запишет Пришвин, – что перед единственным человеком она не чувствует греха. А я на это ответил, что «единственный» тоже себя так чувствует, и ещё, что все ошибки в ее жизни свидетельствуют о праведности ее души, направленной к Единственному по слепому пути».²⁵

Трагедию жизни Валерии Дмитриевны писатель разъясняет своими многочисленными дневниковыми размышлениями. Они были, по существу, раскрытием проблемы, поставленной ею в своем повествовании, – проблемы женщины: «Лялина жизнь есть борьба за женщину в ее сокровенном значении как материнство личности (духовное материнство)». «Как Ляля проста в своей сущности, и как трудно было всем из-за этой простоты ее понять. В том-то и была ее непонятная простота, что она была мать без детей».²⁶

Пришвин смог не просто понять жизнь Валерии Дмитриевны, полную сомнений, страданий и ошибок, но осознать и её жизненную задачу, смысл этой женской судьбы: «Мне стыдно самому вспоминать о том, как я думал о любви до встречи и последующей жизни с Лялей... Она мне собой показала пример возможности во Христе любить жизнь, а не смерть: эта жизнь как суровая борьба за любовь... Но как много надо пережить, перемыслить, чтобы до этого понимания дожить».²⁷

²⁰ Пришвина В.Д. Невидимый град. С. 286.

²¹ Пришвин М.М. Дневник. 27 февраля 1952 г. Цит. по: Пришвина В.Д. Невидимый град. С. 327.

²² Пришвина В.Д. Невидимый град. С. 213-216.

²⁴ Там же.

²⁵ Пришвин М. М. Дневник. 5 марта 1950 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 45.

²⁶ Пришвин М. М. Дневник. 23 марта 1942 г., 7 октября 1945 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 487.

²⁷ Пришвин М. М. Дневник. 17 декабря, 27 декабря 1942 г., 5 февраля 1947 г. Цит. по: Пришвина В. Д. Невидимый град. С. 48.

Универсальная логика, которая содержится в опыте взаимоотношений Валерии Дмитриевны и Михаила Михайловича, позволяет говорить о любви к женщине как о способе попадания в сферу высшей любви, как о пути к спасению личности и слова писателя в жёсткой культурно-исторической ситуации XX в. в России, где свободный художник зачастую обречён на одиночество.

Это позволяет считать любовь не только событием в жизни двоих, но событием в культуре, и в этом состоит главный смысл миропонимания В. Д. Пришвиной: «Любовь – та же вера, путь к Богу, путь к будущему миру, к бессмертию...»²⁸ Для Пришвина всё же была первична вера, а любовь понималась как производное от нее. В 1927 г. он записал в дневнике, «что вера больше любви, и если делаешь по вере, то любовь является сама собою, что любовь делает вера, а не сам человек, и вера должна определиться в Боге».²⁹

Идейное соприкосновение М. М. и В. Д. Пришвиных позволяет рассматривать их духовный мир как поиск пути развития и формы миропонимания творческой личности, причём задолго до их знакомства. Однако ранние религиозно-нравственные представления Валерии Дмитриевны – весьма категоричные и доходившие в стремлении к всегда недостижимому идеалу и доходившие до традиционных интеллигентских умозрительности и догматизма – претерпели заметные изменения только под воздействием размышлений Михаила Михайловича Пришвина. Именно внутренняя готовность к восприятию пришвинского миропонимания позволила ей обрести так необходимое подтверждение смысла всей прежней жизни. Обретение единомыслия и единомышленника стало тем самым «оправданием прошлого», которое внесло в их духовный мир подлинную гармонию.

Список литературы

1. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. – Москва : Художественная литература, 1982-1986. – Т. 8. Дневники. 1905-1954. – Москва : Художественная литература, 1986. – 757 с.
2. Варламов, А. Н. Пришвин / Алексей Варламов. - Москва : Молодая гвардия, 2003. – 546 с. – (Жизнь замечательных людей : Сер. биогр.; Вып. 848 (1048)).
3. Пришвин, М. М. Дневники : 1926-1927. Книга пятая / М. М. Пришвин. – Москва : Русская книга, 2003. – 592 с.
4. Пришвин, М. М. Незабудки : [Отрывки из дневниковых записей 1905-1954 гг.] / [сост., подготовка текста и вступ. ст. В. Д. Пришвиной]. – Москва : Художественная литература, 1969. – 303 с.
5. Пришвина, В. Д. Невидимый град / Валерия Пришвина. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 529 с. – (Близкое прошлое. Библиотека мемуаров).
6. Пришвина, В. Д. Путь к слову : [О М. М. Пришвине] / В. Пришвина. – Москва : Молодая гвардия, 1984. – 262 с.

Голубева С. С.

Жизнь и творчество русского орловского прозаика Е. А. Зиборова

Человек вечно жить не может, а память – должна. В нашей власти воскресить воспоминания о наших ушедших, особенно когда вклад человека в жизнь поколений не оценим никакими существующими единицами мер и тем более, если речь идёт о таланте. Он человеку даётся не в личное пользование, а для нас, остальных, чтобы пробуждать в нас всё лучшее человеческое, не давать затухать Божьему, не позволить довести мир до последней черты. Не понимать этого – значит неминуемо катиться к концу цивилизации. У Бога нет неизвестных душ, но тут, на земле, забыв о таланте ушедших, мы нищем духовно, теряем высоту устремлений, равняемся на сиюминутность. Так и мельчаем, обкрадывая себя.

В прошлом году, а может быть, в нынешнем (в документах есть расхождения в дате) исполнилось 95 лет со дня рождения большого русского орловского прозаика Евгения

²⁸ Там же. С. 330.

²⁹ Пришвин М. М. Дневники 1926-1927. С. 259.

Александровича Зиборова. Читающий орловец, кому сейчас лет немного за пятьдесят, сходу назвал бы пару книг этого писателя, например: «Бронебойщики», «Завтра придёт Иван», «Высота Безымянная». Повести и романы этого автора увлекательны, часто с приключенческим сюжетом, где до конца не ясно, кто друг, а кто враг, и когда наступит разоблачение.

Учитывая, что действие в повестях и романах Зиборова происходит в годы Великой Отечественной войны, сюжеты обретают особенную остроту, а все человеческие ценности, такие как отношение к подвигу, любовь, верность не только человеку, но и Родине, и себе, преподносятся понятно и ненавязчиво – это всё как раз то, что надо для юношества.

Почти всегда бывает: прозаики пишут либо для детей, либо универсальную прозу – для всех (читай, взрослых). Зиборову удалось создать произведения, которые, на мой взгляд, были предназначены, в первую очередь, именно для юношества, притом качественные, русские по духу, и потому не оставляющие читателя безучастным.

«Во всех своих повестях Зиборов показывает, что готовность пойти на подвиг – не показное для солдата, вчерашнего крестьянина и рабочего, а мера его поведения, глубокая потребность натуры. Труженики, руки которых знали одно – строить жизнь, тем более глубоко и остро ощущают зло войны», – писал о произведениях Зиборова в критической статье орловский поэт и критик Александр Серафимович Логвинов.

И Зиборов не абстрактно рассуждает о натуре русского человека, а совершенно точно знает, о чём пишет, ведь он – участник Великой Отечественной войны.

Биография Евгения Александровича удивительна.

Он родился 6 февраля 1922 (по другим данным 23) года в Орле в семье чекиста. Отец до революции был писарем, а в 1918 году стал чекистом. С 1931 года отец будущего писателя был секретарём партийного комитета одного из Орловских заводов. Детские годы Евгения Александровича были овеяны рассказами о сражениях Первой конной армии, будённовцах, что, конечно, не могло потом не сказаться на характере творчества будущего писателя, да и на отношении к жизни. В 1934 году от старой раны (не извлечённой в своё время пули) отец умер. В 1940 году по окончании средней школы Евгений поступил работать на орловский завод «Главтекстильмаш».

В октябре 1941-го к Орлу стремительно приближались немецкие захватчики. В городе шла эвакуация. Зиборов эвакуировался в Среднюю Азию, где работал в хлопководческом колхозе Кассансайского района Наманганской области Узбекской ССР, затем на строительстве горного водохранилища.

В том же году, спустя несколько месяцев, девятнадцатилетний Евгений добровольно ушел в армию. Воевал на Белорусском, Закавказском, Западном фронтах, был полковым разведчиком, десантником в танковой бригаде, помощником командира взвода стрелкового подразделения, командиром минометного расчета. Несколько раз был ранен. Каким был воином красноармеец Зиборов, рассказывают наградные листы, опубликованные на сайте министерства Обороны РФ.

Приказом №150 Горно-Стрелковому Туркестанскому Краснознамённому полку 83-й Горно-Стрелковой Туркестанской Дивизии 56-й армии 6 августа 1943 года от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР медалью «За отвагу» награждены несколько бойцов, в том числе разведчик Зиборов, который *«27.7.43 под сильным миномётным и пулемётным огнём подполз к траншее противника, уничтожил 12 гитлеровцев, пытавшихся захватить пулемёт и отважного разведчика»*.

В 1944 году уже командир миномётного расчёта старший сержант Зиборов Е.А. совершил героический поступок, о чём в наградном листе сказано: *«При прорыве обороны противника 6.10.44 в районе Расейняй Литовской ССР товарищ Зиборов подавил наблюдательный пункт противника и уничтожил до взвода пехоты противника»* (от 22 до 45 фашистов), за что был представлен к Орденом «Красная звезда».

В 1945-м Евгений Александрович демобилизовался из рядов Советской Армии и уже в мирное время был награждён Орденами Отечественной войны I и II степени.

Вот такой молодой человек, двадцати трёх лет от роду, со специфическим жизненным опытом, которого никому не пожелаешь, приходит в литературу.

В 1947 году в «Орловской правде» появились первые стихи Евгения Зиборова. Одновременно он пробовал свои силы и в прозе. Его рассказы публиковались в «Орловском альманахе», первый из которых назывался «Твёрдые люди» и был посвящён военным событиям под Орлом 1943 года.

В 1951 году Евгений Зиборов пришёл на профессиональную работу в газету «Орловская правда». А с 1956 по 57-й год, буквально полгода, он работает заведующим отделом редакции газеты «Орловский комсомолец». В 57-м уходит в редакторы многотиражки Орловского пединститута. Все эти перемещения – свидетельства того, что человек не делал карьеры, а, видимо, искал способа соединить заработок с возможностью писать художественные произведения.

В 1959-м г. отдельным изданием выходит первая книга Е. Зиборова – «Ленька-трубач». Рассказы отца, героика Гражданской войны, которой было озарено детство, нашли воплощение в раннем творчестве Евгения Александровича. Книга стала заметным событием не только в Орловской области, но и за её пределами и вскоре была переиздана (1962), позже ещё несколько раз. В итоге автор получил множество писем от юных читателей с массой вопросов о герое повести. Ответ писателя детям был опубликован в газете «Орловский комсомолец» за 25 февраля 1964 года. Зиборов писал: *«Лёнька-трубач выдуман. Но зато образ его списан с разных людей, чьи судьбы во многом схожи с рассказанным в книжке».*

Буквально одному эпизоду из орловско-курских военных событий 1943 года посвящена повесть «Высота Безымянная» (1962). Она тоже не осталась незамеченной читателями и товарищами Зиборова по перу. Произведение достойно оценено другим орловским прозаиком, начавшим фронтовой путь солдатом-стрелком и дошедшим до Берлина в чине майора, референта по литературным вопросам Ставки Главнокомандующего Леонидом Николаевичем Афоным. Он отметил: «...книга Зиборова очень достоверна». При всей фактологической правде повесть наполнена жизнью, её герои – люди с разными характерами – любят и ненавидят, предают и разоблачают, воюют, не считая, что совершают подвиг, горюют о погибших и раненых товарищах, так и не привыкнув к тому, что смерть всегда рядом. Эта книга тоже не осталась незамеченной.

Членом Союза писателей СССР Евгений Александрович стал в 1963 году, имея литературный успех. И в том же году он снова уходит в «Орловскую правду».

Писатель издает и другие сборники повестей, романы: «Жаркое лето» (1965), «Солдаты идут за солнцем» (1965), «Деревья остаются большими» (1966), «Мои сограждане» (1967), «Спустя годы» (1969), «Завтра придет Иван» (1970), «Бронебойщики» (1971), «У огненной черты» (1971), «В северном море – ноль» (1975) – за десять лет девять книг.

Остросюжетный роман «Завтра придет Иван» написан Зиборовым на основе архивных документов о работе орловского антифашистского подполья – это отмечает поэт, прозаик, публицист, литературовед Иван Григорьевич Подсвиров.

Вот таким, военно-приключенческим, открылось для меня творчество орловского прозаика Евгения Александровича Зиборова.

Однажды мне в руки попала очередная его книга, 1960 года издания – сборник стихов «Над миром звезды», единственная стихотворная книга Евгения Александровича. Казалось бы, ничего особенного, многие прозаики начинают как поэты. Но эту книжечку я благодарю за то, что к уже сложившемуся у меня образу честного, талантливого писателя добавились характеристики человека, беззаветно любящего жизнь, родину, долгожданный мир.

Послевоенная романтика созидания. Современное поколение не знает, как повсеместно восстанавливали хозяйство страны, как молодые люди ехали в отдалённые уголки Родины на грандиозные стройки. Возводили комбинаты, гидроэлектростанции, прокладывали железные дороги, осваивали новые земли. Никто в ту пору не помышлял о какой-то иной выгоде, кроме выгоды быть причастным к строительству мирного будущего. С молодым задором юноши и девушки сражались с морозами и суховеями, гнусом и топкими болотами, с собственной усталостью. Такова идея, давшая творческий заряд поэзии Евгения Зиборова.

Романтику труда, как очевидную сильную сторону поэтического творчества Зиборова, подчеркнул в своей критической статье известный поэт Дмитрий Иванович Блынский: *«Стихотворное слово часто приподнято, звучит с пафосом, но этот пафос никогда не отрывается от земли, его корни глубоко вросли в благодатную почву родного края».* Блынский отмечал также: *«Как и в прозаических произведениях, в стихах Евгения Зиборова остаётся романтическое начало».*

Мог ли довольно ещё молодой человек (38 лет), вышедший из войны победителем вместе со всем народом, иначе воспринимать новые веяния, мог ли не испытывать радостной жажды труда, не видеть высокой цели созидания, не излагать её в стихах? Мне лет десять назад такие стихи показались бы лукавством, но надо понять людей того времени, одержавших победу над умным,

жестоким, отлично вооружённым врагом. С какой охотой, должно быть, они брались за мирный труд и достоинство победителя приумножали достоинством труженика.

В свете сказанного стихотворение «Экскаватор» не удивительно. На взгляд современного читателя, равно далёкого и от войны, и от масштабных строек, кажется, что экскаватор не может служить поводом для стихосложения. Однако, учитывая настроение времени, можно утверждать: и может, и вполне оправданно является посылом для творчества.

Экскаватор

*Он переполз на брюхе рвы,
урча, под косогор скатился,
в горбушку глины и травы
железной челюстью вцепился.*

*Он рвал пласты тугие недр,
клыкастой бороздил гребёнкой
и, жадный, всё-таки был щедр,
бросая за плечи щебёнку.*

*Он врылся весь. А на заре,
подняв победно ковш блестящий,
мигнул глазами фонарей,
умолк, тяжёлый и могучий.*

*На лапах чёрных сохла грязь,
и, высыхая, розовела.
Он отдыхал, не удивясь
тому, что смог такое сделать.*

*А мне казалось – он здесь встал,
чтоб новый пласт подмять под брюхо –
недаром взглядом фар искал
земли нетронутой краюху.*

Похожий образ земли (каравай хлеба, пирог) поэт создаёт и в стихотворении «Весенняя теплынь»:

*Глядит дорога полевая
на яровых широкий клин.
В дыму зелёном поспевает
коврига влажная земли.
Весна...
Пусть от неё мозоли
на руки пахаря легли –
мы эту синь, теплынь,
раздолье
всю зиму в сердце берегли.
В амбарах зёрна ворошили
и под весёлый, гулкий звон
на жарком пламени калили
стальные гребешки борон...
и нам казалось,
что средь пахучей тишины
вновь яровое поднималось
на тёплом противне весны.*

Стихотворение «Аврал» живо описывает опасную ситуацию, возникшую, быть может, на строительстве плотины. Даже не саму ситуацию, а те эмоции, с которыми юноши и девушки её преодолевают:

*Даёшь!
Пускай синеют губы,
пусть пробивает тело дрожь –
сквозь туго стиснутые зубы
твердим упрямое: даёшь!*

*Нажм – и, мускул напружия,
бросок, нажм – и вновь бросок...
Упрямство наше вместе с глиной
легло потокам поперёк.*

Таковы сила, энергия людей, которые никогда больше не будут знать беды – они в этом уверены. Уверен и лирический герой стихотворения **«Медаль»**:

*Медаль военная моя,
далёких дней свидетель,
ты дорога,
и всё же я
хочу сказать вот это:
пускай, мерцая серебром,
лежит медаль солдата
не на груди, а под стеклом
музейным экспонатом.
Пусть новым,
юным,
молодым
хозяевам планеты
неведом будет чёрный дым,
военных дней рассветы.
Пусть другой их в жизни ждёт
почётный знак медали –
за славный труд,
за смелый взлёт
в космические дали.
А наши –
пусть хранят века,
как слитки ратной славы
с рельефом сабли и штыка
на серебристом сплаве.*

Стихотворение звучит, как завет фронтовика будущим поколениям.

В поэзии Евгения Зиборова чувствуется особенный взгляд на войну, как на чуждое всей человеческой природе явление. В деталях стихотворения «На рубеже» автор обобщает огромный пласт человеческих ценностей. Вьюнок и осинки – олицетворение всей страны, народа и, вместе с тем, каждой семьи, каждого россиянина. Воин – лирический герой стихотворения – один из миллиона тех, кто, погибая, тоже прикроет собой по пяди и в сумме – миллионы сажень, метров – всю родную землю:

«На рубеже»

*Пригнулись низко стебли ржи,
в окоп вьюнок спустился синий.
За мной Россия вся лежит,
я – на виду у всей России.*

*Железо грохнуло вдали,
огнём губительным плеснуло.
И свет померк,
вьюнок в пыли,
и смерть в глаза мне
заглянула...*

*Но я отсюда не уйду,
осин рыжеющих не брошу
одних в пылающем аду
на косогоре с чёрной рожью.*

*Уж если смерть –
так лучше тут,
у ног простреленных осин,*

*чтоб даже падая на грудь,
прикрыть хотя бы пядь России.*

В том же ключе – стихотворение «**Фронтовая весна**». Накал войны здесь передан с помощью образа ольхи. Народ – все до единого – противостоит захватчику. Сама природа, земля каждой гранулой, даже покалеченная ольха воюют, не соглашаясь терпеть иноземное иго, желая только победить, пусть и ценой собственной жизни:

*Ничья земля
за бруствером лежит
с начинкою из рваного металла.
Ольха,
упав на ржавые ежи,
ободранные локти разметала.
А там,
где колья вздыбили свой ряд,
воронки, как прозрачные оконца ...
Нам кажется –
из них сейчас глядят
весенние расплавленные солнца.
И даже здесь
звнящий бег ручья
доносится сквозь минные разрывы.
Ничья земля...
Да кто сказал – «ничья»?
Попробуй-ка её из сердца вырви!
Недаром сшила ей, земле, весна
солдатскую зелёную рубаху.
Недаром к нам ползёт, обожжена,
ольха на локтях сбитых по оврагу.
Пусть у ежей железных залегли
бойцы, которым больше не подняться –
сейчас мы встанем
беспощадно злы –
и полоса ничейная земли
по праву будет
нашей называться!*

Сюжет стихотворения «**Оставленный дом**» – это основа для повести или рассказа. В нём удивляет умение Зиборова вместить большую драматичную историю в малую форму:

*Не снимая пальто, он входил,
не дыша, наклонялся к подушке,
не дыша, глаз своих не сводил,
от лежащей в качалке девчушки.
А потом, торопясь, отдавал
старой няньке пакеты и снова
прочь от этого дома шагал,
и лицо каменело сурово...
Высекали во мгле на бегу
россыпь звёзд голубую трамваи,
он не видел и уличный гул
в те минуты он слышал едва ли...
А потом, возвратясь в новый дом,
он, от мыслей незваных усталый,
говорил:
- Вызывали в райком, -
чтоб об этом другая не знала.
Он сидел допоздна за столом
и листал, не читая, страницы...*

В стихах не всё однозначно хорошо, но поэзия, да и всё творчество Зиборова, – свидетельство искреннего служения идее Великой Победы могучего народа, счастливого созидания.

Таковы особенности творчества Евгения Александровича Зиборова.

Он возглавлял Орловскую областную писательскую организацию с 1965 (или 66) по 1970 год включительно. В 1971-м писатель переехал на жительство в Калининград, был членом бюро пропаганды художественной литературы, заместителем ответственного секретаря Калининградской писательской организации. Евгений Александрович умер 12 февраля 1994 года, похоронен в Калининграде.

Произведения Евгения Александровича в нынешнее время должны стать особенно ценны. Они не только увлекательны, они – своеобразные документы, свидетельства войны, ведь почти каждая строка пережита самим писателем.

Сегодня мало кто помнит о Зиборове, а он почти в каждом слове увековечил памятные события нашего города, оживил их своим художественным даром. Когда-то благодаря Евгению Александровичу об Орле читала вся страна. Его книги стоят на полках библиотек. Стоит открыть – и недавнее прошлое нашего народа, страны снова оживёт и в красках расскажет читателю о героях, бедах и победах, расскажет правдиво и образно.

Я не была лично знакома с Евгением Александровичем, знакома только с его произведениями, но теперь мне кажется, что знаю этого человека.

Личное отношение... Оно возникает, когда, прочитав книгу, начинаешь интересоваться личностью автора. Его образ кропотливо и неуклонно складывается из крупиц разнородной информации. Мало-помалу разматывается ниточка судьбы, пусть не вся. Постепенно ты оказываешься как бы посвящённым в глубинную, самую важную идею, которая заставляет браться человека за перо, и тогда творчество автора вмешивается в твою судьбу, становится частью тебя.

Кулешова К. Г.

Фактологическая база Тургеневского цикла стихотворений Антона Бушунова

Творческое наследие И. С. Тургенева, отличающееся разнообразием тем и высокой степенью философичности, всегда привлекало к себе внимание читателей, исследователей, критиков, но оно также находило отклик в произведениях других писателей, что могло принимать как форму прямого обращения к текстам классика, так и вид аллюзий, реминисценций. В то же время сама личность и судьба Тургенева способны вызывать определенную реакцию извне, создавая почву и для осмысления уже известной информации о писателе и его творчестве, и для созданий произведений, в которых есть место домыслу, предположениям, фантазии. Именно эти факторы творческого переосмысления позволили Антону Бушунову, орловскому поэту и научному сотруднику музея И. С. Тургенева, создать Тургеневский цикл стихотворений, которые условно можно разделить на две группы: перевод французских текстов Тургенева и собственные стихотворения с опорой на биографию писателя.

По словам Бушунова, создание Тургеневского цикла не было самоцелью, он постепенно возникал в процессе работы, изначальный импульс которой – попытка сочинять и переводить стихотворные тексты для различных проектов музея. Ни для кого не секрет, что современный учитель, преподаватель всё чаще сталкивается с проблемой отсутствия интереса к чтению и неадекватного восприятия прочитанного учениками, понимание поэзии в этом ключе – отдельный и очень сложный вопрос. На данную тему можно найти множество масштабных исследований и публицистических статей. Вполне закономерно, что эта же проблема волнует сотрудников литературного музея, один из которых, Антон Бушунов, попытался с помощью своего творчества изменить ситуацию к лучшему. Можно долго спорить о реальности этой проблемы, причинах её возникновения, но факт остаётся фактом – для подавляющего большинства юных читателей классическая русская литература видится скорее тяжёлым школьным бременем, чем продуктивным или хотя бы интересным способом времяпрепровождения. Имея эту печальную данность в виду, мы обнаружили особую ценность в Тургеневском цикле Бушунова, и, чтобы обосновать свои утверждения, обратились к шести стихотворениям, входящим в данный творческий блок.

Выше мы уже сказали об основном принципе деления стихотворений в рамках цикла – это или переводные («Короли-маги», «Две птички», «Последний колдун»), или оригинальные

произведения («Бубулька», «Сон», «Песенка домового», «Портрет»). Скажем несколько слов о переводных текстах, определим их значение в рамках цикла и обратимся к истории создания, то есть к фактологической стороне этих произведений.

Прежде всего, отметим, что все переводные стихотворения приурочены к тому или иному музейному мероприятию. Например, для существующего более двадцати лет проекта «Сказки И. С. Тургенева» Бушуновым была переведена с французского миниатюра Тургенева «Сказка о голубой и зелёной птичках». По словам интерпретатора, выбор произведения был продиктован желанием обновить устоявшийся «репертуар» музея малоизвестным текстом. Интересна история создания оригинала: Тургенев написал его прозой для внучки Полины Виардо Жанны, чтобы развлечь её и приучить к хорошим манерам. Современное произведение несколько видоизменилось, во-первых, обрело стихотворную форму, во-вторых, получило более сложный сюжет, интригующий конфликт: во время шторма к одинокой голубой птичке, надеясь найти приют, прилетает «усталая птичка изысканных форм, чудесного цвета майской листвы», пернатые красавицы становятся друзьями, и теперь уже зелёная птичка предлагает подруге свой кров. Однако это лишь внешний фасад, за которым скрываются более серьёзные темы, ведь в этой миниатюре современный поэт говорит об одиночестве («Обидно, что не с кем ей поговорить // И некому в гости к ней заглянуть»), обретении друга («А здесь так тоскливо, на голой скале, // Беру я тебя, подружка, с собой») и дома («Нам нужно добраться домой поскорей»). А благодаря двум строчкам довольно легко провести параллели между историей птичек и взаимоотношениями Тургенева и Полины Виардо:

Летела она в свой родной Буживаль,
Где ясени светятся изнутри.

В данном случае «ясени» можно понимать как имя собственное, учитывая, что дом Виардо в Буживале назывался «Ясени». Возможно, что в «Сказке о голубой и зелёной птичке» Бушунов коротко и аллегорично поведал историю о взаимоотношениях Полины Виардо и Ивана Тургенева, который осознавал, что всю жизнь прожил «на краешке чужого гнезда».

Однако в рамках данного сообщения мы не станем подробно останавливаться на отношениях, связывавших Тургенева с Виардо, лишь, ссылаясь на некоторые исследования, оговорим общие черты этой истории чувств. Например, Т. Б. Трофимов в своей статье «Тургенев в воспоминаниях и переписке» приводит воспоминания художника А. П. Боголюбова, в которых он не только рассуждает о взглядах Тургенева на изобразительное искусство, но и пытается объективно представить историю любви всей жизни Тургенева: «Жизнь Тургенева и Виардо не есть жизнь обыкновенных людей. Полина Виардо, по-моему, была с Иваном Сергеевичем истинная пара по умственным достоинствам. <...> А деньги, дачи, дома, имущество, оставленное им, - всё это вздор, всё это бледно перед 42-летним чувством привязанности и хоть единым мигом наслаждения ума и сердца, который ему дала m-me Виардо» [7:253]. Н. Жекулин в своей работе «Духовно-интеллектуальные взаимоотношения Тургенева и Полины Виардо» также акцентирует внимание на единстве взглядов писателя и певицы, объединённых общими идеалами служения красоте.

Учитывая подобный факт, нельзя удивляться тому, что Тургенев в 1867 году, находясь в немецком курортном городе Баден-Бадене, написал либретто к оперетте П. Виардо «Последний колдун», героем которой является старый колдун Кракамиш, ведущий войну с лукавыми эльфами-цветами. В силу утраты своего колдовского дара и преклонного возраста, он терпит поражение за поражением, не имея никакой возможности победить в этой войне. Столь яркий персонаж, разумеется, не мог не стать действующим лицом музейных экскурсий и лекций для детей, более того, в 2015 году на музейных подмостках были представлены небольшие сцены из этой музыкальной сказки, для чего Бушуновым был «освежён» оригинальный перевод. В своей статье «Между строк», опубликованной в газете «Орловский вестник», Бушунов пишет, что он взял на себя «смелость переписать его [монолог Кракамиша], укрепив ритм и изменив силлабо-тонический размер» [2]. Впрочем, либретто интересно не только причиной, побудившей Тургенева написать его, но и погружением во внутренний мир Кракамиша, монолог которого в переводе Бушунова выглядит следующим образом:

О, небо! Мой дар совершенно иссяк!
А кто без него я — старик и бедняк?!
Лохмотьями стали халат и сюртук,
Слуга, глупый карлик, отбил от рук.
Колдую над пищей, но пуст мой котёл;

Мне лошадь нужна, а выходит осёл.
Хочу за бокалом вина отдохнуть,
Но льётся в бокал только грязная муть.
Несносные эльфы грозят мне войной
И козни мне строят, одну за другой.
То дождь по их просьбе зальёт мой очаг.
Не смог я согреться, несчастный, никак!
То гадких лягушек попросят тайком
Попеть серенады всю ночь под окном.
Мой дар драгоценный иссяк, как родник.
И я без него – беззащитный старик!

Выше мы дали краткую характеристику Кракамишу, и вывод из нее напрашивается довольно очевидный: это сказочный злодей-колдун, получающий по заслугам. Однако данный монолог вносит дополнительные смыслы и добавляет образу Кракамиша новые черты: мы видим его страх перед старостью, бедностью и общим бессилием, это «беззащитный старик», чей драгоценный дар иссякает, что в конечном итоге приведёт его к трагическому финалу. И если мы ненадолго забудем обо всех нелицеприятных деяниях Кракамиша, то перед нами предстанет трагедия одинокого старика, у которого нет ни дома, ни близких.

Говоря о близких, нельзя не упомянуть об отношении Тургенева к детям П. Виардо. Во многих своих письмах к ней он спрашивался об их здоровье, беспокоился об их устроенности в жизни. Также известны письма Тургенева, обращенные непосредственно к самим детям. Это и письмо, адресованное Полю, Клоди и Марианне Виардо от 21 июня (3 июля) 1865, и письмо, написанное в 1881 году любимице Тургенева – Клоди. В первом послании Тургенев трогательно описывает будущую встречу с «маленькими хитрецами», которых он любит всем сердцем, отдельно подчёркивая, что от этой встречи он не станет красивым, но «будет очень счастлив». Во втором письме Тургенев, находясь в своём «спасском одиночестве», пишет Клоди о том, какой он представляет себе жизнь семейства Виардо, оставленного им в «Ясенях»: «тебя, рисующую в моём кабинете, маму, сочиняющую музыку в салоне шале...». Эти детали представляются важными, поскольку в рассматриваемом нами Тургеневском цикле присутствует стихотворение, связанное с одним из сыновей П. Виардо – Полем.

Стихотворение «Короли-маги» было переведено Бушуновым с французского в связи с выставкой «Под небом Шиллера и Гёте», явившейся результатом поездки Орловского тургеневского общества в 2012 году по тургеневским местам в Германии и Франции. Поводом же для изначального написания стихотворения послужила учёба юного Поля в городе Карлсруэ, куда Тургенев вместе с семейством Виардо приезжал навестить мальчика на Рождество. Прежде чем мы перейдём к самому стихотворению, остановимся на личности Поля и отношении Тургенева к нему. Поль был скрипачом-виртуозом, основной успех которого пришёлся на восьмидесятые годы во Франции, Германии, Испании и России; сам Тургенев искренне считал Поля одарённым музыкантом и содействовал его обучению и популярности. В 1881 году Тургенев, отправляя Поля в Петербург с рекомендательными письмами, также вручил ему письмо к К. Ю. Давыдову, русскому композитору и виолончелисту, который в то время был директором Санкт-Петербургской консерватории, а из письма Тургенева к Полю от 6 (18) января 1881 года становится ясно, что Давыдов также должен был помочь молодому музыканту со знакомствами [3]. Помимо прочего, Поль Виардо написал книгу «Воспоминания артиста», в которой воссоздал артистическую атмосферу жизни Тургенева. Эта книга примечательна тем, что в ней рассказывается о жизни семейства Виардо в Лондоне, периоде, мало освещённом в других воспоминаниях современников. И всё же отношения Тургенева и сына Виардо нельзя назвать безоблачными, писателя отталкивали определённые черты характера Поля: самонадеянность и тщеславие, – о чём он писал, например, в письме Л. Пичу от 4 апреля 1873 года. И всё же Тургенев всегда отмечал большие способности Поля к музыке.

Впрочем, отношение к Полю менялось, видимо, с годами, поскольку в стихотворении, получившем название «Рождественская песня» (в вольном переводе Бушунова «Короли-маги»), Тургенев явно сравнивает поездку в Карлсруэ с путешествием волхвов к младенцу Христу:

Короли и чародеи, жители Востока,
Стать свидетелями чуда мы пришли сюда.
К лику Матери Марии, перед Божье око
Привела нас путевая тёплая звезда.

Где б ни билось наше сердце – на воде ль, на суше,
Нас дитя благословляет, видит нас насквозь.
Своим светом разгоняет сумрак в слабых душах,
Укрепляет чашу неба и земную ось.

Мы дошли до бедной кельи, колдуны Востока.
На соломенную крышу желтоватый свет
Плавню лился, озаряя выступ водостока,
Плющ на выступе, открытой двери силуэт.

Вид покинутого дома нас обескуражил.
Мы, раджи и падишахи, плакали навзрыд.
Как же так, ведь мы тащили тяжкую поклажу,
Мы несли тебе, младенец, вкусные дары!

Трюфеля под нежным тестом, сладкие каштаны
И айвовое варенье в расписных горшках,
Сумки сочных, спелых яблок, мудрецы, султаны,
Мы несли тебе, младенец, с радостью в сердцах!

На чужой земле, на вольном, хищном ветродуе
Мы в отчаянии стояли под немой звездой.
«Он в Карлсруэ!» - кто-то крикнул, крикнул: «Он в Карлсруэ!»
И затряс от потрясения белой бородой.

Мы, кудесники и маги стороны восточной,
Короли и падишахи, все спешим туда.
К лику Матери Марии, перед Божьи очи
Приведёт нас путевая тёплая звезда.

Где б ни билось наше сердце – на воде ль, на суше,
Нас дитя благословляет, видит нас насквозь.
Своим светом разгоняет сумрак в слабых душах,
Укрепляет чашу неба и земную ось.

При рассмотрении текста с позиций рождественского произведения появляется возможность соотнести образ Матери Марии с Полиной Виардо, что в очередной раз подчёркивает глубокую духовную привязанность Тургенева к этой удивительной женщине.

Итак, все переводные стихотворения Тургеневского цикла Бушунова приурочены к определённым музейным проектам и событиям, а их оригиналы так или иначе связаны с семейством Виардо. Место таких произведений в работе музея видится нам особенно интересным, что связано с малой известностью выбранных Бушуновым стихотворений: почти всем посетителям музея И. С. Тургенева знакомы его прозаические произведения, но его поэзия, а также позднее творчество, за исключением романов, всё ещё не являются достоянием широкого круга любителей чтения. На наш взгляд, использование малоизвестных стихотворений Тургенева в работе музея способно оживить интерес посетителей, открыть творчество писателя с новой стороны, особенно если слушателям известна хотя бы часть истории создания того или иного произведения.

Однако особый интерес, на наш взгляд, представляют оригинальные тексты Тургеневского цикла. Стихотворения Бушунова «Бубулька», «Сон», «Песенка домового» и «Портрет» также были написаны для определённых музейных выставок и мероприятий. Главная ценность этих произведений заключается в их способности продемонстрировать и утвердить связь жизни и творчества Тургенева с настоящим; каждое из них показывает, что всё созданное и оставленное писателем может осмысливаться далеко за пределами филологических кафедр. Творчество способно порождать творчество, тем самым открывая возможности для нового, более глубокого и личностного познания произведений Тургенева. Фактологическая база и переводных произведений, и оригинальных стихотворений Бушунова непосредственно связана с близким окружением Тургенева,

с биографией писателя, хотя во вторых, безусловно, преобладает философски обобщённый аспект, возможный благодаря возможности осмыслить судьбу классика во времени и пространстве.

Небольшое стихотворение-фантазия «Бубулька» было написано для одной из встреч со старшеклассниками в рамках круглого стола по вопросам, связанным с романом Тургенева «Отцы и дети»:

Тетрадь раскрыта. Бежевый щенок
Самозабвенно возится с перчаткой,
Усталый автор смотрит между строк,
Глаза прищулив, ищет опечатку.

Его герой в семнадцатой главе
Влюбился насмерть вопреки сюжету.
Щенок унялся и, осоловев,
К хозяйскому прижался силуэту.

Нельзя не отметить оригинальный подход Бушунова: фокус в стихотворении перемещается с проблемы взаимоотношения поколений, центральной в романе «Отцы и дети», на личность самого Тургенева. Автор создаёт интимную атмосферу творческого процесса: перед нами не отдалённый от старшеклассников великий писатель, а обычный человек, занятый чёткой и правкой нового произведения, и его единственный товарищ в этот момент – собака Бубулька, по молодости лет самозабвенно возящаяся с перчаткой. И появляется интрига самостоятельно узнать, что там произошло в семнадцатой главе, где действительно Базаров и Одинцова вступают в роковой поединок чувств. В этом стихотворении Бушунов не пытается осветить ключевые темы и идеи, которые и так будут затронуты в рамках круглого стола. Он не дублирует возможность рассказать о проблеме отцов и детей средствами поэзии; основная его цель заключается в создании определённой атмосферы, в установлении и налаживании контакта между старшеклассниками, героями Тургенева и им самим. Но можно пойти ещё дальше, и мы обнаружим, что эпиграф («Нас двое в комнате: собака моя и я») взят из стихотворения в прозе Тургенева «Собака», главная мысль которого заключается в общем единстве, тождестве человека и животного: «Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой» [10:130]. Так становится очевидной многолетняя нежнейшая привязанность нашего классика к братьям меньшим.

Развивая тему плодотворной работы музея с учениками орловских и иногородних школ, обратимся к стихотворению «Песенка домового», которое было написано Бушуновым для экскурсии «Тайна зелёной комнаты». Стихотворение имеет довольно прочную фактологическую основу и базируется на информации о том, что отец Тургенева, Сергей Николаевич Тургенев, кавалергард, герой Бородинской битвы, храбрый офицер, очень боялся домовых. Однако Бушунову удалось трансформировать это таинственное и пугающее мифологическое существо в весёлого и безобидного друга семейства за счёт приближения его к повседневному быту. Всё потенциально настораживающее в образе домового заменено довольно милыми чертами весельчака и шутника, а если учитывать тот факт, что экскурсия предназначена для детей из летних пришкольных лагерей, то подобный весёлый, любознательный и заботливый домовый не может не вызвать позитивной реакции:

В гамаке из паутины
Подремать люблю часок,
Залатать худой ботинок,
Старый выстирать носок.

Ох-тех-те, Ох-тех-те,
Старый выстирать носок.

Почесать за ухом кошку,
А щенка пощекотать,
На губной сыграть гармошке
И до вечера мечтать.

Ох-тех-те, ох-тех-те,
И до вечера мечтать.

Посмотреть, как паучиха
Заплетаёт свою нить,
Как находит туча тихо,
Чтобы солнце заслонить.

Ох-тех-те, ох-тех-те,
Чтобы солнце заслонить.

Убаюкать канарейку,
В бороде найти седой
Волосок и в телогрейку
Завернуться с головой.

Ох-тех-те, ох-тех-те,
Завернуться с головой.

Лирическое звучание в этих текстах не является целью, оно сведено к минимуму. Совсем иначе написаны два оставшихся стихотворения цикла: главная роль в них отводится чувственному аспекту и личным ощущениям.

Стихотворение «Сон», которое сам автор называет «лирической миниатюрой», было написано для выставки «История одного портрета», поводом для создания которой послужило приобретение музеем портрета отца писателя С. Н. Тургенева. Основной темой выставки стала история взаимоотношений Сергея Николаевича с окружавшими его людьми, и самое главное – с сыном. Для Тургенева отец во многом так и остался личностью загадочной, хотя с возрастом он пришел к пониманию того, что этому красивому, сложному, мятущемуся человеку было «не до семейной жизни, он любил другое и наслаждался этим другим вполне». И вот как он описывал своё отношение к нему в автобиографической повести «Первая любовь»: «Я любил его, я любовался им, он казался мне образцом мужчины – и, боже мой, как бы я страстно к нему привязался, если бы я постоянно не чувствовал его отклоняющей руки!» [9:322-323]. В своей небольшой миниатюре Бушунов на удивление точно удалось передать эти странные отношения отца и сына – отстраненность, смешанную с горячей любовью. Автор добивается этого благодаря тонкой работе со словом: первоначальное чувство одиночества сменяется «горячей» жаждой общения, невозможного в реальных обстоятельствах, но желанного и поэтому допустимого в метафизическом мире. Осенняя природа, возможно, отражающая скорую преждевременную разлуку, передает богатый спектр сыновних чувств. Бушунов также оставил небольшой «технический сюрприз»: начальный буквы каждой строки по вертикали складываются в фамилию «Тургенев»:

Туман сперва, а после листопад
Украдкой заглянули в кабинет.
Редет парк, и винный аромат
Густеет в парке. Кутается в плед

Единственный усадебный жилец
Наедине с оплывшею свечой.
Едва уснул, как умерший отец
Во сне пришёл и обнял горячо.

Стихотворение «*Портрет*» было написано к особому музейному мероприятию – «Ночи в музее». В своей статье Бушунов пишет, что во время этого события «разыгрывается воображение, сдвигается оптика бытия и незримое присутствие нашего великого земляка и покровителя И. С. Тургенева особенно остро ощущается» [2]. Образная база произведения – портрет Тургенева работы Маковского; но Бушунов за счёт таинственного воздействия сумерек на сознание читателя-слушателя создает облик особых, призрачных, непонятных обыденному сознанию существ:

Подёрнуты призрачной дымкой,
Окутаны матовой мглой –
В тех комнатах жил невидимка,
Бесшумный хозяин ночной.

С горячей свечой пройдёт

По залам музейным – и вдруг
С портрета старик улыбнётся,
Рояля почудится звук.

А в полночь весь дом оживает
И слышен французский язык,
И даму на вальс приглашает
Сошедший с портрета старик.

«Портрет» интересен ещё и тем, что Бушунов упоминает реакцию посетителя музея на услышанное: он весь вечер размышлял – кто для него Тургенев? На наш взгляд, весь цикл, пусть и не явно, направлен на нахождение ответа на этот вопрос, ведь именно такие стихотворения способны продемонстрировать интересную, в чём-то новую точку зрения на жизненный путь и личность Тургенева. Более того, если мы будем рассматривать подобный творческий подход в качестве конструктивной тенденции работы музея или школы, то сможем рассчитывать на то, что дополнительный материал заинтересует слушателей: вместо нового витка обсуждений тем и смыслов отдельного произведения Тургенева чтение подобных стихотворений позволит перейти к диалогу, строящемуся непосредственно на чувственной основе, индивидуальном восприятии произведений и личности Тургенева.

Список литературы

1. Богословский, Н. В. Тургенев / Н. В. Богословский. – Москва : Молодая гвардия, 1959. – 416 с. – (Жизнь замечательных людей).
2. Бушунов, А. Между строк / А. Бушунов // Орловский вестник. – 2018. – № 3. – С. 15.
3. Герашко, Л. В. Тургенев и К. Ю. Давыдов : новые материалы (дополнения к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева) / Л. В. Герашко // И. С. Тургенев : новые исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; [отв. ред. : Н. П. Генералова, В. В. Лукина]. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2011. – Вып. 2 : И. С. Тургенев и мировая литература (к 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева). – С. 352-362.
4. Жекулин, Н. Духовно-интеллектуальные взаимоотношения Тургенева и Полины Виардо / Н. Жекулин // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; [отв. ред. : Н. П. Генералова, В. В. Лукина]. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс-Архео, 2011. – Вып. 2 : И. С. Тургенев и мировая литература (к 190-летию со дня рождения И.С. Тургенева). – С. 160-188.
5. Наумова, Н. Н. Иван Сергеевич Тургенев / Н. Н. Наумова. – Ленинград : Просвещение, 1976. – 160 с.
6. И. С. Тургенев в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 2 / [сост. и подгот. текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд ; вступ. ст. С. М. Петрова ; коммент. В. Г. Фридлянд]. – Москва : Художественная литература, 1983. – 557 с.
7. Трофимова, Т. Б. Тургенев в воспоминаниях и переписке / Т. Б. Трофимова // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества : научное издание / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом) ; [ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитин]. – Ленинград : Наука, 1990. – С. 250-255.
8. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев ; [Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 1999. – Т. 6. Письма (апрель 1864–декабрь 1865). – 367 с.

Образ Петербурга в автобиографическом очерке М. М. Пришвина «Город света»

С самого своего основания город Санкт-Петербург был в центре внимания русских писателей, но с течением времени его восприятие и способ изображения претерпели некоторые изменения. В классицистической литературе XVIII в., в произведениях М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова Петербург представлен в образе «преславного града», «Северного Рима», «Северной Пальмиры». Позже, в произведениях XIX в., этот величественный город, творение Петра I, был воплощен, начиная с произведений А. С. Пушкина, с определенным социальным подтекстом. Это уже не просто столица Российской империи, а город-символ со своим распорядком жизни и внутренним устройством, способный до неузнаваемости изменить человеческую натуру, на чём сделали акцент Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский. Как отмечает М. М. Пришвин, основное внимание писатели и поэты уделяли описанию дождей, туманов, «липкого мокрого снега и тревоги белых ночей», несущих в себе чаще негативную оценочность.

Однако в автобиографическом очерке «Город света» образ Петербурга получает совершенно иное толкование. Являясь центральным локусом произведения, город предстает перед читателем как воплощение духовной родины, где писатель открыл для себя перспективы с ориентиром на «безграничную свободу». И свобода эта выражалась не только в творчестве, но и повседневной жизни. Как вспоминает сам Пришвин, в начале литературной карьеры он «снял себе деревянное жилище в четыре комнаты за четырнадцать рублей в месяц на Киновийском проспекте Малой Охты. Этот проспект был крайней улицей города и выходил между вонючими свинарниками в пригородное болото» [1, Т.5, с. 285]. Стоит заметить, что уже в самом начале своей творческой жизни М. М. Пришвина отличает способность почувствовать тесную связь с окружающим миром. Этот довольно неприглядный пейзаж, относительно небогатая жизнь, по убеждению писателя, и определили направление литературной деятельности: «И о грязи Киновийского проспекта я рассказываю теперь только для того, чтобы знали: не порядок европейского города привлек меня в Петербург. Нет, я полюбил Петербург за свободу, за право творческой мечты. Везде во всей России, мне казалось тогда, за мною следят, глазают мои родичи, везде я чувствую как бы родовое насилие над моей личностью, только в одном Петербурге мне было в России свободно» [1, Т.5, с. 286].

Именно Петербург оказался местом сосредоточения духовной силы и творческого вдохновения, так необходимых для создания произведений, в которых отражено то уникальное чувство единения с природой: «...в этом отвлеченном городе и во мне зародилось страстное желание материализоваться в родной стране. Тут-то вот именно и началась моя словесная живопись, и прежнее отталкивание от физической родины сменилось ласковым родственным вниманием к родному пейзажу» [1, Т.5, с. 286].

Петербург стал тем городом, в котором особенно обострилось чувство любви к Родине, любви универсальной, ко всей стране и народу в целом. Вспомним рассуждения М. М. Пришвина, приведенные в начале очерка: «Старая Россия, по всеобщему признанию, славилась своим гостеприимством. Но в моем опыте вся провинциальная Россия ничего так не боялась, как нежданного гостя. И я очень хорошо понимаю эту стыдливость хозяев за свою неприбранность перед чужим глазом. Лично во мне это чувство стыда за свое русское, слишком русское, было так сильно, что в каждом городе, и особенно в Москве, мне было не по себе: везде как будто я чего-то стыдился, и никогда, и нигде дым отечества не был мне сладок и приятен» [1, Т.5, с. 284]. Не случайна в тексте отсылка к грибоедовской комедии, ведь Чацкий в конце единственного мучительного дня среди фамусовских ретроградов бежит из Москвы, чтобы найти на свете, «где оскорбленному есть чувству уголок». Пришвин, очевидно, нашел – в Петербурге его томительные чувства растворялись и сменялись осознанием гражданского и личного достоинства, без капли надменности и

самовозвеличивания. По М. М. Пришвину, Петербург воплощает собой всю Россию и является местом сосредоточения духовно-нравственных ценностей.

Кроме того, при анализе образа Петербурга в произведении стоит обратить внимание на символическое значение света (обратим внимание на название – «Город света»). Как справедливо отмечает в статье «Символика света в поэтике М. М. Пришвина» Н. А. Меркурьева, «в символе М. М. Пришвина сокрыт <...> глубочайший нравственный смысл стремления к очищению, абсолютному обновлению. Свет города света, по глубокому убеждению писателя, преодолет и победит «сокровенные источники зла» [2, с. 181]. Действительно, в очерке М. М. Пришвин отмечает: «светлое» чувство духовной родины, образ «весны света» зародился, как ни парадоксально, именно в «гнилой природе» Петербурга. Но это не только природное явление, которое автор смог изобразить во многих литературных произведениях: «И если я, изображая природу на Плещеевом озере близ Переславля-Залесского, ввел в календарь природы первое предчувствие весны и назвал ее «весной света», то, конечно, я вывез эту весну из Петербурга» [1, Т.5, с. 285]. Под «весной света» также подразумевается ощущение весны жизни и творчества с самыми радужными перспективами и многообещающими надеждами (вспомним, что именно в Петербурге писатель начинает свою творческую деятельность и осуществляет заветную мечту «материализоваться в родной стране»). Также следует отметить, что, помимо нравственной составляющей, образ света имеет дополнительное символическое значение: свет – это движение вперёд к просвещению, смелым преобразованиям. И символом такого движения является Петр I, чьи реформы отразились на всех сферах жизни общества и коренным образом изменили путь развития страны.

Таким образом, Петербург в оценке М. М. Пришвина получает символическое значение: не следуя за традиционными описаниями классиков, писатель показывает своим читателям «город света», который является не только воплощением духовной родины, где автор начал свою творческую деятельность, но и местом сосредоточения нравственных ценностей, что способно противостоять «источникам зла».

Список литературы

1. Пришвин, М. М. Собрание сочинений : в 8 т. / М. М. Пришвин. – Москва : Художественная литература, 1983. – Т. 5 : Лесная капля ; Рассказы о ленинградских детях ; Повесть нашего времени ; Кладовая солнца ; Произведения 1938-1953 годов. – С. 254-446.
2. Меркурьева, Н. А. Символика света в поэтике М. М. Пришвина / Н. А. Меркурьева // Учёные записки Орловского государственного университета : научный журнал. – 2015. – № 6 (69). – С. 180-182. – (Гуманитарные и социальные науки).
3. Смирнов, С. Б. Образы европейских столиц и формирование московско-петербургской мифологии в XVIII-XIX веках / С. Б. Смирнов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – № 6 (16). – С. 127-138.

ЛЮБИМОЕ ДЕЛО: ИСКАТЬ И ОТКРЫВАТЬ... ПРЕКРАСНЫЕ СТОРОНЫ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА

Смоголь Н. Н.

И. С. Тургенев - автор водевиля без музыки

Юбилейный Тургеневский год вступил в свои права и начинает радовать интеллектуально-творческими сюрпризами. Официальным стартом мероприятий стали именины Тургенева, отмечавшиеся 20 января в музее писателей-орловцев, в самом Тургеневском музее пока идёт реэкспозиция, а лекции, беседы, круглые столы, посвящённые юбиляру, набирают обороты в школах, вузах, библиотеках. VI литературно-педагогические Пришвинские чтения «Творчество жизни», дающие возможность углубиться в произведения и судьбы двух интересных авторов, провести текстологические параллели и обнаружить преемственность литературных эпох, безусловно, станут ярким запоминающимся событием.

Писатель с именем, с творческим багажом, разнообразными интересами, что можно сказать и о Тургеневе, и о Пришвине, с одной стороны, находится под пристальным вниманием современников и потомков, читателей, критиков, литературоведов. Но с другой стороны, всегда оставляет за собой право раскрыться с новой, подчас неожиданной, стороны.

Вроде бы Тургенев не давал повода говорить о себе как о писателе-сатирике, писателе-юмористе, не веселил читателя искромётным юмором. Напротив, большинство его произведений – романы, повести, рассказы, пьесы, стихотворения, и особенно новый, открытый им жанр стихотворений в прозе – говорят о нём как о философе, мыслителе, весьма серьёзном авторе, способном разве что на иронию. Тем удивительнее обнаружить в его творчестве жанр водевиля, интерес к которому проявился ещё во 2-ой половине 1840-х годов. Довольно известными стали в мире театра «Безденежье» (1846), «Нахлебник» (1848), «Где тонко, там и рвётся» (1848), «Завтрак у предводителя» (1856), «Провинциалка» (1851) и другие (4). Показательную характеристику дал одному из этих произведений тоже писатель – автор водевилей – режиссёр А. И. Куликов: «Лучше всех пьес Тургенева – «Где тонко, там и рвётся»... Хотя и нет в пьесе настоящей комедии... – зато сцены исполнены жизни, ума и чувства». Очевидно, тексты отягощали не свойственный этому жанру психологизм, авторская серьёзность в решении различных социальных проблем, поэтому и вызывали они у читателя и зрителя зачастую не смех, а раздумья. «Месяц в деревне», комедия, в чём-то предопределившая чеховский театр, стала вершиной драматической деятельности Тургенева и, казалось, её же завершением, тем более что сам себя в этом качестве писатель не очень устраивал и об этой самой пьесе в письмах помещал нелестные отзывы: «она вещь не сценическая и непременно должна нагнать скуку – я всё же вовсе не драматический писатель», «моя комедия... должна была получить фиаско. Оттого я и бросил (с 1851 года) писать для сцены. Это не моё» (5:203-204, 212).

Подобные оценки и признания, а также биографические факты позволили орловскому тургеноведо и театроведу Е. В. Процу в книге «Театральные странствия Ивана Сергеевича Тургенева» высказать такую мысль: «После ссылки Тургенев навсегда оставил драматургию, лишь в конце 60-х годов написал несколько либретто к опереттам П. Виардо» (2:109) Это носило характер забавы, опытов для домашнего театра (1).

Наши дни внесли определённые коррективы. Во-первых, театральный сезон 2017-2018 года в «Свободном пространстве» открыла очень яркая, динамичная, оригинальная, умная и полная символов, аллюзий, метафор постановка «Месяца в деревне» молодого московского режиссёра Галины Зальцман (и она совершенно не дублирует глубоко психологический фильм Веры Глаголевой «Две женщины» по тому же произведению). Некоторые сведения о спектакле можно почерпнуть в статье «Орловского вестника» за 13 декабря 2017 года «Не властны мы в самих себе» (3). Этот интерес к тургеновскому тексту, который дождался своего времени, отменяет мрачные выводы и прогнозы автора.

А во-вторых, уже сверстан и готов к печати почти неизвестный водевиль Тургенева «Ночь в гостинице Большого кабана» с необыкновенно красочными забавными иллюстрациями в виде комиксов орловского художника Андрея Турбина. И это коренным образом меняет представление о том, что писатель навсегда отошёл от драматургии.

В названии данного сообщения «Тургенев – автор водевиля без музыки» суть не в том, что писатель внёс изменения в театральный жанр (его предыдущие водевили и европейские постановки тоже зачастую обходились без куплетов), а в том, что произведение было написано не в качестве либретто на музыку Полины Виардо, как это было в опереттах «Слишком много жён», «Людоед», «Последний колдун», а как самостоятельная комическая драма в одном действии, предназначенная для профессионального театра в немецком Карлсруэ. Об этом красноречиво свидетельствует перечень актёров, пригласить которых автор планировал на роли для своих героев. К сожалению, премьера не состоялась, и произведение на долгие годы забылось, затаившись в последнем томе 12-томного собрания сочинений(6). И вот теперь оно с триумфом выходит к читателям и, надеемся, к зрителям, если намерения театральной студии «Ювента» Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева увенчаются успехом.

В качестве анонса можно сказать, что это забавная история, построенная на типичном анекдоте, пародии на детектив, явном парадоксе. Не обманутый муж пытается убить любовника своей жены, а последний стреляет в законного супруга, при этом сравнивая себя с Отелло. Труп загадочным образом исчезает, а тугодумный полицейский настойчиво требует его предъявления, угрожая арестовать всех жильцов и кошку. Мистификации становятся возможными благодаря тому, что две семьи носят одну и ту же фамилию, у двух жён имена Гортензии, к тому же соблазнительница назвалась чужим именем, втянув в интригу соседей по номеру. Практически все герои носят «говорящие» фамилии, подчёркивающие их недостатки, а масса нелепых ситуаций придаёт особую динамику происходящему на сцене.

Описывая буржуазную действительность, примитивность человеческих интересов, лицемерие и корыстолюбие, Тургенев никому не сочувствует, никого не оправдывает, как это бывало в предыдущих пьесах, не выводит никакой морали, очистив жанр водевиля от философско-психологических проблем. Он бескомпромиссно высмеивает чуждый ему мир материальной зависимости и меркантилизма, делая это не зло и жёстко, а очень художественно и забавно, совершенно по-гоголевски обезоруживая порок смехом. Не случайно в «Ревизоре», показанном в 1855 году в Литературном фонде в Петербурге, Тургенев сыграл роль купца. И вот «Ночь в гостинице Большого кабана», в которой современники увидели памфлет на Наполеона III и над которой мы сможем просто от души посмеяться, раскрыла талант нашего великого земляка с совершенно неожиданной стороны.

Список литературы

1. Жекулин, Н. Г. Новые материалы о совместных художественных произведениях Тургенева и Полины Виардо в Хоутонской библиотеке Гарвардского университета / Н. Г. Жекулин // И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [отв. ред. : Н. П. Генералова, В. В. Лукина]. – Москва ; Санкт-Петербург : Альянс–Архео, 2016. – Вып. 4. – С. 252-409.
2. Проц, Е. В. Театральные странствия Ивана Сергеевича Тургенева / Е. В. Проц. – Санкт-Петербург : Дивный остров, 2012. – 208 с.
3. Смоголь, Н. Не властны мы в самих себе / Н. Смоголь // Орловский вестник. – 2017. – 13 декабря. – С. 9.
4. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / И. С. Тургенев ; [Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; редкол. : М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Наука, 1999. – Т. 11. 1871-1872. – 614с.
5. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; [авт. примеч. А. И. Батюто и др.]. – Москва : Наука, 1986. – Т. 12. Либретто комических опер ; Водевиль ; Стихотворения ; Речи ; Записки общественного назначения ; Автобиографическое ; Незавешенное ; DUBJA ; 1840-1883. – 813 с.
6. Из парижского архива И. С. Тургенева. Кн. 1-2 / [Акад. наук СССР. Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького]. – Москва : Наука, 1964. – (Литературное наследство. Т. 73, кн. 1).

**Взгляд человека на мир в «Стихотворениях в прозе»
И. С. Тургенева: научно-творческий коллаж**

Глава I. Родство душ

Произведение «Собака» занимает важное место в сборнике «Стихотворений в прозе». Его тема – неотвратимость смерти, перед которой все равны: и люди, и животные. Автор делится с нами размышлением о жизни и конце пути.

Человек и собака, по-видимому, одиноки, у них нет никого больше, и они жалуются друг другу и ищут защиты от смерти. За окном воет «страшная, неистовая буря». Автор изображает бурю самой жизни, её стихийность и власть над человеком и собакой. Это буря одинаково страшна для них.

Глядя своему четвероногому другу в глаза, хозяин понимает, что собака словно хочет сказать ему что-то, но она немая, не может выразить своих чувств и эмоций. Но не нужны слова, чтобы понять друг друга. Он рассуждает о том, что «в это мгновенье», то есть в эту секунду жизни, в них таится одно и то же чувство. Тургенев сравнивает жизнь живого существа с огоньком, употребляя прилагательное «трепетный». Трепетный огонёк, который горит и светится, – это огонёк жизни и любви.

Но безутешен финал: «Смерть налетит, махнет на него своим холодным широким крылом... И конец!» Рассказчик словно печалится о том, сколько прожито, сколько всего в душе и в памяти, и всё это уйдет в никуда! Страшно представить, что всем исканиям, стремлениям, надеждам придёт конец, поэтому лирический герой горестно восклицает: «Кто потом разберет, какой именно в каждом из нас горел огонек?». И этот трепетный огонёк не способен устоять перед взмахом широкого крыла смерти. Человек ничем не отличается от собаки, и от других живых существ. И все мы связаны между собой в круговороте времени и бытия. И в человеке, и в собаке – одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой, и даже сама жизнь у Тургенева как отдельное существо, которое чувствует приближение смерти. Все боятся остаться в одиночестве.

Мысли и чувства этого стихотворения переданы образно и ярко. Они звучат искренне и доверительно, как в стихотворениях, пусть даже и без рифмы. Ни один читатель не может остаться равнодушным к этому произведению, написанному простыми словами, но затрагивающему тему вечной и неподвластной человеку силы. Смерть забирает и уносит с собой радостные и грустные моменты в жизни.

К теме «Родство душ» со всем основанием можно отнести стихотворение в прозе «Морское плавание», которое переносит нас на небольшой пароход, плывущий из Гамбурга в Лондон. Лирический герой оказывается на борту вместе с маленькой обезьянкой, которую один купец пересылает в качестве подарка другому. Уже после слов «Нас было двое пассажиров» становится понятно, что человек не противопоставляет себя животному, а объединяется с ним в этой ситуации тягостного путешествия. С умилением лирический герой описывает, как она протягивала ему «свою черную холодную ручку», как «взглядывала» на него «своими грустными, почти человеческими глазенками». Этот трогательный союз усугубляет мрачность обстановки: «море растянулось кругом неподвижной скатертью свинцового цвета», «солнце висело тускло-красным пятном», капитан с сумрачным лицом «сердито плевал в застывшее море» и не отвечал на вопросы. Человек и обезьяна «пребывали друг возле друга, словно родные». Этот мимолётный случай привел писателя к пониманию близости живых существ друг к другу и позволил сказать следующие слова: «Все мы дети одной матери».

Глава II. Повод для оптимистического взгляда на мир

Два стихотворения в прозе дают возможность обнаружить повод для оптимистического взгляда на жизнь. Оба они являются отражением наблюдений писателя над миром природы. Название «Мы ещё повоюем!» – это своеобразный девиз, некий ответ на трудности жизни.

Лирический герой, который «полный раздумья» идёт «по большой дороге», безусловно, находится на дороге жизни и размышляет о своей судьбе, очевидно, не очень радостной, поэтому «тяжкие предчувствия стесняют» его грудь, «унылость овладела» им.

Казалось бы, человек полностью погружён в себя, в свои невесёлые думы. И если идти этим путём, то итогом может стать апатия, уныние. Но художник слова тем и отличается от обычных людей, что очень внимательно вглядывается в окружающий его мир, в любой мелочи может увидеть глубокие философские корни. Так и произошло на этой прогулке: лирический герой увидел «семейку воробьёв», которая «прыгала бойко, забавно, самонадеянно». И эта летняя картинка развеселила писателя, он «поглядел, рассмеялся, встряхнулся – и грустные думы тотчас отлетели прочь». Драматизм этой безоблачной ситуации придаёт образ ястреба, который кружит высоко в небе и может в любой момент сожрать самого самонадеянного воробья. Но в том-то и видит человек мудрость животного мира: надо радоваться настоящему, не печалясь заранее о будущих тревогах. Тургенев как бы перефразирует мысль Пушкина, воспевающего природную мудрость самых малых существ: «Птичка божия не знает ни заботы, ни труда».

Итогом встречи тургеневского героя стало переосмысление собственного мировоззрения: он почувствовал «отвагу, удаль, охоту к жизни», перестал думать о «своём ястребе», то есть заботах, проблемах, тяготах и горестях. Название дублируется финальной строкой, создавая кольцевую композицию произведения.

Случай в аллее сада описывается в стихотворении в прозе «Воробей». Рассказчик и его собака видят выпавшего из гнезда птенца, который «сидит неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки». Конфликт возникает стремительно. Собака видит в птице лёгкую и быструю добычу. Гибель несчастной птицы неизбежна, но в действие врывается новый герой – это старый, черногрудый воробей, который спешит защитить своё детище. В этом поступке писатель увидел решимость, мужественность, жертвенность: «...всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип». Человек стал невольным свидетелем сцены из жизни животных и как бы растворился в происходящем. Он смотрит на участников этой истории не сверху вниз, а их глазами. Например, предполагая мысли и чувства воробья, он пишет: «Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака». Напряжённость происходящего передаёт стиль: обилие глаголов, восклицательные знаки, антитеза «жертва-безопасность». Высокая ветка, где можно было бы отсидеться, покинута ради спасения своего ребёнка, даже ценой собственной жизни. От конкретного случая, писанного подробно и заинтересованно, лирический герой переходит к самоанализу и философскому обобщению: «Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом». Масштабные выводы сделал писатель, столкнувшись с убедительным проявлением нравственности в мире живой природы: «Любовь, думал, я сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь».

Глава III. Специфика женских образов

Образы женщин часто встречаются в сборнике Тургенева. Они имеют черты реалистические, романтические и явно фантазийные. Мы обратимся к трём произведениям в прозе, чтобы доказать этот тезис. Баронесса Юлия Петровна Вревская была знакомой писателя и адресатом его писем. Гостила в Спасском-Лутовиново, имела деревни в Орловской губернии. Гибель этой 38-летней женщины в болгарском городе Бяле в 1878 году, где она оказалась, работая сестрой милосердия в действующей армии, потрясла писателя. Своё произведение он назвал «поздним цветком», который осмелился «возложить на её могилу». Стихотворение отличается сдвигом временных пластов: сначала мы видим умирающую «на вонючей сырой соломе» женщину, затем возвращаемся в прошлое, чтобы понять, от чего она добровольно, сознательно и решительно отказалась: «высший свет её знал», «дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились..., два-три человека тайно и глубоко любили её». О внешности мы узнаем очень мало, только то, что она была молода и красива, зато внутренний мир её ярок и многогранен. Она обладает «нежным кротким сердцем», имеет «жажду жертвы», «пылая огнем неугасимой веры, отдается на служение ближним». Писатель уверен, что в глубине души она схоронила «заветныеклады», о которых теперь никто не узнает. Произведение одновременно пронизано восхищением и болью, восторгом и горечью. Юлия Вревская становится символом русской женщины.

Ещё одна знакомая Тургенева стала главной героиней стихотворения в прозе «Стой!», но, в отличие от предыдущих стихотворений, имя её не упомянуто, хотя современники, литературоведы

сразу увидели Полину Виардо, близкого друга и музу писателя. Название отсылает к фразе Фауста Гёте «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». Всего один миг оказался в центре внимания рассказчика, когда он видит певицу, с губ которой сорвался последний вдохновенный звук. Красота её голоса делает прекрасной её саму, озаряет неземным светом. Писатель чувствует связь её таланта с божественным предопределением, поэтому на её челе он как бы видит лобзание бога. Перед лирическим героем открывается два мира: в обычном она «женщина, дитя», а в другом бессмертна, равна красоте, которую могут увидеть, почувствовать и понять люди с особенным духовным зрением, каким обладает писатель, призывающий: «Стой! И дай мне быть участником твоего бессмертия, урони в душу мою отблеск твоей вечности».

Абсолютно уникальный женский образ мы можем встретить в стихотворении в прозе «Посещение», в котором описывается фантастическая ситуация: первого мая, рано утром в окно рассказчика влетела большая птица, которая оказалась богиней фантазии. Для её описания были собраны многочисленные романтические символы, которые ассоциируются у читателя с молодостью, красотой, счастьем. Крылатая маленькая женщина одета «в длинное, тесное, книзу волнистое платье». Жемчужный цвет её одежды дополняется нежной алостью внутренней стороны крылышек. На голове у неё венок из ландышей, надо лбом колышутся два павлиньих пера. Она легко летает под потолком и радостно смеётся. Особенно детально описаны её глаза: они «огромные, чёрные, светлые», то есть особенно лучезарные, выразительные, запоминающиеся, из них льются алмазные лучи. Тургенев смог в этом загадочном образе выразить и мечту по идеалу, и радость встречи, и горечь вечного расставания. О, поэзия! Молодость! Женская, девственная красота! Вы только на миг можете блеснуть передо мною - ранним утром ранней весны».

Избранные стихотворения в прозе дают возможность представить круг философских проблем, волновавших И. С. Тургенева в последние годы его жизни. Они навсегда останутся лиро-эпическими миниатюрами, которые сочетают в себе краткость формы с глубиной содержания.

Зезека Е. М.

Очеловечение образов природы в творчестве М. М. Пришвина

Сегодня, приезжая в Орловскую область, невольно задумываешься: а гости мы здесь или свои? Даже слегка окунувшись в историю становления Орловской губернии, мы находим следы присутствия Брянщины на орловской земле.

Напомню, Орловская губерния была создана в 18 веке (1778 год). Но еще до того на этих землях жили славяне. До шестнадцатого века земли были подвержены многочисленным нападениям и разорениям из-за монголо-татарского нашествия, а позже владычества Литвы и Польши. Одним из значимых в этот период являлось Брянское княжество, располагавшееся на землях будущей губернии.

И только ли географическая территория связывает нас? Многие ученые считают, что природа человека – это синтез позиций современной биологии и философии, который приводит к пониманию человека как субъекта исторически-социально-культурной деятельности.

Именно культуру нередко называют исторической памятью человечества. Память накапливает знания о мире, об истории, о людях, о природе. Так и культура объединяет то, что создано многими поколениями, без нее каждому поколению надо было бы начинать все сначала. Именно так образуется «времен связующая нить», соединяя в единый поток прошлое, настоящее и будущее. От слова «памятник» (переводимого как «память прошлого») к универсальному и нейтральному понятию «культурная ценность», которое не содержит ни временных, ни территориальных характеристик, и таким образом далее – через «культурное наследие» как знание и память прошлого к «культурному достоянию» как знанию и памяти настоящего и будущего[1].

У нас с вами, дорогие соседи, есть то общее культурное наследие, которое сильнее, чем современные административно-территориальные границы, позволяет нам чувствовать себя сопричастными творчеству таких великих имен как Федор Иванович Тютчев, Алексей Константинович Толстой, Иван Сергеевич Тургенев, Михаил Михайлович Пришвин.

Не могу не назвать и его современника, Константина Георгиевича Паустовского, и уже нашего современника, Петра Лукича Проскурина, и не побоюсь назвать еще одно имя,

объединяющее нас, это Николай Николаевич Старченко, продолжатель лучших традиций натуралистического, природоведческого направления российской художественной и документальной литературы. Мы уверены, что будут и другие имена, которые свяжут духовными нитями литературного творчества наши области в единое культурное пространство.

Приятно отметить, что слово Пришвина необыкновенно современно. Творчество Михаила Пришвина – это не затвердевший реликт, музейный экспонат, до которого нельзя дотрагиваться. Слово Пришвина живое, востребованное, и, по своей сути, – уникальное. Да и сама личность автора уникальна. Пришвин не столько описывает происходящее или рассуждает о нем, сколько переживает события изнутри, а читатель, к которому он обращается, – не отвлеченный, абстрактный человек, он друг, которому можно доверять.

Михаил Михайлович искренне радовался, когда встречал в читателях это понимание, говорил часто, что пишет для читателя-друга, который способен к сотворчеству.

Максим Горький в своем письме Пришвину, позднее опубликованном как предисловие к книге «Охота за счастьем», наиболее емко выразил эту особенность. Горький ценил не только огромную любовь Пришвина к земле, но и человечность его таланта. «По вашим книгам... очень хорошо видишь, – писал Горький, – что вы человеку – друг. Не о всех художниках можно сказать это так легко и без оговорок, как говоришь о вас... Любоваться человеком, думать о нем я учился у многих, и мне кажется, что знакомство с вами, художником, тоже научило меня думать о человеке – не умею сказать, как именно, но – лучше, чем я думал...» [4] .

Та или иная миниатюра Пришвина, написанная как бы ради заключенного в ней наблюдения, несет в себе человеческий смысл и ценна для нас главным образом постольку, поскольку мы находим в ней отклик на свое переживание.

Вот, например, три строчки из миниатюры «Живительный дождик»: «Солнышко на восходе показалось и мягко закрылось, пошел дождь, такой теплый и живительный для растения, как нам любовь».

Здесь из немногих слов почти все написано о дожде, но это – мысль о любви, о человеческой живительной любви, – и ей посвящен весь образ, и ради нее он рожден. Пришвин называл такие образы «лирическим откликом» и, сам объясняя себя, сказал: «Но я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю».

Специфика пришвинского метафорического образа в том, что материал его – особый и всегда один. Природа – главный источник лирической прозы Пришвина. Писатель, всю свою жизнь известный как путешественник, открыватель того, что невидимо для нас происходит рядом – в лесу и в поле, на болоте и на озере, в любой части родной страны – будь то Крайний Север или Дальний Восток, Юг или средняя полоса России, – именно знание природы Пришвин использует для создания своего образа.

«Мне необходимо нужен какой-нибудь кончик природы, похожий на человека», – говорил писатель. Легко увидеть это в миниатюрах книги «Глаза земли»: «С утра до вечера дождь, ветер, холод. Слышал не раз от женщин, потерявших любимых людей, что глаза у человека будто умирают иногда раньше сознания, случается, умирающий даже и скажет: «что-то, милые мои, не вижу вас» – это значит, глаза умерли и в следующее мгновение, может быть, откажется повиноваться язык. Вот так и озеро у моих ног, в народных поверьях озера – это глаза земли, и тут вот уж я знаю там наверное – эти глаза раньше всего умирают и чувствуют умирание света, и в то время, когда в лесу только-только начинается красивая борьба за свет, когда кроны иных деревьев вспыхивают пламенем и, кажется, сами собой светятся, вода лежит как бы мертвая, и веет от нее могилой с холодными рыбами...» [2].

В постоянном общении с народом Пришвин-художник научился видеть и переносить в свои книги то, мимо чего иной человек пройдет как непосвященный.

Стремление философски осмыслить отношение человека к природе было важной чертой мировоззрения писателя и определило основное направление его творчества. Вряд ли мы обратимся к произведениям Пришвина, чтобы по ним «изучать» политическую, социальную и культурную атмосферу той эпохи, современником которой он являлся. Однако область чувств, область морали, духовных исканий его поколения нашла в нем своего истолкователя, именно в таком плане продолжившего демократические традиции нашей великой литературы XIX века. Решая для себя многие из поставленных проблем на протяжении всего своего творчества, он помогал решать их своим читателям. В этом отношении его «творческий пульс» бился в унисон с пульсом его времени.

Он несколько не походил на тех авторов-моралистов, которые убеждены в своем исключительном праве знать «все», а читателям предлагать кусочки препарированного по своему разумению знания. Даже дневники, вошедшие в книгу «Дорога к другу», никогда не были для Пришвина сугубо частным делом. Все искания и сомнения Пришвина, все его радости и открытия, и гнев, и боль, и поражения, и победы, и заблуждения, и восторги, любовь и отрицание с предельной искренностью отливались в слово и выносились на люди.

Дневники писателя – правдивейшее зеркало великого акта обновления и обогащения собственной души. Вот почему для любого из нас эти записи – великолепная школа роста личности в человеке. Вместе с ними мы учимся постигать красоту мира, открывать лучшее в себе самих и в окружающих нас людях, учимся быть счастливыми.

Все творчество Пришвина – это глубоко поучительная картина пути отдельного человека к своему счастью. Чувство радости жизни, родственное внимание ко всему существу, умение творить радость для других – таковы, по Пришвину, некоторые совершенно обязательные условия для успеха в достижении счастья. Дорога к другу оказывается, таким образом, дорогой к счастью. Это путь художника слова к читателю, но также и путь каждого из нас к себе самому и к другому человеку, и к природе. Путь единения, взаимопонимания, сотрудничества, человеческой солидарности, поисков гармонии в себе и в мире и себя с миром [3].

Мысль Пришвина часто отливается в форму афоризма, но это не афоризм. Не надо пытаться извлечь из пришвинских записей готовые формулы на все случаи жизни. Значение писательских раздумий как раз в том, что они будят мысль читателя, служат как бы трамплином для наших собственных раздумий и поисков. Ведь только мы сами можем определить свои координаты по отношению к природе, к ценностям культуры и цивилизации, к другим людям.

Сегодня, по прошествии более полувека после смерти писателя, можно с полной ответственностью утверждать, что Пришвин – классик. Растет значимость творчества Пришвина для современного общества, растет число читателей – друзей Пришвина, потому что при описании любимой его сердцу природы самым дорогим для писателя всегда оставался человек, и песня его была о людях и для людей.

Список литературы

1. Замошкина, Н. Творчество Михаила Пришвина. К вопросу о генезисе попутничества / Н. Замошкина // Печать и революция. – 1925. – № 8.
2. Смирнова, Н. Заметки о современных писателях. М. Пришвин / Н. Смирнова // Новый мир. – 1926. – № 2.
3. Григорьева, М. Бегство в Берендеево царство : о творчестве Пришвина / М. Григорьева // На литературном посту. – 1930. – № 8.
4. Мейлах, Б. Метафора как элемент художественной системы / Б. Мейлах // Мейлах, Б. С. Вопросы литературы и эстетики : сборник статей / Б. Мейлах. – Ленинград : Советский писатель, 1958.
5. Пришвин, Михаил Михайлович. Дорога к другу : дневники / М. М. Пришвин ; [послел. И. Мотяшова ; рис. В. Звонцова]. – Переизд. – Ленинград : Детская литература, 1982. – 175 с. : ил.
6. Трефилова, Г. Природа и человек в творчестве М. Пришвина [Электронный ресурс] / Г. Трефилова // Москва: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 24 января 2011. – URL:http://portalus.ru/modules/travelling/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1295877605&archive=1295896527&start_from=&ucat=& (свободный доступ).

Интеллект-галерея журнала «Муравейник» как инновационная форма продвижения творчества писателей-натуралистов

10 сентября 2015 года на базе детской библиотеки № 10 г. Брянска состоялось открытие Интеллект-галереи журнала «Муравейник». Аналогов галерей данного формата на базе библиотек в России не существует.

Основателем и главным редактором журнала «Муравейник», уже ставшего легендарным (издается с 1994 года), является наш земляк Николай Николаевич Старченко – журналист, писатель, издатель, кандидат филологических наук, лауреат литературных премий имени Н. М. Карамзина «За Отечествоведение» (2005 г.), им. М. М. Пришвина (2007 г.), I степени Центрального федерального округа «За произведения для детей и юношества» (2010 г.), Заслуженный работник культуры Российской Федерации, Почетный гражданин Суражского района Брянской области.

Раскрывая самые интересные статьи журнала из номеров прошлых лет, из свежих номеров журнала «Муравейник», рассказывая о социально значимых проектах в России, которые реализует журнал, Интеллект-галерея несет просветительскую миссию, воспитывает чувство гордости за людей, прославивших Брянскую область. В библиотеке на основе материалов журнала «Муравейник» создана уникальная среда культурного развития детей, удовлетворения их образовательных, досуговых и коммуникативных потребностей, среда воспитания экологии души человека.

Интеллект-галерея органично входит в социокультурную среду города Брянска в форме нового музейно-библиотечного формата, приобщая людей к чтению лучшего в России экологического журнала для всей семьи, мировой национальной культуре, пропагандируя ценность чтения и самообразования.

В Интеллект-галерее регулярно проходит смена выставочных экспозиций.

В разделе галереи «50 лет литературному дебюту Н. Н. Старченко» представлены рукописи и книги Н. Н. Старченко, а также первые номера журнала, новая книга Николая Николаевича «Тень белого дерева». В галерее выделены разделы: «Читаем всей семьей», «Путешествуем с любимым журналом», «Жемчужина природы – заповедник», «Целебные советы «Муравейника».

Особый интерес у жителей города вызывает раздел «Фотогалерея журнала «Муравейник», которая удивляет всех эксклюзивными снимками известных фотонатуралистов. «Природа, семья, труд, нравственность – эти четыре слова стали программными для очень важного в наше время издания...», – говорил о журнале «Муравейник» писатель, журналист, фотокорреспондент, в прошлом ведущий телепередачи «В мире животных», известный всем Василий Песков. В Интеллект-галерее оформлен постоянно действующий раздел под названием «Дядя Вася рассказывает...», в котором представлены его путевые очерки, эссе, статьи, заметки о природе.

В разделе «Муравейник – социально значимый журнал» представлены самые интересные статьи, отражающие социально значимую работу журнала «Муравейник». Николай Николаевич неоднократно бывал в Дорогобуже, исследуя дорогобужский период в жизни и творчестве И. С. Соколова-Микитова и М. М. Пришвина. На страницах журнала «Муравейник» представлена информация о большой работе Николая Николаевича по восстановлению усадьбы И. С. Соколова-Микитова, по установлению памятного знака в урочище Осеки. Не случайно в разделе экспозиции «Любимые писатели Н. Н. Старченко» представлены книги И. С. Соколова-Микитова и М. М. Пришвина, а также их портреты. В целях популяризации творчества И. С. Соколова-Микитова, к 125-летию юбилею писателя, в Интеллект-галерее был оформлен интерактивный стенд о его жизни и творчестве. К 125-летию со дня рождения К. Г. Паустовского по творчеству писателя прошел литературный квест «Лесные происшествия», была организована презентация электронной выставки о жизни и творческом пути писателя.

Посредством стендовой информации Интеллект-галереи посетители знакомятся с социально значимыми проектами журнала «Муравейник», среди которых «Помогите птицам!» (реализуется с 1999 г.), «День птиц», «Заповедные места России: природа, культура, краеведение». Социально значимый проект «Сберечь и возродить российские болота – уникальную лабораторию живой

природы!» был начат в 2011 году и вызвал большой отклик у общественности. Проект «За экологический туризм для детей и взрослых!» был начат в 2012 году, а проект «Живая вода всего дороже!» реализуется с 2016 года. Проекты реализуются совместно с Центром по работе с семьей и молодежью Брянской городской администрации, с Центром внешкольной работы г. Брянска, в рамках проектов проходят встречи с брянскими историками и краеведами, с писателями из Брянской областной общественной организации Союза писателей России, с интересными людьми нашего города.

Проект «Уроки поэтической географии» разрабатывает тему экологического и просветительского туризма. В журнале много публикаций о родных местах выдающихся поэтов, прозаиков, драматургов. Проект способствует гармоничному литературному развитию, становлению гражданского самосознания и чувства гордости за свою страну. В рамках этого проекта, к 145-летию со дня рождения М. М. Пришвина, состоялось открытие нового раздела Интеллект-галереи под названием «Певец родной природы». Вниманию посетителей была представлена информация из статей журнала «Муравейник», а также книги о жизни и творчестве писателя. Мы выделили отдельную рубрику – «Любимые писатели М. М. Пришвина». Для более полного раскрытия творчества М. М. Пришвина в Интеллект-галерее проходят литературные игры и викторины. Такая форма работы позволяет ненавязчиво донести информацию, побуждает познакомиться с творчеством писателя. Каждый из социально значимых проектов журнала «Муравейник» раскрывает разные аспекты творчества Пришвина, Бианки, Соколова-Микитова и других писателей-натуралистов.

Как отметил Василий Песков, Николай Старченко своими рассказами и журналом «Муравейник» продолжает Пришвинские традиции: «В его произведениях чувствуется не только пришвинская и тургеневская традиция, но и более древняя». Тема природы близка Н. Н. Старченко еще со студенческих лет. Об этом мы рассказываем своим читателям и посетителям Интеллект-галереи.

Интеллект-галерея позиционирует себя как центр общественной жизни, именно здесь проходят встречи с интересными и знаменитыми людьми Брянского края, многие из которых публикуются в журнале «Муравейник».

Наряду с яркими мероприятиями, творческими встречами и экскурсиями в Интеллект-галерее проходят необычные мастер-классы, организуются творческие конкурсы. К каждой экспозиции Интеллект-галереи журнала «Муравейник» экспонируются работы учащихся Брянской детской художественной школы и библиотечной «Студии дизайна» по темам: «Времена года», «Новый взгляд», «Природа и фантазия». В Интеллект-галерее есть творческая мастерская «Читаем, учимся, играем» для детей – вместе с журналом «Муравейник» дети играют, рисуют, разгадывают ребусы и кроссворды, то есть интересно и с пользой проводят свое свободное время.

Нами созданы рекламные видеоролики об Интеллект-галерее и журнале «Муравейник». С 2018 года Интеллект-галерея стала доступна пользователям сети Интернет. Мы ведем блог, в котором постоянно обновляется информация о галерее, мероприятиях, памятных датах и юбилеях писателей, размещаются видеоматериалы, созданные сотрудниками библиотеки. На сайте учреждения (библиогород32) выделен специальный раздел, посвященный Интеллект-галерее, в котором содержатся материалы об этом проекте и ссылки на полезные интернет-ресурсы, в том числе ссылка для перехода на страницу блога.

Интеллект-галерея развивается, успешно работает не только как центр просвещения, но и как центр проведения полезного досуга детей, развития их творческих способностей, а также семейного досуга; функционирует как центр экологии души, где формируется гармонично развитая личность, где можно развивать литературный вкус, приобщаться к лучшим образцам печатного слова.

Образ Русского Севера в книге очерков М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц»

Своей поэтической родиной Пришвин называл Север. Мысль о поездке в северные края возникла у писателя в самом начале его творческой деятельности. Летом 1906 года М. Пришвин, как он сам потом рассказывал, «бросил служебную карьеру и пешком, без гроша в кармане, с одним дешевеньким ружьем, ушел на север, чтобы записывать народные сказы и речь». Несколько месяцев провел он тогда в Выговском крае (Карелия). Результатом этой поездки стала книга очерков «В краю непуганых птиц» (Очерки Выговского края), опубликованная в 1907 году. Писатель считал её своей первой литературной работой. За это сочинение М. Пришвин был награждён серебряной медалью Русского географического общества.

В своей книге автор формирует образ Русского Севера, как «настоящей» России, с её необъятными просторами, дикой природой, суровым, как в давние времена, бытом. Пришвин восхищается необыкновенным северным пейзажем. Всё здесь исключительно, величественно, прекрасно: «огромное Онего в скалистых берегах», грандиозные водопады с таинственными названиями: Кивач, Порпор, Гарвас, а далее «лес, вода и камень», где уже «замирают слова человека». В его изображении эта суровая земля полна жизни, которую он улавливает в различных явлениях: в ходе сёмги вверх по водопаду, чтобы попасть на место метания икры; в описании водопада, изображённого как живое существо, личное и неповторимое; в жизни птиц и зверей. Автор душой и сердцем почувствовал скупую, суровую красоту и неповторимость северной природы.

В то же время Север для М. Пришвина – загадочное пространство: одновременно реальное и мифологически-сказочное. Сказочная основа мифа то и дело проступает в повествовательной ткани его произведений: так, лесная избушка полесника «ничуть не уступает избе Ягинишны», а на охоте, когда стемнеет, «зашумят деревья, поднимется вся лесовая сила». В текст повествования то и дело вплетаются предания, различные народные верования в лесовиков, водяников и домовых. Писатель сумел очень точно понять, что живой фольклор органично связан с бытом, трудовой деятельностью, общественными и семейными праздниками.

Довольно широк круг фольклорных жанров, которые включены в структуру произведения: местные исторические предания о Петре I и его пребывании в этих северных краях, карельская легенда о сотворении морей, озёр и рек, местное народное поверье о лебедях, исторические предания о панах и их кладках: «Маринино приданое» и «О старике-герое Койко», быличка о Шишко (лешем), похоронные причитания (плач вдовы по мужу), свадебный обряд.

Северный фольклор очень историчен – былины, предания, сказки, песни. Все эти жанры, в которых русский человек, оглядываясь на пройденный путь, осмысливает своё положение в настоящем, воспринимаются как своеобразная устная летопись Выговского края. Они очень популярны на Севере. Не случайно в очерках М. Пришвина содержится большое количество преданий. В главе «От Петербурга до Повенца» читаем: «И тут начинаются разговоры о делах Петра Великого. Указывают полузасохшее дерево на берегу Невы и говорят, что это «красные сосны». Петр Великий будто бы взбирался на одно из бывших здесь деревьев и смотрел на бой... А вот и Ладожское озеро, и начало канала вокруг него. Кто-то сейчас же говорит: Петр Великий наказал этой канавой непокорное озеро...».

В книге есть исторические экскурсии в прошлое. Они нужны были писателю для сравнения нынешнего и минувшего. Герой-повествователь очерков открывает для себя прекрасный мир народной жизни и естественной природы. Пришвин пишет о людях, близких природе, составляющих как бы её продолжение. Неудивительно, что сказочники, певцы в книге – особые люди, носители сокровенных тайн. Они обладают глубинной мудростью, являются выразителями народной философии. Таковы, например, герои очерков «Певец былин» и «Вопленица» – знаменитый сказитель Рябинушка и вопленица Степанида Максимовна. М. Пришвин очень бережно подходит к былине. Он явно ограничивает своё вмешательство в неё, стремясь донести до читателя её традиционный текст в подлинности и нетронутости. Описывая встречу с Иваном Рябининым, писатель наглядно показывает, что сказитель пытается сохранить отцовскую традицию исполнения былин, воспринятую некогда от своих учителей: «Когда-то в русской земле жили «славные, могучие

богатыри». Правда это или нет, но только старинный русский народ на Севере поёт о них старины, верит, что они были, и передаёт свою веру из поколения в поколение...»

Столь же необыкновенна, исключительна и Степанида Максимовна, «истолковательница чужого горя», выпившая до дна полную чашу и своего собственного – от него и научившаяся вопеть. В надгробных плачах раскрывается «величайшая глубина и поэзия народной души» и разработанная в них «великая драма борьбы со смертью», причём, эта борьба, подчеркивает художник, понималась не в переносном значении, а как настоящая борьба, потому что для язычников смерть была величайшим врагом: «человек мог бы жить вечно, но вот является это чудовище и поражает его».

Автор описывает Степаниду Максимовну, как наивную (вера в домового) но, в то же время, многоопытную, с признаками богатой, сложной внутренней жизни женщину: это была «живая старушка, с ясными, чуть заволоченными дымкой грусти и горя голубыми глазами». А когда она пела, «она обнажала свое горе искренне, просто и красиво».

Кажется, будто люди здесь лучше городских и талантливее, хотя они и суеверны, полужычники, верят в чары, домовых и колдунов. Но рассказчик находит в них то, что в жизни страны «давно уж забыто и разрушено, как иллюзия». В этих «нетронутых культурой уголках» сурового Севера поражают «остатки чистой, не испорченной рабством народной души», вследствие чего люди обладают здесь «непривычными в цивилизованном мире» человеческими качествами, такими, как «простота, прямота, ласковость, услужливость». Глубокое знание Пришвиным народной жизни на Севере, конечно, не подлежит сомнению, однако в приведенных оценках обнаруживается некая идеализация северного народа.

Идеализируются и общественные отношения на Русском Севере. Вдали от государственной власти они тоже более благоприятны для людей, чем во всей остальной стране, убеждает читателей рассказчик. Хотя и здесь есть богатые и бедные, но они не отделены друг от друга «каменной стеной, как в городах», и бедность и богатство отличаются лишь внешним видом изб («вот большая, прекрасная изба, а рядом с ней – жалкая, похожая на кучу дров, избушка с полуразрушенной крышей») или наличием «лишней лошади, коровы, лодки и сети». Настоящее же богатство, назидательно подчеркивает он, «заключается главным образом в хорошей, правильно организованной семье».

Как пример такой идеальной, хорошей, правильно организованной семьи, но в более широком масштабе, изображён здесь Данилов скит, возникший после – и в результате – введения петровских реформ, «на почве протеста старого мира новому», пореформенному, и представляющий собой по своему общественному устройству «образец старинного русского самоуправления». С любовью и восхищением описывает автор историю возникновения, развития и расцвета, а также общественную структуру этой «общины» на фоне всего «раскольничьего общежития».

В книге запечатлены и спасены для нас, потомков, уходящие и частично навеки ушедшие местные термины, народные речения, передающие неповторимый колорит жизни на Севере. Например, гугай (филин), визильник (клевер), большой ердань (прорубь), мень (налим), старина и досюльщина (былина), пожни (сенокосные места) и др.

Автор также использует большое число народных пословиц и поговорок в своих произведениях. Например, о размерах участка крестьяне часто говорят: «У меня поле в девять ровниц», или о парне скажут так: «Был конь, да заезжен, был молодец, да подержан»; время ранней утренней охоты называют так: «Черт в зарю не бьет»; а о крестьянке-вдове говорят: «Хоть по мужу-то и порато повопишь, а по деточкам по желанию. Родна матушка плачет до гробовой доски, до могилушки, а молода жена до нова мужа. А родимая сестра плачет, как роса на траве».

Таким образом, подчеркивая нетронутость края человеческой цивилизацией, заставляя звучать по-новому легенды, былины, предания местных народов, автор создает идеализированный, местами сказочный образ Русского Севера. Он передает читателю живое ощущение северной природы, её красоту и самобытность. Поэтому, именно Север М. М. Пришвин впоследствии называл своей поэтической родиной.

Добро пожаловать в мир Михаила Пришвина!
(из опыта работы Центральной городской детской библиотеки им. М. М. Пришвина)

В ноябре 2009 года решением Липецкого городского совета депутатов Центральной городской детской библиотеке Централизованной библиотечной системы города Липецка было присвоено имя известного писателя-земляка, природолоба, природоведа, натуралиста М. М. Пришвина.

Этому замечательному событию предшествовала большая работа коллектива сотрудников и читателей, которая продолжается и в настоящее время.

На липецкой земле «берет начало всеобъемлющее пришвинское чувство родины, которым проникнуто все его творчество – от многоплановых романов до философской миниатюры». В ходе поисковой работы библиотекари и читатели выяснили неизвестные ранее факты о роли знаменитого земляка в истории края, что, несомненно, стало действенным вкладом в изучение подрастающим поколением литературного краеведческого наследия. Нашей библиотекой был разработан проект «Добро пожаловать в мир Пришвина!», а затем и «Программа развития ЦГДБ как социокультурного объекта по сохранению и пропаганде пришвинского наследия».

Цель программы – сохранение памяти великого земляка и его творческого наследия. В поле нашего зрения – вся жизнь писателя, его семьи, литературный процесс, любовь, друзья, почитатели, благотворительная деятельность и многое другое. Мы считаем, что можем и должны раскрыть читателю все страницы пришвинской биографии.

Жизнь и творчество М. М. Пришвина мы рассматриваем как источник краеведческих знаний в контексте изучения русской литературы, истории, образования, библиотечного дела.

При изучении творчества Пришвина мы хотим сориентировать педагогов и родителей на поиск новых форм деятельности, а детей и подростков – на развитие самостоятельной исследовательской творческой активности; приобщить дошкольников, младших школьников и подростков к чтению книг краеведческой тематики.

На базе ЦГДБ создан Пришвинский зал, где обслуживаются дети, начиная с дошкольного возраста, а также педагоги и родители. Здесь сформирован фонд книг, брошюр, периодики, аудио-видеоматериалов, электронных ресурсов. Имеются досье «М. М. Пришвин: известный и неизвестный (жизнь и творчество)», «Галерея (портреты)», «Иллюстрации пришвинских книг читателями ЦГДБ», «Отзывы о прочитанных пришвинских книгах», «Музеи и памятные места, связанные с именем М. М. Пришвина», «Цитаты (М. М. Пришвина и о нем)», «Сценарии мероприятий, посвящённых М. М. Пришвину (ЦГДБ и российских коллег)».

В Пришвинском зале мы знакомим наших читателей с биографией и творчеством Михаила Пришвина, здесь наши читатели играют, смотрят мультфильмы по книгам автора, здесь же проходят уроки сорадования. Все книги можно брать на дом.

За прошедший год в библиотеке состоялось 45 экскурсий, 42 беседы, 12 виртуальных путешествий, интерактивная игра по жизни и творчеству Пришвина «Знатоки природы», 26 библиотечных уроков сорадования, посвященные жизни и творчеству М. Пришвина.

Мы ведём карточную и электронную картотеку «Заповедная страна М. Пришвина». Банк данных «Пришвиниана» содержит более тридцати электронных презентаций и интерактивных игр.

Изданы методико-библиографические пособия серии «Читаем М. М. Пришвина»: «М. Пришвин. «Кладовая солнца» (материал для обсуждения), «В мир природы с М. Пришвиным» (библиографический обзор), «От имени природы: М. Пришвин» (выставки книг и периодики), «Изучаем природу с М. Пришвиным» (громкие чтения с обсуждением), дайджесты «М. Пришвин: известный и неизвестный», «Война в произведениях М. М. Пришвина» (серия «Литературное наследие М. М. Пришвина»). Разработаны интерактивные игры по книгам Пришвина «Знатоки природы», настольные игры по «Кладовой солнца». Ведётся сбор материалов для описания опыта работы библиотеки по пропаганде пришвинского наследия. Материалы включают детские рисунки, фотографии с различных пришвинских мероприятий – Пришвинского дня, викторин, театрализованных представлений, научно-практических конференций.

В День Земли традиционным стало проведение эколого-краеведческих научно-практических конференций для детей и взрослых «Мы живем на Пришвинской земле». В работе конференций принимают участие представители управления экологии администрации города, городского Совета депутатов, Областного центра патриотического воспитания, Липецкого отделения Всероссийского общества охраны природы, областного краеведческого музея.

Сопровождаемые электронными презентациями эмоциональные доклады о жизни и творчестве знаменитого писателя-земляка учащихся образовательных учреждений, ребят со станций юных натуралистов «Флора» и «Эколог» были очень убедительны, отличались новизной.

В 2018 году в нашей библиотеке прошла 5-я городская научно-практическая конференция «Мы живём на Пришвинской земле». В конференции приняли участие председатель Липецкого отделения Всероссийского общества охраны природы, заслуженный работник здравоохранения РФ, кандидат исторических наук Георгий Александрович Лошаков, заслуженный работник культуры РФ Галина Семеновна Гурьева, библиотекари, педагоги и учащиеся школ города. Школьники представили 25 исследовательских работ о жизни и творчестве знаменитого писателя-земляка, фотографа, этнографа, путешественника, исследователя, географа, природоведа и учителя, среди которых: «От экологии природы к экологии души», «Человек и природа в произведениях Михаила Пришвина», «Художник света и радости», «Словесное разноцветье Пришвина», «Устремить свою душу навстречу радости», «И лес тихонько мне шептал...», «Милосердие в творчестве Михаила Пришвина». Заботе об умном природопользовании на пришвинской земле были посвящены работы Ангелины Жигалевой, Светланы Шепталовой и Ивана Васильева. Игорь Лапин представил видеоролик о жизни и творчестве М. Пришвина и буктрейлер по книге «Лисичкин хлеб». Участник конференции Никита Мельников начал свое выступление с замечательных стихов о Пришвине. Участники конференции познакомились с опытом работы Пришвинского зала ЦГДБ, с представленными здесь детскими творческими работами по книгам Пришвина, с выставками книг, периодики. Было принято обращение к липчанам о личном участии в практических делах по украшению пришвинской земли цветниками, в решении проблем экологии нашего дома. Завершилась научно-практическая конференция награждением авторов и научных руководителей лучших исследовательских работ. В конференции приняли участие более 56 детей и подростков в качестве слушателей.

Вся деятельность нашей библиотеки проникнута «пришвинским духом». Организуются выставки-кроссворды, панорамы фотодокументов библиотечных пришвинских мероприятий «Знатоки природы», «Я живу на пришвинской земле».

При проведении опросов «Вам знакомо имя Пришвин?», чаще всего бывают утвердительные ответы. Однако, к сожалению, нередко респонденты не могут назвать ни одного произведения писателя или называют только «Лисичкин хлеб». Мы приглашаем детей и взрослых в нашу библиотеку, если опрос проводится на улицах города, а в библиотеке в пришвинском зале проводим пришвинские уроки сорадования.

В 2017 году было проведено 26 уроков. Мы стараемся найти новые и хорошо забытые формы работы, чтобы быть интересными современным детям. Наши читатели читают Пришвина, отгадывают кроссворды, пишут отзывы о прочитанном, иллюстрируют книги, сочиняют стихи, играют в лото и игры-ходилки по сказке «Кладовая солнца».

Мы приучаем и воспитываем бережное отношение, ко всему живому, начиная с самого юного возраста. Так, малыши из группы раннего развития «ФилЛиОК» на своих занятиях выращивают травку и наблюдают, как она прорастает, ребята начальной школы из клуба «Флоричата» ухаживают за комнатными цветами и обитателем библиотеки – джунгарским хомячком.

Установлены контакты совместной деятельности для функционирования Пришвинского зала с организациями-партнёрами, в том числе с областным краеведческим музеем, редакцией областной детской газеты «Золотой ключик», Липецким отделением Союза писателей и журналистов России, Всероссийского общества охраны природы, липецкими образовательными учреждениями, меценатами. А также – с комнатой-музеем М. Пришвина Пальна-Михайловской школы Становлянского района Липецкой области, учащиеся которой ухаживают за могилой матери знаменитого земляка, похороненной неподалеку от Пальны в селе Хрущёво (место рождения знаменитого земляка).

Ежегодно Центральная городская детская библиотека им. М. Пришвина проводит в день рождения писателя комплексное мероприятие – День Пришвина. Программа дня тщательно

продумывается и готовится для читателей разных возрастов. В прошедшем году в это день в библиотеке были представлены книжные выставки, состоялись громкие чтения, беседы «О той земле, где Пришвин жил...», «Пришвин и его герои», «Путешествие в мир книг Пришвина», «Добром пропитанные страницы», «Вася Весёлкин и другие», «Певец родной природы», «В стране Берендея».

Ребят из школ № 46, №43 пригласили на час-портрет «С природой одною он жизнью дышал». А потом они с большим интересом и азартом принимали участие в интерактивной игре «Знатоки природы». Для маленьких читателей мы провели экскурсию «В гостях у Михаила Пришвина». Подростки стали участниками web-путешествия «Великий сказочник природы». Все желающие смогли принять участие в мастер-классе по изготовлению закладки с изображением персонажей книг писателя или поиграть в пришвинское лото.

В сказках М. Пришвина ребёнок проживает такие эмоциональные состояния, которых ему не хватает в реальной жизни. А книги о природе, животных снимают напряжение, развивают гуманистические чувства, удовлетворяют потребности в эмоциональном общении. Поэтому мы посчитали необходимым включить пришвинские книжки в программу библиотерапевтических занятий для пациентов детских городских больниц №1 и №2. Занятия мы проводим ежемесячно в рамках проекта «Читайте и будьте здоровы!»

В течение 20 лет ЦГДБ проводит городской конкурс читательских симпатий «Литературное лето». Читатели липецких детских библиотек – учащиеся школ города, дошкольники – читают в летний период книги и представляют работы в номинациях «Литература» (отзывы о книгах, в том числе в форме электронного письма другу), «Живопись и графика» (иллюстрации книг), «Природа и творчество» (поделки из природных материалов по прочитанному), «Резервы» (поделки из бытовых отходов по прочитанному).

Работы юных читателей оценивает высокопрофессиональное жюри: писатели, художники, экологи, специалисты по декоративно-прикладному творчеству, библиотекари. За 20 лет участниками конкурса стали около 17000 юных липчан. С каждым годом увеличивается количество работ, выполненных по творчеству М. Пришвина.

Мы реализуем также литературно-художественный проект «От книги к творчеству». Работаем с ДШИ, студиями ИЗО по теме «Читаем и рисуем книги детских писателей». Пропаганде пришвинского наследия способствуют выставки детского творчества, мастер-классы, детское театральное творчество (совместно с детскими театральными студиями), интегрированные выставки: «Зналок природы Михаил Пришвин», «Читаем с мамой Михаила Пришвина», «Сказки в самом сердце леса».

На выставке «Кладовая Михаила Пришвина», посвященной 144-летию со дня рождения великого земляка, природоведа, удивительного писателя, мудреца и сказочника, были представлены детские рисунки, пронизанные поразительно радостной силой жизни.

Удивило разнообразие пришвинских рассказов, иллюстрации к которым представили юные читатели: «Лисичкин хлеб», «Дедушкины валенки», «Золотой луг», «Этажи леса», «Говорящий грач», «Журка» – около 80 работ о человеке и его добром отношении к природе. В каждой из них – драгоценная детская радость, свойственная и самому автору этих замечательных рассказов. Выставка была интересна и детям, и взрослым

И наш коллектив не раз показывал убедительный пример умного природопользования: около ЦГДБ разбили клумбу с цветочной эмблемой библиотеки, каждый год клумба разная.

Мы поддерживаем тесный контакт со средствами массовой информации, рассказывая о работе нашей библиотеки в целом и о сохранении и пропаганде пришвинского наследия в частности. Информация о работе ЦГДБ постоянно отражается на сайте ЦБС (более 46 новостей за год), а также в социальных сетях ФБ и Вконтакте.

Мы информируем читателей при записи в библиотеку о своем присутствии в виртуальном пространстве, а также своевременно выставляем информацию о новых книгах, победителях литературных премий, писателях-юбилярах, фотоотчеты с мероприятий и занятий, книжные новинки и многое другое. Читатели пишут комментарии и личные сообщения, как положительные, так и отрицательные. Всё читаем, анализируем, делаем выводы. И стараемся всех услышать, быть полезными и интересными своим читателям.

Нам предстоит ещё многое сделать для позиционирования библиотеки как социокультурного объекта популяризации творчества М. М. Пришвина. Задачей номер один мы считаем приобщение

большого количества детей к книгам М. М. Пришвина. Ведь сохранение Пришвинского наследия – это общегражданское дело. Михаил Пришвин, экология, здоровье, нравственность, культура, Родина – эти понятия неразделимы и взаимосвязаны.

Дорожкина В. Т.

Родственное восприятие природы: М. М. Пришвин и С. Н. Сергеев-Ценский

«Многие любят природу, но не многие её принимают к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удаётся так обойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу...»

Эти слова Михаила Пришвина из его дневников звучат как откровение человека, который в природе чувствовал именно *свою душу*. Она словно возрождалась, когда соприкасалась с красотой, одаривающей творца вдохновением – и не временным, а постоянным...

Наверное, нет ни одного поэта или прозаика, который в своих произведениях не описывал бы тех или иных природных явлений. Родственное восприятие природы связывает, прежде всего, таких русских писателей, как Тургенев, Пришвин, Сергеев-Ценский. Конечно, и многих других. Но, на мой взгляд, именно эти авторы как-то по-особому чувствовали её красоту и по-особому описывали её – с *душевным и духовным* прикосновением.

И в этом описании природы (и человека в ней) что самое значительное, способствующее тому, чтобы читатель не упустил главное? Конечно, язык – настоящий, русский литературный язык.

ГДЕ ТЫ, ВЕЛИКОЕ РУССКОЕ СЛОВО?

Русский язык – один из совершеннейших языков мира, он развивается уже более тысячелетия, он дал нам лучшие образцы литературы. Не случайно И. С. Тургенев, назвавший русский язык «великим и могучим», писал, что именно такой язык и был дан великому народу.

«Самая большая ценность народа, – говорил Дмитрий Сергеевич Лихачёв, – это его язык, язык, на котором он пишет, говорит, думает. Думает! Это надо понять досконально, во всей многозначности и многозначительности этого факта. Ведь это значит, что вся сознательная жизнь человека проходит через родной ему язык. Эмоции, ощущения только окрашивают то, что мы думаем, или подталкивают мысль в каком-то отношении, но мысли наши все формулируются языком».

Развивая эту тему, великий ревнитель русского языка Лихачёв подчёркивал, что вернейший способ узнать человека, его умственное развитие, его моральный облик, его характер, – прислушаться к тому, *как* он говорит. Мы судим о человеке по его внешности, по манере поведения... Иногда это суждение может быть ошибочно – в том случае, если человек бравит своим поведением, манерой выражаться. Но за этой бравадой подчас скрывается нечто другое. Гораздо более точным показателем человеческих качеств личности, его культуры является язык.

К сожалению, далеко не все бережно относятся к родному русскому языку. Это особенно заметно в последнее время: книги, фильмы, театральные постановки заполонили жаргонные и даже непечатные выражения, речь засорена иностранными словами, часто употребляемыми невпопад, что порождает многочисленные пародии и эпиграммы. Огромная, решающая роль в исправлении такого положения отведена прежде всего учителю. Это бесспорно. Но сколько других способов воспитания культурного человека, обязанного говорить *на чистом* родном языке! Настольными книгами для каждого, кто стремится сделать свою речь правильной, богатой, должны быть словари. Интересным собеседником может стать только тот, кто имеет широкий кругозор, кто выражает свои мысли русским языком – таким, каким он является изначально, – *именно русским*. Не секрет, что есть люди, имеющие высшее образование, но говорящие так, что культурный человек либо с трудом понимает такого собеседника, либо просто морщится от обилия слов и выражений, совершенно неприемлемых в русском языке.

«Наша речь, – подчёркивал Дмитрий Сергеевич Лихачёв, – важнейшая часть не только нашего поведения, но и нашей личности, нашей души, ума, нашей способности не поддаваться влияниям среды, если она “затягивает”».

Прекрасным способом обогатить свою речь является чтение лучших образцов русской классической литературы. Не случайно А. С. Пушкина называют создателем великого русского литературного языка. Его произведения – это непревзойдённый образец грамотности, чистоты и образности языка. Возьмите любое его произведение, и вы почувствуете аромат «русскости». А стихи Лермонтова, Баратынского, проза Тургенева, Пришвина, Лескова, Бунина, Сергеева-Ценского! Иван Алексеевич Бунин не уставал повторять: *«Умейте же беречь, / Хоть в меру сил, в дни злобы и страдания, / Наш дар бесценный – речь!»*

Поэт серебряного века Николай Степанович Гумилёв в стихотворении «Слово» с не меньшей глубиной и болью писал: *«Но забыли мы, что осиянно / Только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово это – Бог!»*

А в годы Великой Отечественной войны Анна Андреевна Ахматова, находясь в эвакуации в Ташкенте, 23 февраля 1942 года написала стихотворение «Мужество», в котором выразила надежды и чаяния каждого русского человека, на которого посягнул враг: он ведь посягнул и на наш язык:

*Не страшно под пулями мёртвыми лечь,
Не горько остаться без крова, -
Но мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесём,
И внукам дадим, и от плена спасём
Навеки!*

Тему сохранения великого русского языка продолжил и развил наш земляк, академик С. Н. Сергеев-Ценский, всю жизнь писавший не только прозу, но и стихи. В стихотворении «Наш язык» Сергей Николаевич, обличая тех, кто хотел бы «чужою медью» заменить «наш златокованный язык», призывает беречь и хранить русские народные традиции и «новым блеском жизни нашей» обогащать родную речь:

*К нам перешёл он по наследью,
Для нас дороже он всего,
Мы заменять чужою медью
Не смеем золота его.
Как стража драгоценной чаши,
Должны мы дар веков беречь
И новым блеском жизни нашей
Обогатить родную речь!*

«Огорчительным представляется мне, – писал Сергеев-Ценский, – что в последнее время появляется у нас много книг, написанных как бы на родном языке, но на самом деле напоминающих дурные кальки с иноземной речи. Кому нужны эти жалкие подделки под русскую литературу? Разве они могут научить молодёжь языку наших дедов и прадедов, который они пронесли через столетия пылающим, как факел?»

Это сказано в 1958 году! И тогда, и особенно сейчас, на этот факел дули и дуют нечистым дыханием те, кому хотелось бы вообще загасить его. Загасить не удаётся, так хоть поколебать пламя! Посмотрите, какие выходят книги в расплодившихся частных издательствах! Их невозможно читать – безграмотный язык автора «режет слух», а иные выражения заставляют читающего краснеть.

И тем приятнее сознавать, что наша классика – бессмертна.

«Русское слово! – восклицал Сергеев-Ценский. – Как радостно бывает на душе, когда в книгах находишь у наших писателей кипящее и животрепещущее русское слово... когда мы видим алмазные россыпи русской речи. Не в словарях отысканное, не из запylённых фолиантов утащенное, а взятое писателем у самого хозяина языка – у народа – вот какое это слово!»

Всю жизнь Сергеев-Ценский был влюблён в свой народ, в Родину. По сути, всё его творчество наполнено ими и посвящено им.

Да, первые стихотворные строки, дошедшие до нас, написаны мальчиком Серёжей Сергеевым на Тамбовской земле, на берегу реки Цны, куда он каждый день ходил с альбомом для рисования на этюды. Однажды он услышал частушку, которую пели парни, плывшие на лодке. Сердце мальчика сладко замерло от предчувствия чего-то неведомого, значительного... Он, учившийся рисовать, подумал: «А я смог бы сочинить что-нибудь такое же простое, складное, похожее на то, что пели парни?»

Этот эпизод душевного прикосновения будущего писателя к народному творчеству ярко и лирично описан в книге Ивана Михайловича Шевцова о Сергееве-Ценском. «Серёжа раскрыл альбом, и по чистой странице робко побежали неровные детские строки:

*Пред вечерними лучами,
У зеркального ручья
Над малютками-цветами
Льётся песня соловья.
Льётся трелью серебристой
И раскатами гремит
Над фиалкою душистой,
Над листочками раки.*

Сама судьба, видимо, определила Сергееву-Ценскому быть поэтом. И в прозе, и в живописи тоже. Ещё ребёнком на вопрос отца: «А кем ты, Серёжа, быть хочешь, когда вырастешь?» – он твёрдо ответил: «Художником и поэтом».

Ясно, что под определением «художник» мальчик подразумевал, если говорить упрощённо, рисовальщика. Но, сам того не сознавая, он напроорочил себе будущее великого художника слова.

Сколько любви вложено в слова, воспевающие русское поле! Как отдельное художественное произведение, как стихотворение в прозе воспринимается отрывок из повести «Печаль полей»:

«Поля мои! Вот я стою среди вас один, обнажив перед вами темя. Кричу вам, вы слышите? Треплет волосы ветер, - это вы дышите, что ли? Серые. Ровные. Все видные насквозь и вдаль. Все – грусть безвременья, все – тайна, - стою среди вас, потерянный и один.

Детство моё, любовь моя, вера моя! Смотрю на вас, на восток и на запад, а в глазах туман от слёз. Это в детстве, что ли, в зелёном апрельском детстве, вы глядели на меня таким бездонным взором, кротким и строгим. И вот стою я и жду теперь. Стою и слушаю чутко, - откликнитесь!

Я вас чувю, как рану, сердцем во всю ширину вашу. Только слово, только одно внятное слово, - ведь вы живые. Ведь ваши тоску-глаза я уже вижу где-то там, на краю света. Только одно слово, – я слушаю... Нет. Передо мною пусто, и вы молчите, и печаль ваша – моя печаль.

Поля-страдалицы, мои поля, родина моя. Я припал к сырой и тёплой груди твоей и по-ребячески крепко, забыв обо всём, целую...»

Только благочестивый сын может так истово говорить о матери-земле. Всё просто сказано, а как волнует! Вот оно, настоящее русское слово большого русского писателя!

А вот дневниковые записи Михаила Пришвина: «Я слышу дыхание лилового колокольчика. Я его люблю. Он связан со мной. И через любовь мою к цветку я связан со всем великим миром...

Природа, как и жизнь, не поддаётся логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове «природа». Никто не даст всеохватывающего определения...

Природа явилась нам как родина, и родина-мать обратилась в отечество...»

Вот это и есть, наверное, Пришвинское, всеохватывающее, определение природы.

И Михаил Пришвин, и Сергеев-Ценский предстают перед нами то в образе сурового гражданина, когда речь идёт об опасности для Родины, то в образе тонкого лирика, когда воспевает природу и людей земли. Преданность Отчизне, безграничная любовь к ней звучат, например, в стихотворении Сергеева-Ценского «Родина». Автор говорит, что ему «жить за рубежом не приходилось», и он нисколько не жалеет об этом, потому что ему дороги «Свои поля, свои моря и горы: / Ведь даже солнцу не хватает дня, / Чтoб оглядеть моей земли просторы!»

Эти строки написаны Сергеевым-Ценским в преклонном возрасте, но он так же восторженно, как в детстве и юности, смотрит на необъятную ширь русской земли, много лет питавшую его талант:

*Я вижу Родину и новой, и большою,
А потому и в восемьдесят лет
Остался телом прям и юн душою.*

Словно вторит ему Михаил Пришвин, признаваясь, какую радость он испытывает от сознания своей причастности к Родине, её красоте:

«Тишина. Не шевелится ни один листик вверх, и только внизу на неслышимом сквознячке трепещет на паутинке сухой листик.

В этой хрустальной тишине деревья, и старые пни, и сухостойные чудища ушли в себя, и их не было, но, когда я вышел на полянку, они заметили меня и вышли из своего оцепенения...»

Только истинный творец, художник слова, ПОЭТ может всё это заметить, впитать в себя и дать нам, читателям, почувствовать и пожелать испытать то, что испытал автор. Не случайно задают

вопрос: чем отличается поэт от *не* поэта? Тем, что *не* поэт видит в луже грязь, а поэт – отражение голубого неба...

Вот ещё одна картинка, увиденная Пришвиным: «Я думал о маленькой звездочке, определившейся на лугу по образу солнца, и понимал её существо, как рассказ о солнце, исполненный выразительной силы, и через неё вернулся внутрь того круга, каким обведена природа моего тела и освоена моей личностью.

Мне казалось, что из этого круга заключённой природы можно выглянуть, как выглянула звездочка, и всю природу со всеми её вселенными понять, как свою собственную... Такая «природа» должна лечь в основу воспитания наших детей...»

Вот она, пришвинская мысль о воспитании природой, её красотой и богатством! И не заменят её никакие лекции об экологии, никакие призывы беречь природу... Хотя и это тоже нужно. Но всё должно быть органично и подкреплено вот таким **видением**, таким зрением, каким обладали художники слова Пришвин, Сергеев-Ценский, многие другие...

Михаил Пришвин воспевал свою малую родину, наш великий земляк Сергеев-Ценский воспел Тамбовский край, где родился и рос, Крым, где жил и работал много лет. В его произведениях, дневниковых записях, в беседах с теми, кто посещал его и оставил воспоминания, ощущается постоянное стремление писателя к тем местам, где прошли его детство и отрочество. Он мысленно переносился в край, пробудивший в нём поэта и художника, сердцем видел его красоту и навсегда остался благодарным своей малой родине:

Вот они, тамбовские просторы!

Нет, их не состарили года...

Я купался в море, видел горы,

Но душой стремился лишь сюда.

* * *

Но припомнились мне ширь степей и лесов,

Высь бездонных небес голубая,

Шёпот старых дубов, ароматы цветов,

Пред вечерней зарёю раскат соловьёв –

Детство, юность моя золотая!

Произведения Сергеева-Ценского, Михаила Пришвина – это прекрасный образец русского литературного языка, что в сочетании с приёмами народного творчества придаёт им художественную глубину и силу. И на вопрос: «Где ты, великое русское слово?» можно смело отвечать: «У Пришвина, у Сергеева-Ценского, которых обогатил родоначальник русского литературного языка Александр Сергеевич Пушкин...»

Трошина И. В.

Особым детям – особые книги

Орловская областная специальная библиотека для слепых имени Александра Григорьевича Абашкина выполняет роль центральной библиотеки Орловской области по организации библиотечно-информационного обслуживания людей, испытывающих трудности в чтении печатной продукции и доступе к информационным ресурсам.

Ежегодно библиотека обслуживает более двух с половиной тысяч читателей. Большинство из них – это люди с ограничениями жизнедеятельности, прежде всего незрячие и слабовидящие, а также родители детей-инвалидов, руководители и члены общественных организаций, поддерживающих эти категории граждан; тифлопедагоги, преподаватели.

Фонд библиотеки уникален по своему составу, он насчитывает почти 120 тысяч документов. Это плоскопечатные, рельефно-точечные и крупношрифтовые издания, «говорящие» книги на аудиокассетах, компакт-дисках, флешкартах, рельефно-графические и комплексные пособия.

Одним из направлений пополнения фонда библиотеки и расширения доступа читателей к книге и информации является собственная издательская деятельность. В библиотеке создана технологическая база для воспроизведения и издания **звуковых и рельефно-точечных книг, рельефно-графических пособий** по запросам читателей. Специалисты библиотеки участвуют во Всероссийских конкурсах, проектах, награждены многочисленными дипломами и Почетными

грамотами за издательскую деятельность, за продвижение книги в среду незрячих и слабовидящих граждан.

Главный потенциал библиотеки – это её читатели, разные по возрасту и интересам. Самые юные любители книг – воспитанники дошкольных образовательных учреждений городов Орел, Мценск, Ливны, с которыми библиотеку связывают совместные творческие проекты. Результатом такой деятельности стали тактильные книги для маленьких слепых детей: «Журнал моделей. Вязание крючком», «Дашуткина книжка» Нины Хорошиловой. Каждая из книг уникальна и сделана с огромной добротой, помогает детям знакомиться с окружающим миром, формирует образы, пробуждает в малышах познавательный интерес и любовь к чтению. Ручная работа при создании таких книг несёт в себе особую энергетику, тепло и уют. К этим книгам хочется постоянно прикасаться, познавать их содержание кончиками пальцев.

В январе 2018 года в Орловской специальной библиотеке стартовал издательский проект «Особым детям – особые книги. Учимся читать по Брайлю», он посвящен объявленному в России 10-летию детства.

Первые книги, напечатанные параллельно рельефно-точечным и укрупнённым шрифтами, теперь будут доступны детям с глубокими нарушениями зрения. Благодаря расположению строки с плоскочечатными буквами над строкой с брайлевским текстом родители смогут следить за правильным чтением ребенка. В январе этого года в детском саду компенсирующего вида № 27 г. Орла состоялась презентация книг «Красная шапочка» и «Кот в сапогах», изданных к юбилею Шарля Перро в специальных форматах.

А к юбилею Михаила Михайловича Пришвина, писателя, чьё имя с гордостью носит ваша библиотека, жизнь и творчество которого были неразрывно связаны с Орловским краем, мы дарим вашим читателям книги, изданные в этом юбилейном году: «Золотой луг», «Лисичкин хлеб» и «Лесной доктор». Написанные простым языком повествования о повадках животных, они призваны пробудить в маленьких читателях любовь к родной природе, её флоре и фауне.

В ближайших планах библиотеки – издание книг Елены Александровны Благиной, детской писательницы, юбилей которой будет отмечаться в мае 2018 года. Мы с удовольствием поделимся с вами результатами своей работы.

Петрова Г. Н., Чупахина Т. Н.

**Почитаем вместе книги М. М. Пришвина
о природе России
(итоги Межрегиональной акции по продвижению чтения)**

Наша библиотека постоянно проводит мероприятия, направленные на популяризацию творчества писателя-земляка, имя которого наше учреждение носит с 1981 года. Опыт библиотеки в этом направлении неоднократно публиковался на страницах профессиональных периодических изданий.

В декабре 2016 года, накануне 2017 года – Года экологии в России – «Пришвинка» обратилась к библиотекарям России, работающим с детьми, с предложением принять участие в Акции по продвижению чтения **«Почитаем вместе книги М. М. Пришвина о природе России»**. Библиотекой было разработано Положение об Акции, которое определяло её статус, цель, задачи, порядок, условия и сроки её проведения. Согласно Положению в Акции принимают участие детские библиотеки РФ, а также все муниципальные детские библиотеки Орловской области. Участниками Акции становятся, прежде всего, основные пользователи детских библиотек – дети и подростки в возрасте **от 6 до 14 лет** включительно.

В своём творчестве Пришвин обращался не только непосредственно к ребёнку, но и к ребёнку, сохранившемуся в душе каждого взрослого, поэтому его произведения о природе захватывают чувства и детей, и взрослых. Зная эту особенность творчества писателя, мы приглашали к участию в Акции и взрослых: библиотекарей, педагогов, родителей, представителей органов государственной власти, общественных деятелей, писателей, профессиональных и самодеятельных артистов, спортсменов, представителей различных заинтересованных учреждений и организаций.

Проведению Акции (согласно Положению) предшествовал подготовительный этап:

С 10 января 2017 года библиотеки – участницы Акции – должны были организовать для своих пользователей мероприятия, популяризирующие жизнь и творчество М. М. Пришвина (литературные вечера, квесты, книжно-иллюстративные выставки), выпускать рекламную продукцию, связанную с проведением Акции (буклеты, закладки, афиши).

Дата проведения Акции была приурочена к дню рождения Пришвина и проводилась **2 февраля 2017 года**. В этот день одновременно во всех библиотеках – участницах Акции – детям должны были быть прочитаны вслух лучшие произведения М. М. Пришвина о природе.

Информация о предстоящей Акции была размещена на сайте библиотеки и в группах «Пришвинки» в социальных сетях. Положение об Акции было отправлено по электронным адресам тех библиотек, с которыми нас издавна связывают узы профессионального творческого сотрудничества.

2 февраля 2017 года сотрудники «Пришвинки» дали официальный старт Акции: в социально-реабилитационном Центре для несовершеннолетних города Орла для воспитанников состоялось чтение и обсуждение сказки-были М. М. Пришвина «Кладовая солнца».

На предложение принять участие в Акции откликнулись библиотеки различных типов и ведомственной принадлежности из всех регионов России – от республиканских и областных библиотек до школьных и сельских, то есть она приобрела статус межрегиональной. Географический охват впечатляет: от Москвы до Магадана и от Якутии до Краснодарского края!

Особо хочется отметить активное участие в Акции библиотек, носящих имя Михаила Михайловича Пришвина. Среди них Центральная городская детская библиотека города Липецка; Библиотеки №65 и №207 города Москвы; Библиотека города Новосибирска; Детские библиотеки Нижнего Новгорода, Перми, Красноярска.

Общее количество участников Акции составило **23 716** человек, из них **22 240** – дети). Лидерами по количеству участников стали **Волгоградская, Орловская, Калужская, Челябинская и Свердловская области**. Несомненным лидером по количеству участников Акции (3661 человек) стала **Волгоградская область**. **Орловская область** лидирует по количеству организаций (84).

По всей России были прочитаны вслух лучшие произведения М. М. Пришвина о природе. Участники Акции узнали много увлекательных и поучительных пришвинских историй из жизни животного и растительного мира нашей страны, проявили свои творческие способности в различных творческих мастерских: делали рисунки к произведениям Пришвина, мастерили поделки, составляли книжки-малышки, придумывали книжные закладки. В рамках Акции были организованы книжно-иллюстративные выставки, в том числе электронные, презентации, устные журналы, игровые программы, мультимедийные игры, квесты.

С момента старта Акции мы мониторили информацию, размещаемую в различных источниках. В публикациях в электронных средствах массовой информации, на сайтах администраций муниципальных образований, библиотек, школ и детских садов, в блогах участники Акции рассказывали о том, как они отметили день рождения М. М. Пришвина.

По завершении Акции каждая библиотека-участник предоставила в Пришвинку письма-отчёты (всего библиотек-участниц **435 из практически всех федеральных округов РФ, 51% библиотек – из ЦФО**). По окончании Акции каждая библиотека-участница получила Диплом БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина» в электронном виде.

Во многих письмах к отчёту был приложен фото- и видеоматериал: фотографии с мероприятий, буктрейлеры, презентации, интерактивные игры, сценарии, викторины, рекламные материалы. Из большого объёма полученного материала мы выбрали самое интересное, оформив это в электронный сборник. С отдельными материалами я вас сейчас и познакомлю.

(демонстрация буктрейлера «М. Пришвин, Лисичкин хлеб» и интерактивных игр по творчеству М. Пришвина (ЦГДБ им. М. М. Пришвина, г. Липецк); электронной выставки по творчеству М. М. Пришвина (ЦДБ им. И. А. Крылова, город Орёл)

Подводя итоги, мы можем сказать: Акция прошла успешно, «Пришвинка» получила массу положительных отзывов и пожеланий организовывать подобную Аксию ежегодно.

Бесконечная радость постоянных открытий: развитие нравственно-эстетических чувств детей на основе прочтения произведений М. М. Пришвина

«Мысль, как крылатое семечко по ветру, находит какой-то свой способ лететь от человека к человеку и находить своего друга, хотя бы и через сто лет и за тысячи вёрст...»

Наверное, Михаил Михайлович Пришвин был бы рад узнать, какое количество людей, единомышленников, собирает ежегодно его творчество. Чем же интересен нам этот писатель? Я думаю, тем, что Пришвин, прежде всего, мыслитель, философ-мудрец, который оставил в своих произведениях не только талант, не только свои наблюдения, но и своё большое человеческое сердце. Читая записи его дневников, нельзя не увидеть, с каким трепетом писатель относится к своему читателю, как важно для него донести до своего друга способность к исследованию мира, умение радостно жить и безгранично верить в счастье. Михаил Пришвин писал: «Хочу не учить, а душевно беседовать, размышлять сообща и догадываться». А вот ещё одна дневниковая запись Пришвина, обращённая к писателю Николаю Сладкову: «...пишите о Небывалом и старайтесь меньше тратиться на расходы «накладные». Это следует понимать так: будьте, прежде всего, чутки к самой обычной жизни, не скользите по поверхности явлений, не повторяйте того, что очевидно, а показывайте человеку красоту неизведанную, то есть передайте то, что вы почувствовали, пережили сами, и если ваше поведение достойно высокого звания человека, то пережитое вами будет новым, небылым и для читателя».

Весь жизненный путь писателя был поучителен, оригинален и очень тесно переплетался с творчеством. Найти дорогу к человеческим сердцам – в этом видел писатель цель своего творчества. Писатель-патриот, более всего стремившийся к счастью своего народа, своей родины, Пришвин, конечно же, не мог не написать «большую литературу для маленьких». С огромным удовольствием я знакоблю детей с его замечательными книгами для детского чтения: «Лисичкин хлеб», «Дедушкин валенок», «Золотой луг», «Кладовая солнца» и др.

Михаил Пришвин входит в сознание юного читателя не только как поэт-натуралист, а, прежде всего, как поэт-психолог. Пришвинский мир «небылого» открывается глазами ребенка, поэтому он так близок и понятен маленькому читателю. Через всю жизнь Пришвин пронёс детскость во взгляде художника на мир, в оптимистичности и ясности мироощущения, в народности языка, в близости к людям, о которых принято говорить, что они не утратили своего детства. Радость первооткрывательства, удивление перед необъятностью Земли – это восторженное движение детской души, непосредственной и чистой. Автор обо всем говорит с любовью, он с жадностью вдыхает запахи полей и лесов, славит все светлое, что родится, цветёт, борется, умирает и вновь возрождается из семени, тянется к солнцу с единственной целью – жить.

Какой радостный мир открывается перед детьми в его «Родниках Берендея»! Сколько добрых чувств пробуждают его рассказы о животных! Писатель стремился создавать правдивые, жизнеутверждающие произведения о природе, окрашивая и согревая их «родственным чувством». «Нас приучают думать о животных, – писал он, – как мы думаем бесстрастно о людях на большой, переполненной улице. И вот бывает – в этой безликой толпе двое узнают друг друга и бросаются навстречу! Вот и мне хочется так изучать природу: среди всех зайцев, всех дятлов, землероек находить своего зайца, своего дятла, свою землеройку».

Дидактика пришвинских рассказов неназойлива. Он пытается научить примером, подсказать другу-читателю добрую мысль, порой полушуткой или только тонким намёком. Кажется, увидел он или услышал что-то интересное, но бесхитростное, принялся пересказывать – и вдруг «выплыла мораль». Через своё обращение к природе, через своё мироощущение писатель передаёт детям свою любовь к окружающему миру, к его тайнам и богатствам. «Многие любят природу, но немногие её принимают к сердцу, и даже тем, кто к сердцу принимает, не часто удается так сойтись с природой, чтобы почувствовать в ней свою собственную душу».

Книги Пришвина, говоря его же словами – это «бесконечная радость постоянных открытий». Совершая путешествие в мир книг М. Пришвина дети учатся исследовать и анализировать произведения писателя, учатся находить в тексте средства выразительности, воспитывать в себе любовь к природе. Вместе мы учимся видеть в обычном – необычное, в обыденном – чудесное и

волшебное. Полезным дополнением к литературным часам по произведениям Пришвина я считаю экскурсии и прогулки по лесу. Благодаря им дети учатся по-настоящему видеть и слышать природу. Как самому не сдуть пышную шапку с одуванчика после прочтения рассказа «Золотой луг»? А с каким интересом можно наблюдать за встречей собаки и кошки, и при этом записать свои наблюдения, а потом прочитать друзьям и сравнить с рассказом Пришвина «Ужасная встреча»! Какие литературные викторины по произведениям Пришвина можно придумать, используя яркие красивые фотографии животных (презентация «Мир вокруг нас»)?

В Год экологии мы с ребятами реализовывали исследовательский проект «Природа рядом с нами». Его задачи:

- развитие у детей умения анализировать информацию, формулировать собственную точку зрения на взаимоотношение человека и природы;
- развитие нравственно-эстетических чувств к окружающему миру;
- развитие интереса к творчеству писателей-натуралистов.

Участвуя в проекте, маленькие читатели превратились в юных исследователей природы. Писали заметки, делали фотографии, изучали литературу о животном и растительном мире, затем ребята подвели итог своей работы. Кто-то выполнил творческий проект, кто-то нарисовал рисунок, кто-то выразил свою работу в рукоделии. Дети работали и индивидуально, и выполняли коллективные задания (*презентация*).

Произведения Пришвина я использую не только в литературном чтении, но и на творческих часах. У писателя много зарисовок о природе. Прочитав такую зарисовку, я просила ребят нарисовать рисунки так, как они увидели прочитанное. Открывая мир фантазии и воображения, ребёнок рисует свою сказку. В детском творчестве можно увидеть неповторимый душевный и духовный мир ребёнка. Общение с природой обогащает его внутренний мир: дети открывают себя, видят, как в зеркале, отражение своих чувств и мыслей, учатся заботиться и о братьях наших меньших, и о человеке как части природы.

О своих книгах о природе для детей Пришвин написал так: «Исследуя написанное мною за 25 лет литературного труда, я нахожу бесспорную ценность в том, что написано мною для юношества и детей...»

Проходят годы, но книги Пришвина не стареют. В книгах писателя – жизнь большого гуманиста, мудрого и чуткого человека, искателя добра, красоты и правды. Пришвин оказался счастливцем, заветное желание которого сбылось ещё при жизни: «И так я нашел себе любимое дело: искать и открывать в природе прекрасные стороны души человеческой».

Корнеева С. Н.

«...Михаил Пришвин, из Ельца»: несколько страниц из биографии писателя-земляка

Почти полвека жизнь Михаила Михайловича Пришвина – агронома и ученого-этнографа, охотника с ружьём и фотокамерой, учителя и библиотекаря, фольклориста и краеведа, неутомимого путешественника, мудреца и сказочника – была связана с нынешним Липецким краем...

Родиной Михаила Михайловича Пришвина стала та благословенная часть России, что подарила нам целое созвездие великих писательских имён.

В одной из своих книг известный литературовед Вадим Валерьянович Кожинов отметил, что на сравнительно небольшом пространстве русской земли, занимавшем лишь три процента её европейской территории, родилось, по меньшей мере, двенадцать классиков русской литературы: Л. Н. и А. К. Толстые, Ф. И. Тютчев, А. В. Кольцов, И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, А. А. Фет, И. С. Никитин, Н. С. Лесков, И. А. Бунин, С. А. Есенин и М. М. Пришвин...

Небольшое (около 200 десятин) имение Хрущёво в Елецком уезде Орловской губернии (ныне Становлянский район Липецкой области), где в начале февраля 1873 года появился на свет Михаил Михайлович Пришвин, было когда-то куплено дедом писателя Дмитрием Ивановичем Пришвиным, который в середине XIX века одним из первых получил потомственное почётное гражданство. Происхождение фамилии своего старинного и хорошо известного в Ельце купеческого рода Михаил Михайлович связывал с «пришвой» – передним валом на ткацком станке, предназначенном для

крепления основы. Писатель считал, что его далёкие предки занимались изготовлением этой необходимой части станка. Однако слово «пришва» имеет и другое значение, связанное с сапожным промыслом.

У предков писателя, по елецкой традиции, имелось ещё и уличное прозвище – Алпатовы. Видимо, кто-то из них был лекарем, сторонником аллопатии, т. е. традиционных методов лечения, противоположных гомеопатии. Позже Пришвин даст фамилию Алпатов герою одной из лучших своих книг – автобиографического романа «Кашеева цепь»...

Будущий писатель рано потерял отца. Тот умер, когда Михаилу едва исполнилось семь лет. Заботу о семье взвалила на свои плечи мать Пришвина Мария Ивановна, в девичестве Игнатова. Она родилась в староверческой семье купцов-мукомолов в городе Белёве Тульской губернии. В девятнадцать вышла замуж, в сорок – осталась вдовой, успев родить семерых детей. Из них выжили четыре сына – Александр, Николай, Михаил, Сергей – и дочь Лидия. Дважды заложенное имение со 150 десятинами земли стало её последней надеждой. Вдова была превосходной хозяйкой. Её упорство, решительность, строгость с мужиками, экономия во всём дали положительный результат: Мария Ивановна выкупила у банка имение и смогла обеспечить детям хорошее образование. Эта необыкновенная женщина, по словам Пришвина, показала окружающим образец жизни, «полной великого смысла». Мать навсегда осталась для Михаила Михайловича непререкаемым авторитетом: на многое, в том числе и на природу, он смотрел её глазами. Мария Ивановна скончалась в возрасте 72 лет в 1914 году, не дожив до того времени, когда война с Германией переросла в великую смуту, и стала рушиться не только её большая семья, но и вся большая страна.

Безотцовщина Миша Пришвин рос сорванцом. Его лучшим другом был кучер Никифор по прозвищу Гусёк. Именно у него мальчик научился многим охотничьим хитростям, стал понимать природу. Воспитывала Мишу няня Евдокия Андриановна Седых, которая не только приглядывала за детьми, но и вела у Пришвиных домашнее хозяйство. В 1883 году, окончив сельскую школу, Михаил поступил в первый класс Елецкой классической мужской гимназии. Гимназический период биографии Пришвина давно стал достоянием отечественного литературоведения, о нём написаны сотни исследований и статей. Да и сам писатель весьма ярко запечатлел те елецкие события в дневниках, которые вёл на протяжении всей жизни. Одним из самых запоминающихся эпизодов его детства стал побег в Азию...

12 сентября 1885 года в Елецкой мужской гимназии случилось чрезвычайное происшествие: на уроки не явились Михаил Пришвин, Николай Чертов, Владимир Тирман и Константин Голофеев. Кто-то из них бежал, движимый муками неразделённой любви, кто-то – по бунтарской натуре или от ненавистных уроков: латыни, Закона Божьего, по которому непременно надо иметь «пятёрку», и полицейских порядков гимназического устава. И побег ведь почти удался, о чём рассказывает Пришвин в уже упомянутой «Кашеевой цепи».

Сплавлились мальчишки на лодке по реке Быстрая Сосна. Планировали добраться по ней к Дону, «а из Дона по берегу Азовского моря». Там уже и прятаться не придётся! Оповещённые о побеге городская и уездная полиция незамедлительно начали поиски. Когда гимназисты поняли, что за ними снарядили погоню, именно Мише Пришвину пришла в голову идея спрятаться под лодкой. Мальчишки пристали к берегу, вытащили своё нехитрое судно из воды, перевернули вверх днищем и залезли под него. То ли на беду, то ли на счастье малолетних правонарушителей, поисковой операцией руководил знаменитый на весь Елец становой пристав Н. П. Крупкин, гроза конокрадов, «которого на мякине не проведёшь». «Ночью дождя не было, а лодка мокрая», – заметил наблюдательный полицейский, когда стражи порядка наткнулись на лежавшее на берегу реки плавсредство, и перевернул его. Тут-то горе-путешественники и обнаружили! Но опытный Крупкин не стал бранить их, наоборот, устроил с беглецами пикник и, между прочим, рассказал, как его самого выгнали из шестого класса гимназии. Тем не менее, подростки понимали, что наказание ещё впереди и позор неминуем. Всю жизнь потом Пришвин с горькой иронией вспоминал шутку, которой встретили неудачливых беглецов их товарищи: «Поехали в Азию, попали в гимназию». Свою книгу «За волшебным колобком» писатель посвятил участникам той давней неудавшейся «экспедиции».

В 1889 году гимназист Пришвин, получив двойку по географии, пригрозил своему учителю, что если по вине того он не перейдёт в следующий класс, то расквитается с ним. Педагог, впоследствии известный писатель, философ и публицист Василий Васильевич Розанов, подал начальству докладную, и Пришвина выгнали с «волчьим билетом» без права поступления в другое

учебное заведение. Только благодаря ходатайству дяди, старшего брата матери Ивана Ивановича Игнатова, богатого судовладельца, Михаил отправился доучиваться в Тюменское реальное училище.

Спустя много лет, после Октябрьской революции 1917 года, Михаил Михайлович ненадолго вернётся в Елецкий уезд. Сначала – в родное Хрущёво. Ещё в 1916-м, после раздела имения, Пришвину досталось здесь тридцать десятин земли. На этом участке он решил построить дом и навсегда поселиться на родине, чтобы, работая, «своими руками начать новую жизнь и утвердиться в ней». Писатель перевёз сюда семью и увлечённо начал заниматься хозяйством: обрабатывал землю, помогал учить сельских ребятишек, изредка охотился, жил трудно и голодно, как все. В те годы он научился «путешествовать», сидя на крыльце собственного дома: «Терраска у меня крытая, с перилами и столбиками, будто рубка на пароходе. Вечером, бывает, когда спать лягут все, сядешь и оглянешься возле себя – вот деревья распускаются, другой раз сядешь и смотришь – деревья цветут, а вот уже и пожелтели, и листья на террасе лежат, и кажется, будто плывёшь куда-то...»

Счастье Пришвина было недолгим. Построив дом на деньги, заработанные литературным трудом, он не чувствовал себя помещиком. «Я никогда не думал, что эта маленькая собственность сделает меня врагом народа...», – напишет Михаил Михайлович, осознав свою роковую ошибку. Ведь в глазах крестьян его земля по-прежнему была частью целого, неразделённого имения. «Пришли в нашу деревню какие-то нездешние люди, – вспоминал Михаил Михайлович, – и стали требовать у крестьян моего удаления. На этом собрании один приятель за меня заступился и сказал так: «Этому человеку, быть может, нам придётся потом ставить памятник, подобно Пушкину». – «А вот, – ответили ему, – за то и надо его выгнать, чтобы не пришлось потом ставить памятник». В итоге Пришвиным «представили выдворительную», и они были вынуждены переехать в Елец. Перед самым отъездом из Хрущёва несколько односельчан пришли проститься с писателем. Деревенская портниха по прозвищу Королева подарила Михаилу Михайловичу на память полотенце, на котором вышла стихи собственного сочинения, заканчивающиеся словами:

Прощай, гений наш прекрасный,

Прощай, Пришвин Михаил.

И вот неожиданный поворот судьбы: в 1918 году Михаил Михайлович стал преподавателем в... Елецкой мужской гимназии (тогда она называлась школой второй ступени), давшей ему когда-то «волчий билет» в жизнь. И работал он здесь... учителем географии. Параллельно Пришвин некоторое время служил заведующим библиотекой в селе Стегаловка и налаживал в уезде краеведческую работу. Жители Ельца помнят, сколь велики заслуги писателя в деле сохранения местного исторического и культурного наследия. Михаил Михайлович спас от уничтожения множество книг из барских усадеб и передал их в организованную в те годы елецкую городскую библиотеку. Именно благодаря усилиям нашего земляка уцелело богатейшее книжное собрание Стаховичей, хранившееся в имении Пальна-Михайловка. Елецкие дневники Пришвина – кладовая интереснейших сведений о жизни провинциального города, его порядках и нравах, а также о драматических событиях Гражданской войны.

В 1919 году Пришвин стал свидетелем Мамонтовского погрома в Ельце, во время которого и сам чуть не погиб. К этому времени, потеряв трёх братьев, мать и сестру, писатель уже не верил, что революция и страдания людей «покажутся звеном в цепи событий, перерождающих мир». Всё пережитое в те годы Михаил Михайлович собрал в книге «Мирская чаша», которую не пропустил в печать сам Л. Д. Троцкий, наложив резолюцию: «Признаю за вещью крупные художественные достоинства, но с политической точки зрения она сплошь контрреволюционна». В июле 1920 года Михаил Михайлович Пришвин уехал из Ельца. На родину он больше никогда не вернётся...

В 1946 году писатель купил дом в селе Дунино под Звенигородом, на живописном берегу Москвы-реки. Дунинская усадьба с её аллеями и лугом, вековыми липами, елями и яблоневым садом очень напоминала Михаилу Михайловичу родные места. «Усадьба Дунино пришла ко мне в точности, как возмещение Хрущёва», – записал Пришвин в своём дневнике. – «...Мне кажется, будто я вернулся в Хрущёво, в лучшее, прекрасное место, какого и не бывало на свете!» До конца дней в его сердце будет жить благодарная память об этом затерянном в Черноземье маленьком селе, ставшем колыбелью его «я». В пришвинском доме-музее хранится несколько дорогих писателю реликвий, связанных с его родными местами. Например, дорожка с надписью «Чем больше гляжу, тем более в тебе приятства нахожу», вышитая его матерью; акварельный этюд 1913 года «Вид с веранды хрущёвского дома», написанный двоюродной сестрой Пришвина Марией Ивановной Игнатовой. Именно эту картину попросил принести ему 21 апреля 1953 года заболевший писатель.

Тогда в его дневнике появились строки: «Лежу и днями смотрю на картинку Хрущёво, и всё не нагляжусь...».

Как же сейчас выглядит село, где 145 лет назад родился замечательный писатель? Каждый, кто рискнёт свернуть с шоссейной дороги и поколесить по просёлкам Липецкой земли в поисках усадьбы Пришвиных, рано или поздно найдёт лишь её руины... К сожалению, в 1987 году родные пенаты нашего знаменитого земляка были стёрты с лица земли реформами по укрупнению сельских населённых пунктов...

Сейчас это место называется Хрущёво-Лёвшино, и ничего, кроме кое-где уцелевших остатков фруктового сада не напоминает о том, что когда-то здесь кипела жизнь. С большим трудом пробравшись сквозь густые заросли, на старом погосте рядом с развалинами Борисоглебской церкви можно найти обнесённую железной оградой могилу матери писателя.

Чуть дальше – место, где находился усадебный дом. Среди разросшихся кустов черёмухи и шиповника ещё можно разглядеть остатки фундамента и вход в погреб, а в траве – треугольный кирпичный фронтон здания. На небольшой поляне растёт высокая старая груша. Говорят, что в последние годы жизни Пришвин часто вспоминал сад своего детства, где «священным» деревом была именно груша-бессемянка. Близкие писателя решили сделать ему подарок: привезли саженец этого сорта и посадили в дунинском саду. Нежное южное дерево, к радости Михаила Михайловича, прижилось, и он даже успел попробовать «своих бессемянок». Груша погибла сразу после его кончины в 1954 году...

Природа, окружающая место, где когда-то было имение Пришвиных, – типичный образец южнорусской. Особенно хороши два бывших барских пруда.

Теперь на родине «дивного певца природы» о нём напоминает лишь памятник, который установлен в школьном сквере села Пальна-Михайловка Становлянского района Липецкой области. Елец тоже хранит память о своём замечательном сыне Михаиле Пришвине. На одной из центральных улиц древнего города, в котором когда-то жил выдающийся писатель, стоит его бронзовый бюст.

Пугина М. Г.

Музыка в жизни и творчестве И. С. Тургенева

Сегодня мир вокруг нас изменяется достаточно быстро. Способность к саморазвитию и самообразованию, умение и желание самосовершенствоваться определяют в будущем личную успешность сегодняшнего ученика.

Одним из эффективных способов, формирующих метапредметные знания, являются интегрированные уроки, на которых развивается кругозор учащихся, интеллект, а также формируется в сознании целостная картина мира. Метапредметные связи на уроках русского языка и литературы устанавливаются, прежде всего, с историей, изобразительным искусством, музыкой.

Литература и музыка, слово и музыка – два великих начала, две стихии искусства. На протяжении многих веков они непрерывно взаимодействуют, нередко спорят и борются, нередко приходят к согласию и взаимопониманию. Их столкновение и примирение порой рождают шедевры – песни, романсы, оперы. Текст способен придать музыке новое звучание; он обогащает её смыслом, оттенками чувств, красочностью тембров. Задачей учителя-словесника является показать детям новые стороны литературы, затронуть струнки их душ. На мой взгляд, именно сочетание этих двух стихий поможет нам в этом.

Изучая творчество и биографию И. С. Тургенева, мы обычно говорим об антикрепостнических настроениях, влиянии их на судьбу писателя.

Мне бы сегодня хотелось показать Тургенева с другой стороны – во взаимодействии музыки и литературы, проанализировать значение музыки в его жизни и творчестве. По моему мнению, такой анализ поможет нам показать Тургенева не только как писателя, но и вместе с ним прочувствовать настроение его души, оставить неизгладимый след в сердцах детей.

Музыка с самого раннего детства была важна для писателя. Еще в 8 лет маленький Тургенев со своим приятелем, тёзкой, дворовым мальчиком Ваней Кубышкиным, часто убегал в село Спасское, чтобы полюбоваться деревенским праздником и послушать пение крестьянских девушек,

увидеть их весёлые хороводы. Лёжа в густых зарослях орешника между господским садом и деревней, мальчики часами наблюдали за событиями на деревенской улице, прислушивались к словам полюбившихся песен, запоминая их мелодии. Музыкальный слух у Ванечки Тургенева был изумительным.

Пройдёт много лет, и Тургенев, пленённый творчеством Полины Виардо в итальянской опере, всё-таки останется верен народным мотивам. Студентом Петербургского университета Иван Сергеевич часто посещает музыкальные вечера и концерты, оперные и драматические спектакли. Тургенев с детских лет, будучи неизменным поклонником и ценителем музыки, часто испытывал настоящий музыкальный голод. Тогда он подходил к фортепиано и одним-двумя пальцами проигрывал любимую мелодию и подпевал высоким тонким голосом, не соответствующим ни его росту, ни широкой богатырской натуре. Обладая безукоризненным музыкальным слухом, он улавливал самую ничтожную ошибку, любой фальшивый звук.

Писатель уезжает вслед за Полиной из России во Францию. Музыкальные и литературные «утренники» в парижском доме Виардо были популярны не одно десятилетие, и одним из активнейших участников литературных чтений и благодарнейшим слушателем был Иван Сергеевич Тургенев.

В 1865 году в Баден-Бадене, в доме Виардо, на музыкальных утренниках играли выдающиеся пианисты, среди которых были Брамс, Рубинштейн. Тургенев был автором либретто к опереттам, которые сочиняла Полина Виардо. Большое счастье, что мы имеем возможность увидеть оперетту-фантазию «Последний колдун» в нашем театре.

1875 год, Париж. В доме на улице Друэ по-прежнему царила артистическая атмосфера. По четвергам здесь устраивались концерты с благотворительной целью, музыкальные «утра», литературные чтения. В них участвовали русские и французские писатели, музыканты, художники. Тургенев читал свои произведения. Полина Виардо исполняла русские романсы. Вспоминали, что, когда она пела романс П. И. Чайковского «И больно, и сладко», Тургенев «совершенно воодушевлялся». Художник В. Д. Polenov рассказывал, как «Иван Сергеевич стоял в углу и прямо рыдал».

Чуткий слух подсказал в дальнейшем уже писателю Тургеневу образы, исключительные по красоте и точности. Не будь у него такого тонкого, подлинно музыкального слуха, намного беднее было бы его литературное творчество, поблекли бы в нём картины природы, потускнели волнующие музыкальные эпизоды. Писатель постоянно вслушивался в богатейшую стихию звуков окружающей жизни. Это стало для него творческой потребностью и профессиональной привычкой.

В художественной прозе Тургенева немало эпизодов, которые нужно не только прочесть и понять, но, прежде всего, услышать и прочувствовать. Вот почему многие тургеневские образы раскрываются полностью только тем читателям, которые постараются вслушаться в повествование «музыкальным ухом» и смогут «оживить» поэтические сравнения, наполнив их личным чувственным содержанием.

В том, что музыкальные эпизоды в творчестве Тургенева не случайны, что писатель придавал им большое значение, свидетельствуют многие страницы его творчества. Перечитайте их, и вы поймёте, как внимательно относился Тургенев к музыкальным характеристикам своих героев. В музыке, которая так часто звучит в его романах, повестях и рассказах, писатель видел одно из выразительных средств эмоциональной окраски повествования и создания психологически достоверного образа.

А как тонко Тургенев передаёт музыкой переживания своих героев, с какой полнотой выявляет весь строй их чувств! Можно привести в пример множество эпизодов в рассказах из «Записок охотника» (рассказ «Певцы», со слов «Яков помолчал, взглянул кругом...» до слов «...и увидел, что победа была его...» ; повести «Затишье», «Старые портреты»; роман «Отцы и дети», глава 16, со слов «Катя неохотно приблизилась к фортепьяно...» до слов «...А ведь недурно играет эта барышня, и сама она недурна», роман «Накануне», глава 3, со слов «У Берсенёва в комнате стояло фортепьяно...» до слов «...останавливаясь и замирая на уменьшенных септимах», роман «Рудин», глава 3, со слов «Я вижу фортепьяно, – начал Рудин...» до слов

«...Пандалевский кончил») . И, может быть, самый волнующий музыкальный эпизод - в романе «Дворянское гнездо», в сцене, когда Лаврецкий, признавшись в любви Лизе и ощущая, как «чувство неожиданной, великой радости наполнило его душу», внезапно услышал ночную импровизацию старого музыканта Лемма...

В повести Тургенева «Ася» и «Вешние воды» важную роль в характеристике женских образов и в создании композиционного ряда произведения играет музыка. Так, с точки зрения композиции в повести «Ася» интересно следующее: Впервые Н. Н. знакомится с Гагиным и Асей на коммерше – торжественном празднике для студентов, на который он пошел из любопытства: «Вдруг донеслись до меня звуки музыки; я прислушался. В городе Л. играли вальс; контрабас гудел отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко». Именно музыка стала причиной встречи главных героев и связала их судьбы вместе. Значимую роль в плане композиции играет музыка и в повести «Вешние воды». Неким предвестником судьбы Санина становится попури из оперы Мейербера «Роберт - Дьявол», которую он услышал в парке перед встречей с Полозовой: «...он постоял перед беседкой, в которой помещался оркестр, послушал попури из «Роберта-Дьявола «...» присел на лавочку – и задумался». Роберт – средневековый рыцарь, его жизнь с рождения была дарована дьяволу. Роль искусителя, дьявола в женской плоти играет Мария Полозова, роль Роберта принадлежит Санину. Полозова желает заполучить душу и тело Санина, и если Роберт из знаменитой оперы не подчиняется злой силе и искушению, то тургеневский герой оказывается полностью в ее власти. Музыкальный ряд становится своеобразным обрамлением всего произведения: с него начинается и им же заканчивается повесть. Так, эпиграфом к повести И. С. Тургенев избирает строки из старинного романса: «Веселые годы, Счастливые дни – Как вешние воды промчались они!». Данный эпиграф в поэтической, музыкальной форме выражает основную идею произведения и содержит некий итог событий, которые будут происходить в дальнейшем.

Кроме композиционного замысла произведения музыка отражает характер главных героинь повестей «Ася» и «Вешние воды». Музыка играет важную роль в создании образов «тургеневских девушек», она сопровождает героинь в переломные для них моменты, в моменты душевных переживаний, которые вызваны сильным, искренним чувством любви к мужчине.

На мой взгляд, на уроках литературы полезно говорить о таких особенностях в творчестве и произведениях Иван Сергеевича, это позволят глубже понять смысл произведений писателя, окунуться в атмосферу того времени, словно вместе с Тургеневым сесть за фортепиано и сыграть всем знакомые мелодии.

Все слышали романс «Утро туманное», но не все знают, что слова написаны И. С. Тургеневым. Называлось его стихотворение «В дороге». Музыку написал Эраст Абаза. Романс Тургенева – песнь любви к милой сердцу Родине нашей, дорогой великому русскому писателю и нам, его потомкам.

Прослушав этот романс, мы задумываемся о самом главном – о том, что нас тревожит... А я, как учитель русского языка и литературы, – о том, какой след романс оставил в моей душе и душах моих учеников...

Список литературы

1. Салим, А. Тургенев – художник, мыслитель / Аднан Салим. – Москва : Современник, 1983. – 224 с
2. Винникова, Г. Э. Тургенев и Россия / Г. Э. Винникова. – 3-е изд., перераб. – Москва : Советская Россия, 1986. – 411 с.
3. Добролюбов, Н. А. Собрание сочинений : в 3 т. / Н. А. Добролюбов. – Москва : Гослитиздат, 1950-1952. – Т. 3 : Статьи и рецензии. 1860-1861 гг. / [подгот. и примеч. В. Дорофеева]. – 1952. – 741 с.
4. Курляндская, Г. Б. О сценах драматического действия в романах И. С. Тургенева / Г. Б. Курляндская // Учёные записки Орловского государственного педагогического института. Т. XXIII / Орловский государственный педагогический институт ; кафедра литературы. – Орёл, 1964. – Вып. 4. – С. 209-226.
5. Пустовойт, П. Г. Творческий путь Тургенева : очерк / П. Г. Пустовойт. – Москва : Детская литература, 1977. – 126 с.
6. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / под ред. [и с предисл.] М. К. Лемке. – Санкт-Петербург : тип. М. Стасюлевича, 1911-1913. – Т. 3. – 1912. VII, 791 с.
7. Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. Накануне. Отцы и дети. – Любое издание.
8. Чичерин, А. В. Ритм образа : стилистические проблемы / А. В. Чичерин. – Москва : Советский писатель, 1973. – 278 с.
9. Шаталов, С. Е. «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева / С. Е. Шаталов ; Министерство просвещения РСФСР ; Арзамасский государственный педагогический институт. – Арзамас : [Б. и.], 1961. – 115 с. – (В помощь учителю).

Формирование ключевых компетенций на уроках литературы средствами стиховедения и стихосложения

Мои способности обнаруживались лишь тогда, когда умственный процесс шёл от меня, когда я был в активном творческом состоянии.

Николай Бердяев

На современном этапе развития общества все чаще можно услышать ту или иную интерпретацию слов Альберта Эйнштейна как оценку эффективности российского школьного образования: «Образование – это то, что остаётся после того, как забывается всё выученное в школе». И долгое время отечественная образовательная среда рассматривалась именно через эту призму критики.

Иными словами, результатом обучения в школе было овладение большим объемом теоретических знаний, которые выпускник не мог применить на практике, не мог продолжить успешно осваивать самостоятельно. Получив их в готовом виде, человек не мог продуктивно выстраиваться в изменчивые социальные процессы, не научившись мобильности и универсальности в их применении.

В начале 1990-х годов отечественное образование более внимательно прислушивается к модернистским европейским образовательным концепциям, активно включаясь в международные системы и процессы. Поэтому в российской педагогике появляется понятие «компетенции», берущее свое начало в нормативных документах Международной организации труда и положениях Совета Европы. Большое внимание вопросу содержания понятия «компетенция» уделяет А.В. Хуторской, доктор педагогических наук, член-корреспондент Российской академии образования. В его понимании «компетенция» – это социальное требование (внешняя норма) к образовательной подготовке ученика, необходимой для его качественной продуктивной деятельности в определенной сфере. А компетентность – владение, обладание учеником соответствующей компетенцией (внутреннее качество ученика) [9;2].

Таким образом, компетентностный подход напрямую оказывается взаимосвязан с системно-деятельностным, ориентированным на субъектное участие ученика в процессе обучения. Новая парадигма образования должна быть ориентирована на формирование потребностей в постоянном пополнении и обновлении знаний, совершенствовании умений и навыков, их закреплении и превращении в компетенции [1;38].

Компетенции становятся все более важными составляющими современных образовательных моделей. Так, в «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» отмечается новый вектор развития современного образования, заключающийся в переходе от сугубо знаниевой системы к компетентностной: «общеобразовательная школа должна формировать целостную систему универсальных знаний, умений, навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся, то есть ключевые компетенции, определяющие современное качество содержания образования. Опираясь на богатейший опыт российской и советской школы, следует сохранить лучшие традиции отечественного естественно-математического, гуманитарного и художественного образования» [6].

Эту идею поддерживает и национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», предложенная в 2010 году Д. А. Медведевым. В документе говорится о непременном мониторинге достижений и сформированных у ученика компетенций, среди которых особое место занимают такие, как «инициативность, способность творчески мыслить и находить нестандартные решения, умение выбирать профессиональный путь, готовность обучаться в течение всей жизни» [Национальная образовательная инициатива "Наша новая школа" <http://минобрнауки.рф/документы/1450>].

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования рассматривает компетенции и компетентность ученика как результат освоения обучающимися основной образовательной программы основного общего образования. Поэтому усилия современного учителя должны быть направлены на формирование компетенций, полезных не только

на конкретном уроке, но и применимых к любой учебной и внеучебной деятельности, сегодня и в будущем.

В современной педагогике существует ряд классификаций компетенций, взаимодополняющих и поясняющих друг друга. Министерство образования и науки Российской Федерации, проанализировав Болонский процесс, рассматривает все компетенции как общие (универсальные, ключевые, "надпрофессиональные") и профессиональные (предметно-специализированные) [2; 17]. Именно ключевые компетенции являются совокупностью или универсальной системой знаний, умений, навыков, способностей, вошедшей в личностный опыт, обеспечивающей качество или успех в деятельности при решении тех или иных жизненных проблем или ситуаций.

Подробный анализ вариантов классификации проводит И. А. Зимняя, формулируя в конечном итоге собственную классификацию, включающую десять компетенций, разделенных на три группы: компетенции, относящиеся к самому человеку как личности, субъекту деятельности общения, компетенции, относящиеся к социальному взаимодействию человека и социальной сферы, и компетенции, относящиеся к деятельности человека. [3; 9]. А. В. Хуторской предлагает рассматривать компетенции с позиций социального и личностного опыта ученика в их соотносительности с целями образования и предлагает семь групп компетенций. Все они объединены понятием ключевых компетенций и являются универсальными инструментами для достижения успеха в любой сфере жизнедеятельности. К ключевым компетенциям ученый относит ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникативные, социально-трудовые и компетенции личностного самосовершенствования.

Формирование этих компетенций имеет своей целью всесторонне развитую, активную, самостоятельную, мобильную и готовую к любым социальным вызовам личность. При этом ключевые компетенции логично взаимосвязаны с конкретными предметными компетенциями, которые формируются на уроках русского языка и литературы. Так, модель литературной компетентности понимаем как интегрированный компонент учебных достижений учеников, как способность к мобилизации и применению комплекса специфических личностных, когнитивных и эстетико-коммуникативных механизмов, как совокупность субкомпетентностей [10;59].

- общекультурная литературная компетентность – восприятие литературы как неотъемлемой части национальной культуры, понимание принадлежности литературы к сфере художественной культуры (искусства); знание и понимание содержания и проблематики отечественных и зарубежных художественных произведений; представление о важнейших этапах развития литературного процесса, об основных фактах жизни и творчества выдающихся писателей;

- ценностно-мировоззренческая компетентность – понимание нравственных ценностей и мировоззренческих категорий, отраженных в литературе, умение определять и обосновывать свое отношение к этим ценностям, отстаивать гуманистические нравственные позиции;

- речевая компетентность – знание норм русского литературного языка; владение основными видами речевой деятельности; способность к написанию сочинений разных типов и литературных творческих работ различных жанров;

- читательская компетентность – способность к творческому чтению, освоению литературного произведения на личностном уровне; умение вступать в диалог «автор – читатель», погружаться в переживания героев; понимание специфики языка художественного произведения.

Анализ текста (художественного, научного, публицистического) представляет собой один из важнейших приемов работы с текстом, направленным на формирование предметных, метапредметных и ключевых компетенций. Иными словами, это универсальное средство познания информации об окружающей действительности, заключенной в различные виды и формы текстового материала. На уроках литературы ученики чаще всего сталкиваются с художественным текстом, который характеризуется смысловой целостностью, композиционной и сюжетной оформленностью. Читая такое произведение, ученик создает уже свою версию прочитанного, представляющую собой личностную трактовку текста – интерпретацию.

«Не сразу читатель приходит к свободе общения с писателем, к тому, что художественный текст становится понятен, как родной язык... каждый писатель – это особый мир, и нужно душевно измениться, чтобы войти в него. Вот эта способность к душевной перестройке, пересмотру, изменению себя – тоже труд читателя, часто тяжелый, но в итоге всегда радостный» [4;94]. Данная мысль принадлежит известному литературоведу В. Г. Маранцману, который выделил три этапа постижения художественного текста: «эмоциональное погружение в текст», «анализ – это путь от

читательских впечатлений к автору произведения, это попытка приблизиться к позиции писателя» и использование «содружества искусств» для наиболее полного истолкования текста.

Исходя из данных высказываний ученых и педагогов, считаем анализ текста средством достижения образовательных целей на уроках литературы, способом формирования компетенций и всестороннего развития личности. Однако чистый анализ не может быть самодостаточен, оставаясь лишь этапом работы над художественным текстом. Наивысшую ценность он представляет в тандеме с таким приемом, как создание собственного художественного текста. На уроках русского языка и литературы, прежде всего, это разного рода сочинения с критическим, аналитическим, публицистическим содержанием. Но возможности уроков литературы могут быть существенно расширены за счет включения заданий на создание именно художественных текстов.

В своей педагогической практике я активно использую данный комплекс приемов, который условно можно назвать «художественный анализ – художественный синтез», конечным результатом которого становится довольно глубокая интерпретация (осмысление, постижение, прочувствование) художественного текста и создание собственного текста по моделям, на основе заданного сюжета, ключевых слов, жанровых особенностей.

Создание своего стихотворения на основе имеющегося текста вызывает на начальных этапах неоднозначную реакцию. Неуверенность в собственных силах, отсутствие навыка написания стихотворений, страх перед новым видом работы, опасения вызвать неадекватную реакцию у сверстников – все эти причины становятся «якорями», тормозящими работу. Преодоление этих затруднений возможно различными педагогическими методами. Считаю целесообразным на начальном этапе освоения данного вида работы давать задания по составлению (сочинению) собственных художественных текстов на дом. Так удастся снять основное напряжение, поскольку ребенок оказывается в привычной, спокойной обстановке, будет иметь возможность выполнить задание в комфортных для него условиях, в удобное время. Немаловажно для ребенка получить в этой ситуации и помощь от взрослых (родителей, старших братьев или сестер). Действие по образцу станет первым шагом к осмысленному и самостоятельному выполнению задания, а значит – для успешного формирования нужных компетенций у обучающегося. Если на первых этапах ученик будет иметь сразу несколько образцов, то успешность дальнейшей работы только повысится. При этом, конечно же, не следует злоупотреблять помощью, нельзя подменять помощь выполнением работы за ребенка. Как и в любой другой учебной ситуации, подобная «медвежья услуга» не позволит перейти ученику на следующий уровень выполнения задания «художественный синтез».

Этот этап является важным, можно сказать, контрольным этапом при освоении данного педагогического приема. Создание художественных текстов непосредственно на уроках требует от ученика серьезной литературоведческой, лингвистической и общеучебной подготовки. Работа по написанию стихотворений может осуществляться в различных формах – индивидуальной, парной, групповой. Такие задания могут стать частью проектной работы на уроках, реализующих ФГОС, или являться элементом работы на повышенном образовательном уровне на дополнительную оценку.

Освоение такого вида работы будет свидетельствовать о том, что ребенок получил достаточные теоретические знания и сформировал важные для синтеза (создания собственного текста) навыки – работа по формированию ключевых, метапредметных и предметных компетенций была продуктивной. Подтвердит данное умозаключение и переход ребенка на следующий этап – самостоятельное написание художественных произведений.

Рассмотрим возможности и перспективы использования данных приемов для формирования ключевых и предметных компетенций у обучающихся на конкретных примерах. Так, программа 6 класса предполагает знакомство и изучение с поэтическими текстами классиков отечественной литературы – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчевым, А. А. Фета. Среди стихотворений этих поэтов стоит выделить «Листья» и «С поляны коршун поднялся...», принадлежащие перу Федора Ивановича Тютчева, за их глубокую философскую содержательность. Именно на примере этих стихотворений удастся довольно продуктивно строить процесс постижения общечеловеческих вопросов, понимания «подводных камней» содержания произведения. Работа над этими стихотворениями предполагает погружение в скрытый смысл, в метафоры и переносные значения не только отдельных слов, но и целого текста. В ходе анализа обучающиеся не только работают с поиском средств художественной выразительности, но и с различением планов повествования, позиций автора и лирического героя. Такой подробный анализ позволяет подготовиться ко второму этапу работы – собственно художественному синтезу.

В качестве примера рассмотрим текст стихотворения Ф. И. Тютчева «С поляны коршун поднялся»:

*С поляны коршун поднялся,
Высоко к небу он взвился;
Все выше, дале вьется он —
И вот ушел за небосклон.*

*Природа-мать ему дала
Два мощных, два живых крыла —
А я здесь в поте и в пыли,
Я, царь земли, прирос к земле!.. [7; 86]*

В качестве задания ученики получили набор ключевых слов, с которыми они работали в течение урока. Данные слова были выделены как центральные образы стихотворения: «коршун», «небо», «небосклон», «вьется», «крылья», «земля», «прирос». Дети довольно быстро отмечают наличие в стихотворении антитезы между коршуном, олицетворяющим стихийные силы природы, подлинно свободным и могучим порождением ее гения, и лирическим героем, человеком, сокрушенным осознанием своего мнимого величия, своей ложной царственностью. Эта антитеза осмысливается учениками по-разному.

1. В этой авторской версии тютчевская идея находит поддержку и развивается:

*Орел с поляны поднялся,
Высоко в небо он взвился;
Все выше, дальше вьется он
И вот ушел за горизонт.
Та птица в облака стремится,
Свободой насладиться.
Ей жизнь дала
Два мощных, два живых крыла.
А я здесь страстью озаренный,
Судьбой всего того лишенный. (Бахарев Владислав, 6 «А» класс)*

Следует отметить, что ученик сохраняет ритмическую (с некоторыми ошибками) организацию, вид рифмы, и в целом стихотворение максимально повторяет исходный текст Тютчева.

2. Данный вариант предложен ученицей, которая пошла несколько дальше в своей интерпретации, добавив в содержание мотив сна. Кроме того, в готовом стихотворении использованы не словосочетания и предложения исходного текста, а действительно ключевые слова, которые были озвучены в задании.

*Однажды видел я во сне,
Как будто птицей в небе был я.
Парил свободно в тишине,
Стремясь попасть я к горизонту.
Но, видно, было не судьба
Попасть мне к этой цели.
Проснулся я почти к утру
В своей взъерошенной постели. (Шпонько Наталия, 6 «А» класс)*

Помимо использования ключевых слов, стоит отметить и лексическую работу, проведенную ученицей. Она использует синонимы, свободно меняя ключевые образы, отсюда возникают семантические пары «коршун — птица», «небосклон — горизонт», «земля — постель». Отдельное внимание следует обратить на трансформацию, которую претерпело идейное содержание: в стихотворении Тютчева антитеза выстроена на противопоставлении коршуна и человека, а в стихотворении ученицы возникает метафора «человек-птица», объединяющая устремления к полету, свободе природы и человека. Налицо глубокое понимание текста, умение анализировать и проникать в суть философских размышлений автора, внося в них собственные идеи.

Следует также отметить, что в тексте присутствуют речевые и грамматические ошибки, мотивированные незнанием некоторых правил грамматики. Например, в предложении «Парил свободно в тишине, стремясь попасть я к горизонту», нарушена норма употребления деепричастного оборота, с которым дети познакомятся в следующем классе. Но сам факт употребления такой сложной синтаксической конструкции говорит о том, что ребенок имеет представление о таком

средстве художественной выразительности и стремится им пользоваться для создания подлинно красивого текста.

3. Третье стихотворение представляет собой промежуточный вариант в содержательном плане между первым и вторым текстами. Ученица исключает из содержания лирического героя Тютчева, сосредотачивая все внимание на образе свободной птицы, но лишает ее безграничной свободы. Ребенок оказывается прагматичным в вопросах философии и напоминает читателю, что вечным полет быть не может:

*Где-то в небе, над облаками,
Одинокий орел пролетал,
Птица гордая, величавая,
О любви и счастье мечтал.
Но судьбе суждено так сбыться:
Высоко над горизонтом кружиться
И со страстью, с безумною силой
За добычей к земле стремиться. (Наумова Дарья, 6 «А» класс)*

Отметим, что в стихотворении ученицы нарушена структура рифмы: если в первой строфе рифма перекрестная нестрогая, то во второй соответствует модели ААБА и реализована посредством глаголов в форме инфинитива. Однако такая бедность рифмы не позволяет говорить о скудности содержания. Ученице удалось передать неоднозначность положения героя стихотворения, вынужденного снова и снова возвращаться на землю. За кажущейся простотой мысли скрывается довольно глубокое осмысление содержания исходного стихотворения Ф. И. Тютчева и понимание весьма сложных законов природы.

4. Данный текст также демонстрирует умение ученицы работать с системой образов художественного произведения, но не отличается глубиной понимания исходного текста, т.к. утрачена философская параллель между птицей и лирическим героем, антитеза между их предназначениями:

*В дали горизонта виднеются горы,
Орел молодой поднимается ввысь.
Орел – это птица страстей и свободы.
И жизни простор открывается мне. (Кузнецова Анна, 6 «А» класс)*

Ребенок не смог подобрать наиболее близкую рифму ко второму стиху, поэтому структура рифмы четверостишия выглядит неудачно – АБАС. Сравнительно точная и поэтически эффектная характеристика героя-птицы реализуется посредством двух существительных «птица *страстей* и *свободы*», в остальном же стихотворении отсутствуют какие-либо средства художественной выразительности.

5. Выделяется среди всех работ стихотворение (анонимного автора), в котором ученик трансформирует художественный замысел Тютчева настолько радикально, что художественное противопоставление образов птицы и человека исчезает, уступая идее о неспособности орла покорить горизонт (орфография и пунктуация автора сохранены):

*Крылатый орел летит в небеса,
Птица свободы, страсть **облока**,
Но у него такая судьба –
Не покорит горизонт никогда.*

Такая вольная трактовка исходного текста становится возможной при довольно глубоком осмыслении образов и взаимосвязи между ними. Ученик продолжает мысль Тютчева о невозможности полетов наравне с птицами, но предлагает и более широкую философскую идею о бесконечном устремлении к цели. Даже свободная и могучая птица, по мнению ребенка, не может достичь конечной точки своего пути, поскольку эта точка отсутствует как таковая. Интересен ход мыслей юного поэта, определяющийся, вероятно, уже имеющимся жизненным опытом и кругозором.

6. Интересна и не лишена художественной ценности интерпретация стихотворения, предложенная ученицей, зафиксировавшей в своем стихотворении основную мысль (идею) стихотворения Тютчева:

*Орел с вершины поднялся
И только в небо он стремился
(Вся страсть – лететь сквозь облака).
И тут за горизонт он скрылся.*

У птицы жизнь ведь такова:

Свобода – вот его судьба. (Горбатова Алина, 6 «А» класс)

Ученица определенно ориентируется в смысловой структуре исходного текста, во многом опираясь на сюжетную канву стихотворения, но меняет главного героя. Такая замена может свидетельствовать о попытке собственного синтеза, желания отойти от оригинала, опираясь при этом на него. Фактически, это первый шаг к стихотворчеству, попытка преодолеть глагольную рифму, признаваемая «бедной», и неточные рифмы 1-3/5-6 в стихах. Ритмическая и стилистическая составляющие указывают на хорошую подготовку и понимание законов стихосложения, соответствующих возрастным особенностям ученицы.

7. Среди всех полученных в ходе выполнения творческой работы стихотворений есть и белый стих, не лишенный определенного изящества:

Жизнь и судьба гордой и величественной птицы Орел –

Летать высоко в небе, далеко за облаками – до самого горизонта. (Агафонцев Иван, 6 «А» класс)

Вероятно, создание рифмованных строк у ученика вызывает затруднение, но ему удалось почувствовать внутренний ритм четырехстопного ямба, который слышится при динамичном и выразительном прочтении получившегося текста. Ученик смог выделить основную мысль стихотворения и отметил ее в употребленных однородных подлежащих «жизнь и судьба», устанавливая философское содержание стихотворения Тютчева и воспроизводя его в своей работе.

Анализируя полученные тексты, можно отметить общую тенденцию к переработке стихотворения-оригинала, стремление внести индивидуальные детали, поиск необычных рифм, образов, средств художественной выразительности. Такая работа повышает интерес к анализу художественного текста, умение интерпретировать его, выделять ключевую информацию и формулировать собственные мысли на основе прочитанного.

Важным итогом можно считать и повышение уровня уверенности в собственных силах, творческом потенциале, которая зачастую находится на очень низком уровне. Возможность встать в один ряд (конечно, условно) с классиками русской и мировой литературы дает ученикам понять, что каждый из них одарен, развит, готов творить, учиться, развиваться и искать новые пути самореализации.

Подобная форма работы имеет высокий образовательный и воспитательный потенциал, заряжая учеников энергией стихотворчества – созидания и преобразования.

Список литературы

1. Байденко, В. И. Болонский процесс : структурная реформа высшего образования Европы / В. И. Байденко. – 3-е изд. – Москва : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Российский Новый университет, 2003. – 128 с.
2. Болонский процесс : поиск общности европейских систем высшего образования (Проект Tuning) / под науч. ред. В. И. Байденко. – Москва : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. – 211 с.
3. Зимняя, И. А. Компетентностный подход – реальность современного образования / И. А. Зимняя // Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании / И. А. Зимняя. – Москва : Исследовательский центр пробл. качества подготовки специалистов, 2004. – 38 с. – (Труды методологического семинара «Россия в Болонском процессе: проблемы, задачи, перспективы» / М-во образования и науки Рос. Федерации, Исслед. центр пробл. подгот. специалистов Моск. гос. ин-та стали и сплавов (Технол. ун-та). Сектор гуманизации образования).
4. Маранцман, В. Г. Интерпретация художественного произведения как технология общения с искусством / В. Г. Маранцман. – Литература в школе. – 1998. – № 8. – С. 91–98.
6. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 N 2765-р «О Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2016 - 2020 годы» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – [Б.и., б.г.]. – URL: <http://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29122014-n-2765-r/> (дата обращения : 16.01.2018).
7. Тютчев, Ф. И. Полное собрание стихотворений / Ф. И. Тютчев. – Ленинград : Советский писатель, 1987. – (Библиотека поэта. Большая серия).

8. Ушинский, К. Д. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. / К. Д. Ушинский. – Москва : ГУПИМП, 195 -1954. – Т.1 : Вопросы воспитания. – 638 с. – (Библиотека учителя).
9. Хуторской, А. В. Компетентностный подход и методология дидактики : к 90-летию со дня рождения В.В. Краевского / А. В. Хуторской // Вестник Института образования человека. – 2016. – № 1.
10. Яценко, Т. А. Развитие литературной компетентности учеников в процессе изучения художественной национальной литературы в общеобразовательных школах Украины / Т. А. Яценко // Личность, семья и общество : вопросы педагогики и психологии : сборник статей по материалам XXII международной научно-практической конференции. Часть I. – Новосибирск : СибАК, 2012.

ПЕДСОВЕТ – СВОБОДНЫЙ ОПЫТ

Аничкина Е. М.

Организация пространства: проба – осмысление – опыт – прогнозирование

«Книжкин дом», «место, где живут книги» – привычные словосочетания, которыми даётся определение понятию «библиотека». Детская библиотека же представляет собой нечто большее, чем просто вместилище книг. Пространство библиотеки было и остаётся местом, аккумулирующим токи культурной жизни населённого пункта. Даже если это отдел для малышей с книжками-игрушками. Пространство культуры. Пространство знаний. Пространство жизни.

Сейчас распространена и обсуждаема концепция «библиотека – третье место». Она подразумевает, что библиотека стремится стать для пользователей третьим после дома и работы (в случае с детской библиотекой – после дома и школы) местом, в котором люди проводят своё время. Чем является эта концепция – идеалом или всё же достижимой целью – каждое учреждение решает самостоятельно.

Путь к пространству жизни многоступенчат и разнонаправлен. Это не только доброжелательное отношение к детям и взрослым, приходящим в библиотеку. Это каждый кубометр помещения, каждый час рабочего времени, заполненный полезным явлением или действием.

Подходов к созданию комфортного и полезного для читателя пространства может быть множество. В Орловской детской библиотеке им. М. М. Пришвина этой цели посвящены книжные и творческие выставки, интегрированные занятия с читателями, организация доступа к книжному фонду.

С 2015 года в библиотеке реализуется проект «Книжные окна Пришвинки»: выставка-витрина как путь к читателю в информационном пространстве». Наша библиотека имеет 8 больших окон витринного типа, находится в центре города, где часто гуляют местные жители. Хорошо организованные, яркие, интересные выставки-витрины привлекают внимание прохожих, позволяют им рассмотреть представленные на выставке книги с улицы. К новогодним праздникам окна традиционно украшаются бумажными узорами в технике вытынанки. В 2018 году, ознаменованном юбилеем писателя-орловца И. С. Тургенева, планируется размещение в окнах-витринах плакатов с цитатами из его произведений.

В преддверии новогодних праздников мы предложили нашим читателям самим украсить окна в отделе обслуживания дошкольников и учащихся 1-4 классов. Ребята активно занялись этой игрой и выложили из бумажных снежинок интересные узоры. Такая включённость в жизнь библиотеки усиливает ощущение домашней обстановки во время пребывания ребёнка в ней, поскольку дети видят свой вклад и чувствуют его значимость.

Одной из новых и популярных форм привлечения детей и взрослых в библиотеку, повышения интереса к библиотечной жизни является организация тематических фотозон. В прошлом году такие

фотозоны, создающие новогоднее настроение, появились и у нас. Их задача заключается в том, чтобы сделать каждый поход читателя за книгами особенным, ведь на память о посещении библиотеки у него останутся яркие и необычные снимки. Запоминающейся деталью акции «Библиосумерки» стала фотозона в виде корабля-парусника «Летучий орловец». Сейчас, когда практически все мобильные устройства обладают функцией фотографирования, такие фотоуголки в детской библиотеке оказываются востребованными и обоснованными.

Основная забота об украшении библиотечных помещений ложится на художника-оформителя, но творческими поисками в этом деле занимаются, конечно, и сами библиотекари.

Выставочная деятельность – важная составляющая библиотечной работы, и подход к ней не может быть формальным. Там, где собственных ресурсов оказывается недостаточно, на помощь приходят учреждения-партнёры. Так, длительное время продолжается сотрудничество детской библиотеки с отделением «Фотовидеотворчество» Орловского областного колледжа культуры и искусств и лично с преподавателем Людмилой Романовной Домарацкой. Фотоработы учащихся колледжа экспонируются в фойе главного входа библиотеки. Традиционно в качестве названия фотовыставки используется цитата из какого-либо произведения М. М. Пришвина, который, как известно, был не только писателем, но и фотохудожником.

Фойе отдела обслуживания дошкольников и учащихся 1-4 классов обычно украшают творческие работы учеников Орловской детской школы изобразительных искусств и ремёсел. Темами выставок служат сказочные сюжеты, иллюстрации к детским произведениям, путешествия по разным странам, времена года и многое другое. Случается, что к нам приходит маленький читатель, видит рисунок по книге, которая вдохновила такого же маленького художника, и хочет её прочитать. Получается небольшой круговорот искусства в библиотеке.

Выставки детских работ экспонируются и в секторе эстетического воспитания Пришвинки. Открытие каждой выставки сопровождается мастер-классом по изобразительному искусству от преподавателей учреждений дополнительного образования города.

Развитию творческого потенциала детей способствуют проводимые и самими библиотекарями занятия. Цикл мастер-классов «Традиционная русская кукла» посвящён главной детской игрушке, которая на Руси носила сакральный смысл. На мероприятиях школьники не только мастерят, но и узнают о значении таких известных тряпичных куколок, как рождественский ангел, домашняя масленица, крупеничка и других.

В 2017 году были проведены первые пробные творческие занятия выходного дня с индивидуальными читателями библиотеки. Их результаты показали перспективность такого формата работы, и на 2018 год был запланирован цикл семейных встреч и мастер-классов «Занималочка». Мастер-классы проводятся один раз в месяц в определённый день. В качестве дня творческого занятия для удобства запоминания читателями было выбрано последнее воскресенье месяца.

Проводятся занятия индивидуально или с небольшой группой детей и родителей. Строго фиксированного времени начала занятия нет. Таким образом, любой читатель, будь он «ранней пташкой» или любителем вечерних прогулок, не опоздает к началу. Библиотекарь занимается с участниками в течение всего дня, поэтому дети и родители знают, что их в библиотеке всегда ждут и готовы провести мероприятие именно для них. С детьми мы делали ромашку-оригами к празднику Дня матери, ёлочное украшение из цветной бумаги, занимались рисованием на почтовых конвертах. С готовностью присоединяются к творчеству и родители.

Любое творческое занятие обязательно включает в себя компонент работы с книгой. Это может быть литературная интермедия во время занятия, просмотр книжной выставки.

Если ребёнку по душе пребывание в библиотеке, он будет стремиться возвращаться туда чаще. У нас сложился круг маленьких читателей-волонтёров, которые приходят помогать библиотекарям на каникулах или во внеучебное время. И хотя для них это пока просто игра, мы верим, что зерно доброты посеяно, и в будущем оно принесёт положительный результат.

Важная роль в библиотечном пространстве принадлежит организации открытого доступа к книжному фонду. Недавно у нас появился специальный книжный стеллаж «Чтение без ограничения» для пользователей с ограниченными возможностями здоровья. На стеллаже представлены книги со звуковым сопровождением, книги с тактильными вставками, книги с крупным шрифтом. Несмотря на своё узкоспециализированное назначение, этот стеллаж стал популярен среди читателей дошкольного возраста и сейчас является средством повышения интереса маленького читателя к

библиотеке. Нередко по вечерам и в выходные дни родители приводят детей с целью позаниматься, поиграть с книгами, представленными на стеллаже.

Пофантазировать на тему того, как должна выглядеть их любимая библиотека, мы предложили ребятам, и в отделе для малышей появился открытый скетчбук. Этим словом называют альбом для эскизов, набросков, зарисовок, который обязательно есть у творческого человека. Посетители и гости нашей библиотеки – люди творческие, поэтому мы решили, что и у нас должен быть свой библиотечный скетчбук. В альбоме под названием «Я рисую библиотеку» можно изобразить библиотеку: нашу, любую другую или даже библиотеку своей мечты. В нём можно высказывать свои идеи, оставлять пожелания или делиться настроением.

Библиотечное пространство не обязательно должно ограничиваться стенами помещения, часто оно выходит за их пределы. С 2015 года библиотека им. М. М. Пришвина реализует проект «Читающая остановка». На автобусной остановке, находящейся рядом с библиотекой, была обустроена книжная полка для свободного и безвозмездного обмена литературой. Горожане приносят издания из своих домашних запасов и могут взять взамен любые другие книги с полки.

Детская библиотека – это площадка для всестороннего гармоничного развития маленького человека, поэтому атмосфера, в которую попадает читатель, придя в библиотеку, должна быть непринуждённой и притягательной. Такая атмосфера создается ежедневной добросовестной работой, приносящей радость сотрудникам и пользователям. Пространство жизни не нуждается в секретных рецептах – необходима только любовь к своему делу. Завершат эту мысль слова из произведения М. М. Пришвина, которые когда-то выносились в название библиотечной фотовыставки: *«Красота избегает тех, кто за ней гоняется: человек любит своё что-нибудь, трудится, и из-за любви, бывает, появится красота».*

Кульчицкая Н. Н.

Духовно-нравственное образование: аспекты, методы, средства

Повесть М. М. Пришвина «Мирская чаша», посвящённая трагическому развороту событий российской истории в начале 20 века, начинается описанием болота, Чистика.

«Чистик – славное наше моховое болото, мать великой русской реки (речь идёт об истоке Днепра). Не одно это болото питает реку, но все питающие мхи называются чистики», – такое природоведческое начало повести, в том числе и само слово *чистик*, настраивает на мирный лад расслабления и отдохновения на лоне природы после тяжёлых трудов человека.

«Как пробьёшься из этих зарослей в чистик – чистое место, благодатное, весной каждая кочка – букет цветов, летом после комара, как подсохнет, найдёшь себе кочку величиною со стол, и в неё как в постель, только руками поводишь, гребёшь в рот клюкву, чернику, бруснику – кум королю!» – читаешь и радуешься, что есть же выход из трудностей и безысходности современной цивилизации – возвращение к природе, к её первозданной красоте и богатству. Очевидно, рождается естественный вопрос: как бы побыстрее это сделать, помягче для людей и природы и чтобы все сразу поняли, как надо хорошо и правильно жить?

Казалось бы, М. М. Пришвин и даёт рецепт: **«Такой чистик нужно бы сделать заповедником, и топор, и огонь чтобы не касались лесов, окружающих болото-исток, мать славного водного пути из варяг в греки, иначе река иссякнет и страна обратится в пустыню».**

Только читать и воспринимать этот текст как рецепт очень сложно.

Путь из варяг в греки – древняя история, как её связать с географическими понятиями реки и пустыни, тем более страны, которая может превратиться в пустыню? Эти же слова, понятые как метафора: и путь, и исток, и река, и пустыня – могут нас очень далеко увести от реальной жизни, а Пришвин писал о конкретном времени, конкретной стране. О той стране, в которой сейчас живём мы, и значит, нам надо понять, как пробиться из «зарослей в чистик», как сохранить страну, чтобы она не превратилась в пустыню.

По сути, вся повесть посвящена описанию того времени, когда люди, собравшись или оказавшись под знаменем, обозначенным словом *свобода*, борются за новую жизнь, пытаются её устроить. Автор, как древний летописец, записывает по следам событий: «В год-два леса были так

исковерканы, завалены сучьями, макушками, что трава и цветы не выросли, и за грибами, за ягодой стало невозможно пройти, озёра опустели, всю рыбу повыловили и заглушили солдаты бомбами, птицы куда-то разлетелись, или их поели лисицы? Да, только хищники, лисицы, волки, ястреба заполонили все вырубki, заваленные сучьями. Лес, земля, вода – вся риза земная втоптана в грязь, и только небо, общее всем и недоступное, по-прежнему сияет над этой гадостью».

Мы понимаем, что все природные богатства, включая деревья, птиц, ягоды, травы и хищников, в контексте слов *свобода, ризы земные и небо* предполагают человека. Где же он? Неужели то, над чем сияет небо, это и есть человек с его волей, силами и стремлениями? Что делать нам со знанием своей истории – неужели только обвинять и спорить? **«Или это не так? Но верно, что Россия была как пустыня с оазисами; срубили оазисы, источники иссякли, и пустыня стала непроходимой».**

Насколько наша история – это наше прошлое? Неужели Россия **«это лишь чувство прошлого? Но какое же у нас прошлое – народ русский в быту своём неизменный; история власти над русским народом и войн? – размышляет Пришвин. – Огромному большинству русского народа нет никакого дела до власти и до того, с кем он воюет; история страдания сознательной личности, или это есть история России? Да, это есть, но когда же кончится, наконец, такая ужасная история, и сам Распятый просил, чтобы миновать ему эту чашу, и ему даже хотелось побыть».**

Власть, война, страдания сознательной личности – такими словами обозначаются ключевые понятия истории России, но тут же обозначается возможный (а скорее, необходимый) контекст размышления о прошлом – чаша Иисуса Христа и «ему даже хотелось *побыть*», чаша как знак Его внимания к нашей земной жизни.

Вступление к повести заканчивается молитвой: **«В день грядущий, просветли, Господи, наше прошлое и сохрани в новом всё, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу».**

События повести, написанной в 1922 году, позволяют нам встретиться с различными людьми, которые то ли живут, то ли выживают, то ли строят новую жизнь, то ли создают лестницу, чтобы соединить чашу нашей жизни как реальность, не исчезающую в прошлом, а делящуюся до сего дня, с сияющим небом. И судя по содержанию повести и, главным образом, по языку, постоянно переводящему нас с уровня на уровень, небо – это единственное не закрытое для нас пространство. И только слова молитвы – честное отношение к себе, к своим поступкам и своим желаниям, соединённым со знанием адресата – могут, достигнув небесных пределов, рассказать нам самим о нас правду.

Последние строки всей повести – последний абзац – погружение в чашу (или в котёл, чан???). Что за время, что за география, куда смотреть: под ноги или вперёд, вниз или вверх? На что ориентироваться в пургу, которая закрыла всю землю?

«В позёмке исчез скоро Иван Петрович, как несчастный эллин, затерявшийся в Скифии, потерялся ампиный дворец и парк с павильонами, но наверху было ясно и солнечно, правильным крестом расположились морозные столбы вокруг солнца, как будто само Солнце было распято. Всё сыпалось, всё двигалось вниз, виднелась только верхняя половина лошади, а ноги совсем исчезали, и в поле далеко что-то показывалось и пряталось в позёмке, какие-то серые тени с ушами, лошадь храпнула, и стало понятно, что волки. И ещё чёрный ворон пересёк диск распятого солнца, летел из Скифии клевать грудь Прометея, держал путь на Кавказ».

Эллин и Скифия, ампиный дворец, путь чёрного ворона на Кавказ к Прометею – что за сказка, миф!? Но в контексте с распятым Солнцем ясно ощущается время – современность, наше время, наше беспокойное время, когда так важно знать, что же делать, что же думать!

Думать и делать! Это и есть главное наше дело, связанное с желанием освободиться от зверей, населяющих душу человека. Ответ на вопрос – как? – искать надо не в рецептах психологов, и не только в исследованиях и размышлениях философов и историков. Мифы и сказки – метафорический взлёт над пространством и временем – дадут нам нужный ракурс, точку зрения на историю, географию и суть человека, для которого и предназначена наша земля!

И тургеневская сказка «Капля жизни» именно и есть подсказка о том, как преодолеть земные трудности и при этом вырасти в полноценного человека.

Сказка о бедном мальчике – заболели отец и мать, не знал, как помочь, сокрушался. Узнал о пещере, полной страшных отвратительных гадов – **ежегодно в известный день на своде появляется капля чудодейственной живой воды, и кто эту каплю проглотит, тот сможет исцелять не только недуги телесные, но и душевные немощи.**

От страха пришёл в ужас! Но нечего делать, стал ждать, ждать, ждать... Справился с ужасом.

Потянулся кверху – о чудо! – капля живой воды упала ему прямо в раскрытый рот.

Мальчик недаром проглотил эту каплю – он стал знать всё, что только доступно человеческому пониманию, он проник в тайны человеческого организма и не только излечил своих родителей, - стал могуществен, богат, и слава о нём пошла далеко по свету.

Итак, капля жизни и мирская чаша!

Сказка о капле, исцеляющей человека и повесть о чаше, от которой нельзя отказаться.

Метафоры чаши и капли, на наш взгляд, объединяются обращённостью к небу, к солнцу, к необходимости преодолеть страх. Сущность человека – единство его устремлённости, цельность тела, души и духа – целостность. В капле жизни – жизнь.

Чтобы исцелиться, исцелить родителей, прошлое своей страны, тоже нужно «потянуться кверху» и не пугаться реальной жизни, жизни мирской, но не забывать тянуться изо всех сил.

Тянуться и понимать, куда и зачем! Мирская жизнь – жизнь в миру, жизнь, полная хозяйственных забот, семейных, романтических и др. Мирская жизнь – не монастырь. Но чаша жизни – вся жизнь человека, не одного человека, а Человека. И жизнь такого Человека – чаша, то, что ему предназначено, предназначено всем его предкам, его потомкам, то, о чём он должен помнить и нести в себе, помня цену, которая заплачена за возможность жить, и обращаясь к Тому, Кто смог не отказаться от Чаши.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абинякина Татьяна Владимировна** – старший научный сотрудник Музея писателей-орловцев
- Александрова Марина Александровна** – учитель русского языка и литературы МБОУ г. Мценска «Средняя общеобразовательная школа №4»
- Аничкина Елена Михайловна** – заведующая отделом обслуживания дошкольников и учащихся 1-4 классов БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
- Баранова Ирина Леонидовна** – заведующая детской библиотекой №10 МБУК «Централизованная система детских библиотек г. Брянска»
- Беднарская Лариса Дмитриевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева
- Голубева Светлана Сергеевна** – редактор Орловского Дома литераторов, член Союза писателей России, г. Орёл
- Домарацкая Людмила Романовна** – фотохудожник, член Союза фотохудожников России, преподаватель БПОУ ОО «Орловский областной колледж культуры и искусств»
- Дорожкина Валентина Тихоновна** – член Союза писателей России, руководитель литературно-творческого объединения «Тропинка» ТОГБУК «Тамбовская областная детская библиотека»
- Зезека Елена Михайловна** – заместитель директора ГБУК «Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф.И. Тютчева», доцент кафедры менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы, кандидат педагогических наук, г. Брянск
- Калинина Виктория** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Колаева Ирина Викторовна** – заведующая Центральной городской детской библиотекой им. М. М. Пришвина МУ «ЦБС» г. Липецка
- Кондратенко Алексей Иванович** – доктор филологических наук, член Союза писателей России
- Корнеева Светлана Николаевна** – главный библиотекарь отдела проектно-программной деятельности ОБУК «Липецкая областная детская библиотека»
- Кулешова Ксения Геннадьевна** – магистрант 1 курса Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева
- Кульчицкая Нина Николаевна** – доцент кафедры технологии обучения и методики преподавания предметов БУОО ДПО «Институт развития образования», кандидат педагогических наук
- Меркурьева Наталья Алексеевна** – первый проректор ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», кандидат филологических наук, доцент
- Мялкина Татьяна Витальевна** – библиотекарь Никуличинской сельской библиотеки-филиала МКУК «Центральная районная библиотека», Свердловский район, Орловская область
- Новикова Екатерина** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Орешина Валерия** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Петрова Галина Николаевна** – заведующая научно-методическим отделом БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
- Помыткина Татьяна** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Пугина Мария Геннадьевна** – учитель русского языка и литературы МБОУ гимназия №16 г. Орла
- Смоголь Наталья Николаевна** – доцент кафедры русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, кандидат филологических наук
- Старченко Николай Николаевич** – кандидат филологических наук, основатель и главный редактор детского журнала о природе для семейного чтения «Муравейник», заслуженный работник культуры РФ, лауреат литературной премии им. М. М. Пришвина
- Тищенко Виктория** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Трошина Ирина Валерьевна** – заведующая отделом автоматизации КУК ОО «Орловская областная специальная библиотека для слепых имени А. Г. Абашкина»
- Хобова Алина** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Чебан Елена** – обучающаяся МБОУ «Гимназия №16» г. Орла
- Чупахина Татьяна Николаевна** – ведущий методист научно-методического отдела БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
- Чучмина Ольга Андреевна** – магистрант 1 курса Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

Шмотова Анна Павловна — заведующая сектором страноведения и литературы на иностранных языках филиала «Брянская областная детская библиотека» ГБУК «Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева»